

Р

№ 9-1928

ПРИКЛЮЧЕНИИ

Изд-во
"П.П.СОЙКИН"
ЛЕНИНГРАД

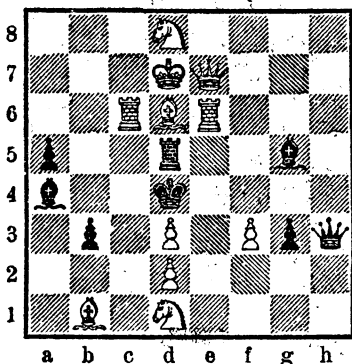

Под редакцией мастера *Арв. Ив. Куббеля*.

К О Н К У Р С № 9.

Задача № 17

И. Наценеленбогена (Ленинград).
Печатается впервые.

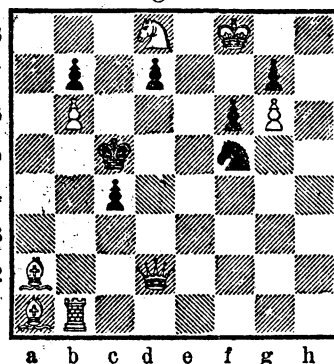

Кр. d7, Ф e7, Л с6, е6, С b1, d6, К d1, d8, П d2, d8, f8.
Кр. d4, Ф h3, Л d5, С a4, g5, П a3, b3, g8.

Мат в 2 хода.

Задача № 18

А. Ольсона (Стокгольм).
„Svenska Dagbladet“ 1927 г.

Кр. f8, Ф d2, Л b1, С a1, a2, К d8, П b6, g6.
Кр. e5, К f3, П b7, c4, d7, f6, g7.

Мат в 2 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будет выдан приз (шахматная доска с комплектом фигур).

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. Остр. 10 линия дом 39, кв. 83, Арвиду Ивановичу Куббель. Последний срок отсылки решений 25 ноября (по почтовому штемпелю). Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 5.

Задача № 9. А. Куббеля. 1. Ф b8—c7, Кр. d4; 2. Ф: d6 + 1....., Кр. e6; 2. Л e3 + 1....., h5: g4; 2. Ф c5 + (угр.) 1....., b4—b3; 2. Л e3 +.

Задача № 10. В. Калины. 1. Л b3—b4!

Премия — шахматную доску с комплектом фигур по жребию получает подписчик № 1064 — С. Кричевцов, м. Гремяч, Глуховского округа.

Правильные решения обеих задач прислали: А. Кириллов, Е. Лемешевский, Д. Эстрин, И. Орлов, И. Пачисткин, М. Леонтьев, Е. Куббель, Р. Александров, М. Захарьевский (все Ленинград), Т. Соколенко, К. Введенский, Е. Смирнов (все Одесса), П. Кириллов-Губецкий (Детское Село), В. Тацневский (Евпатория), Н. Ярунов (Архангельск), И. Беспалов (ст. Ершов), В. Гнилицкий (Ростов н/Д), В. Трушницы (с. Чаплинка), В. Толстоухов (Гудауты), Н. Выборзов (Чернигов), В. Лачуган (Мелекес), Г. Новомарев (с. Бор), Г. Гайдаров (Москва), Ф. Митрофанов (ст. Сартана), В. Задеренко (Харьков), Д. Кузьмин (Тула), Ф. Федоров (Минск), М. Соснин (пос. Яковлевское), В. Красницкий (Киев), П. Шлешко (м. Грузь).

Кроме того поступило 7 неверных решений.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 6.

Задача № 11. Е. Умнова. 1. К f5—e7. Сочетание темы Гетгарта (вар. 1....., К с3; 2. d2—d4 X) с Элленваровским развязыванием (вар. 1....., Ф d4; 2. d2—d3 X). К сожалению задача испорчена 3-мя побочными решениями: 1. К: h4, 1. К g2 и 1. К g7.

Задача № 12. И. Шифмана. 1. Ф b4—b5! И эта прекрасно задуманная задача имеет грубое побочное решение: 1. С: c2 +; 2. Ф e4 X.

Правильные решения обеих задач и все побочные решения указали: Г. Гайдаров (Москва), В. Тацневский (Евпатория), И. Орлов (Ленинград), Е. Куббель (Сестрорецк), В. Задеренко (Харьков), М. Соснин (пос. Яковлевское), Н. Олиферов (Зиновьевск), Х. Файфман (Киев), между которыми были разыграны назначенные Редакцией 3 приза. По жребию таковые достались:

1) А. Алехин „Мои лучшие партнеры“—подписчику № 788 И. С. Орлову, Ленинград, Бульвар Профсоюзав № 17, кв. 85.

2) И. Рабинович „Эндшпиль“—подписчику В. Н. Тацневскому, Евпатория, улица Володарского № 24 (бывший № 19) через Евпаторийское почтово-телеграфное отделение (газетная экспедиция).

3) „Задачи и этюды“ вып. №№ 1, 2, 3 и 4—участнику коллективной подписки Н. Ф. Олиферову, Зиновьевск, завод „Красная Звезда“.

Из остальных 39 участников конкурса можно отметить: Т. Соколенко (Одесса) и В. Толстоухов (Гудауты)—автор, и 3 поб. реш. задачи № 11, поб. реш. задачи № 12, В. Трушницы (с. Чаплинка)—автор, и 2 поб. реш. задачи № 11, автор, и поб. реш. задачи № 12. А. Крюков (Баку)—8 поб. реш. задачи № 11 и автор, и поб. реш. задачи № 12; С. Евдокимов (Киев)—автор, и 1 поб. реш. задачи № 11, автор, и поб. реш. задачи № 12.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 9 — 1928 г.

	СТР.		СТР.
ЮБИЛЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.— Статья акад. С. Ф. Платонова.	2	«ТАЙНА ПЕСКОВ», — повесть Г. Пастра, удостоен. в 1928 г. премии Жюль-Верна, с иллю- страциями	43
«КАТАСТРОФА ПРОСТРАН- СТВА», — фантастический рас- сказ С. Красновского, иллю- стр. Н. Кочергина	4	«ПРИГОВОР О ПОВЕШЕНИИ» рассказ Ф. Бидинга, иллю- страции Д. Фокса	62
«МНОГОМЕРНОСТИ» И «КРИ- ВИЗНЫ» ПРОСТРАНСТВА, — научное послесловие к рас- сказу «Катастрофа простран- ства» проф. Н. Морозова	22	«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ» — «ПОЛОСАТЫЕ», — из жизни Приморья рассказ Г. Да- урова, иллюстр. С. Луза- нова	68
Систематический Литера- турный Конкурс «Мира Приключений» 1928 г., — «ЛЕСНАЯ СКАЗКА», — рассказ- задача № 9, иллюстрации Ф. Райляна	23	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». — Лучи, которые видят за пределами зрения, — очерк с иллюстрациями	73
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 7. Отчет о конкурсе В. Б. и ре- шение рассказа-задачи «Се- крет дяди Франсуа»	31	«Совершенны ли ваши пять чувств?» — очерк с иллюстрациями	76
«ПОЛУДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ», — очерк П. К. с фотографиями с натуры	36	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» задачи и решения задач	79
«ЗА РАБОТОЙ». — «МОГИЛА ЧЕРНОГО КАЛМЫКА» — рас- сказ Сергея Маркова, иллюстр. А. Медыльского	39	ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 2 обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 5 красок работы худ. М. Далькевича.

Юбилей Л. Н. ТОЛСТОГО

Советское правительство и наша общественность вместе со всем цивилизованным миром торжественно, целую неделю, праздновали столетие дня рождения Льва Толстого. Не было города в СССР, который так или иначе не отметил бы юбилей великого писателя. Центром торжеств была, конечно, столица Союза — Москва.

По просьбе Редакции, наш уважаемый сотрудник академик С. Ф. Платонов, член Президиума Юбилейного Комитета и представитель Академии Наук СССР на торжествах, в помещаемой здесь статье знакомит читателей с наиболее важными моментами юбилейного чествования.

Кто не читал Льва Толстого? Кто не испытывал на себе обаяния его великолепного художественного таланта? Кто не задумывался над исканиями его широкого и смелого, подчас парадоксального ума? Исключительно одаренная натура, от природы страстная и усмирная широким образованием и неустанной работой мысли, ищущей правды и истины, Толстой представлял собою необыкновенно сложный характер.

Изучение его свойств и его работы составляет одну из самых трудных и тонких задач современного гуманитарного знания. Ни одно из современных направлений философской и общественной мысли не может считать Толстого «своим»: настолько он своеобразен и самобытен, настолько оригинально в нем сочетались в одно целое миропонимание разнородные элементы человеческой мысли и морали.

Отсюда — чрезвычайная широта его известности и влияния и вместе с тем тот антагонизм, с которым к нему относятся представители многих теоретических учений. И одна лишь сила его художественного творческого гения находят себе общее бесспорное признание.

Особенности натуры и взглядов Толстого нашли свое отражение и в том юбилее столетия дня его рождения, который только что был отпразднован, можно сказать, всем человечеством.

Люди самых различных воззрений отозвались на этот юбилей и в своих юбилейных статьях и речах искренно и сильно отмечали значение Толстого-художника и Толстого-мыслителя. Но каждый при этом указывал на те стороны «учения» Толстого, какие считал для себя неприемлемыми. Догматизм и непримиримость, в высокой степени свойственные самому Толстому, вызвали отклик и в его почитателях, когда их катихизис не совпадал

с катихизисом великого писателя. Плехановская формула о Толстом: «считим его отсюда и досюда» звучала не раз на юбилейных торжествах.

Центральными моментами юбилейных торжеств в СССР были вечер памяти Толстого 10-го сентября в Большом Московском театре и Толстовский день 12-го сентября в Ясной Поляне. Вечер 10-го сентября привлек массу почитателей Толстого не только русских, но и иностранных. После русских речей А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, народного учителя т. Шацкого выступали нарочно прибывшие из-за границы на юбилей известные писатели Стефан Цвейг (Австрия) и Б. Келлерман (Германия), профессор Дана (Америка), профессор Ло-Гатто (Италия); следовали затем приветствия от представителей литератур и других стран (Чехо-Словакии, Англии, Испании, Эстонии, Персии). В антрактах исполнялись музыкальные пьесы из числа любимых Толстым: ария Баха, V симфония Бетховена и др. Заседание, при полном театре, затянулось за полночь.

Естественным продолжением этого чествования было торжественное открытие 11-го сентября выставки «Толстой в искусстве и печати» в залах Музея Изысканных Искусств. После вступительных речей П. С. Когана, А. М. Эфроса и Н. Н. Гусева, посетители были приглашены к осмотру замечательно полного собрания портретов, скульптур, рисунков и гравюр, первых изданий произведений Толстого, материалов для истории их текста в цензуре и в подпольных изданиях и т. д.

Вечером члены Юбилейного Комитета, иностранные гости и приглашенные лица отбыли в Ясную Поляну, где в 11 часов утра 12-го сентября в здании новой школы начались речи, имевшие предметом историю Ясно-полянских школ и музея. Говорили Ал. Л. Толстая и местные деятели, а затем О. Д. Каменева и К. С. Шохор-Троцкий. После речей состоялось открытие (в нише вестибюля школы) памятника Толстому, а затем присутствующие посетили могилу Толстого в «старом заказе», где произнесли речи П. Н. Сакулин и порт Кириллов.

Кроме этих главных моментов чествования в течение всей недели 10—17 сентября в Москве происходили собрания с речами и музыкально-вокальными выступлениями в память Толстого. Надобно отметить, что во всех юбилейных собраниях разномыслие с Толстым говоривших ораторов высказывалось в таких формах, которые не нарушали общего сочувственного признания художественного величия писателя.

АКАДЕМИК С. ПЛАТОНОВ.

КАТАСТРОФА ПРОСТРАНСТВА

Фантастический рассказ
С. КРАСНОВСКОГО

Иллюстрации
Н. КОЧЕРГИНА

Конец XIX и начало XX века ознаменовались целым рядом новых открытий, произведших так называемую „революцию в науке“. Успехи астрономии, расширившие мир до множества гигантских скоплений, „галактических систем“, с радиусом, вычисляемым от 14 000—60 000 световых лет, содержащими каждая до 100 000 000 солнц, разбросанных на сотни тысяч и миллионы световых лет друг от друга каждая; успехи химии, открывшей в атоме микро-космос, мир электронов и протонов; радиоактивный распад вещества, опрокинувший прочность и постоянство химических элементов, и дополнивший эволюционную теорию развития вселенной; наконец, теория относительности Эйнштейна, с ее выводами о кривизне пространства и его замкнутости; „неевклидова геометрия“ величайших математиков Лобачевского и Римана, поставившая вопрос о многомерности пространства, и расширившая горизонты в бесконечные дали новых возможностей и грядущих открытий.

Во вселенной совершаются великие перемены, Геология знает величайшие изменения нашей планеты в прошлом и, надо полагать, в будущем. Астрономы наблюдали гибель целых миров при взорвании новых звезд и образование новых.

Фабула настоящего рассказа затрагивает совершившуюся грандиозную катастрофу самого пространства, в результате которой временная протяженность прошлого пересекает протяженность настоящего, вследствие чего живые существа четверичной формации Земли появляются в наши дни.

АВТОР.

1.

Причина плохого настроения профессора Брукса.

Мисс Джеральде, высокая, сухопарая дева лет 36, ведущая хозяйство мистера Брукса, профессора физико-математического отделения О-го университета, подавая ему, по обыкновению, ровно в 9 часов вечера стакан крепкого, черного кофе и свежий номер вечерней газеты, могла заметить, что мистер Брукс находится в весьма плохом настроении. Профессор нервно ходил взад и вперед по своему кабинету, бурча себе что-то под нос. Листки чистой бумаги лежали неисписанными на письменном столе. Заметив ее с подносом в руках, резко сказал: «поставьте», и когда мисс Джеральде, пожелав «спокойной ночи», немного задержалась, чтобы перемолвиться паролу-другую фраз, профессор совсем грубо указал ей рукой на дверь, пробормотав что-то в роде: «идите вы ко всем чертям», на что мисс Джеральде, как благовоспитанной де-

вице и уважающей себя особе, оставалось лишь молча повернуться и уйти.

В глазах мисс Джеральде мистер Брукс всегда был грубым, невоспитанным человеком, но в последнее время он совсем по ее мнению «спятил с ума». Впрочем шедший непрерывно уже вторую неделю дождь и холодный северный ветер также могли играть в этом некоторую роль.

Мнение же самого профессора было на этот счет совершенно иное. Дело в том, что мистер Брукс был уязвлен, ущемлен, оскорблен. То, что происходило теперь в университете, могло бы быть названо скандалом, шокирующим как университет, так и его неотъемлемую часть, самого профессора Брукса.

Но еще хуже было то, что его коллеги, собравшись по науке, вместо того, чтобы вынести суровый приговор и исключить виновника всего случившегося—немца профессора Шнейдеса,—вместо того увлеклись его теориями, гипотезами, т. е. вернее глупыми фантазиями, как на это смотрел сам мистер Брукс.

35 лет он мог гордиться тем, что, занимая кафедру математики и физики, вел преподавание так, что вечные, неизблемые постулаты, непоколебимые, установленные раз навсегда фундаменты науки оставались неизменными. Вместо этого какой-то молодкосос, выскочка из молодых ученых, даже не англичанин, имел смелость дерзнуть кощунственно посягать на святое-святых всего здания науки. Теория Эйнштейна следовала за математикой Лобачевского, Римана и Минковского, в явления физики, химии, электричества и магнетизма вторгалось 4-х мерное пространство, 4-е измерение¹.

Вместо неизменяемой материи, лежащей в мире трех измерений, т. е. в пространстве, и течения ее во времени или «становления», проповедывалось о «бытии» вещей во времени и пространстве. Какая чепуха!.. И профессор нервным глотком выпил кофе, взял газету, перешел в спальню, разделся и лег в постель.

Профессор всегда перед сном читал. Развернув печатный лист и ознакомившись с новостями дня, мистер Брукс хотел уже выключить свет, как вдруг его внимание привлекла следующая, напечатанная жирным курсивом —

2.

Заметка в вечернем выпуске «Нашей Газеты».—Необычайные происшествия на ферме мистрисс Хоу.

«Наш собственный корреспондент из округа графства В. сообщает о следующих необычайных событиях, происшедших с 13 го по 29-ое с/м и имевших место на ферме мистрисс Хоу. Мистрисс Хоу,—вдова небезызвестного подполковника Хоу, служившего в колониальных войсках в Африке, участвовавшего в войне с бурами и убитого в стычке с туземцами при местечке Т. По смерти мужа мистрисс Хоу помимо пенсии получила, согласно оставленному и заверенному в нотариальном порядке завещанию, около тысячи фунтов стерлингов. На эти деньги она приобрела у отъезжающих в Австралию бывших владельцев Г. ферму, на которой и поселилась, занявшись разведением домашней птицы и свиней. Дела ее шли хорошо, как вдруг необычайное событие, прокисающее на ее ферме, всполошило весь округ, лишив ее духовного спокойствия. В воскресенье 13-го числа, мистрисс Хоу возвращалась из церкви в некотором раздумье, вполне понятном после проповеди пастора Л., известного своим красноречием, и приблизилась к своему дому, устремив свой взгляд на небо. Сначала она ничего не видела, кроме неземного, навязанного словами Л., но постепенно ее внимание изгнали при-

влекать какие-то точки, линии, очертания, появляющиеся на голубом небе. Мистрисс Хоу протерла неоднократно свои глаза,—как она потом рассказывала,—но явление не пропадало. В религиозном экстазе не видит ли она перед собою предвозвещенных пастором ангелов? Она в умилении хотела опуститься на колени, как внезапно сверху посыпался целый град птиц. По роду птиц мистрисс Хоу назвать затрудняется, но говорит, что это были весьма крупные, большие экземпляры. Птицы имели вид откормленный и сильный, но вместе с тем казались как бы чем-то чрезвычайно испуганными и ошеломленными, так что без труда дали собратъ себя. Вместе с работником мистрисс Хоу притащила их на ферму; всего оказалось девятнадцать штук, но водворить их вместе с другой птицей не удалось потому, что, опомнившись, они оказались весьма злобными и чуть было не причинили убытка ферме, перебив часть индюшек и гусей.

В следующие дни ничего особенного не происходило за исключением, как мистрисс Хоу казалось, появляющихся на небе весьма странных очертаний. Впрочем, небо было не совсем ясно и рассмотреть что-либо было невозможно, Никому о происшедшем мистрисс Хоу ничего не рассказала, боясь недоверия, а с другой стороны,—вздорных слухов; к тому же новоявленной птице пришлось все-таки свернуть шею за ее чрезвычайно дикий и злобный нрав и, следовательно, доказательств никаких не было. О падении же птицы с неба мистрисс Хоу читала неоднократно в отделе «Смесь» воскресных журналов, как о действии особых смерчей и ураганов, захватывающих ее из других мест. Но в следующее воскресенье явление повторилось опять, при чем выпало около шестидесяти штук, и затем начало повторяться ежедневно с определенной последовательностью: с часа дня приблизительно в небе показывались смутные очертания чего-то весьма странного, и дело оканчивалось выпадением птиц. Их выпадало от 5—17 штук. На какой высоте виделись фигуры, мистрисс Хоу не могла рассказать, так как казалось, что это было и чрезвычайно далеко, и в то же время близко. Но в четверг, 24-го, явление приняло иной характер. В этот день стоял сильный туман. Мистрисс Хоу приходилось неоднократно выходить из дому, и ей казалось, что вокруг происходит что-то странное. Туман принимал удивительные формы и порой ей казалось, что она видит не то целый иной мир, не то обломки хаотически перемешанных скал, чудовищ, живых существ и неодушевленных предметов. Последние, казалось, готовы были принять материальную форму и появиться реальными перед мистрисс Хоу. Но в час дня неожиданно перед ней из тумана выпрыгнул не то кабан, не то вебрь огромных размеров, и со сверкающими глазами и с ревом, пошатываясь, промчался мимо ошеломленной, присевшей от ужаса мистрисс

¹ Лобачевский Николай Иванович, великий математик, один из творцов неевклидовой геометрии (1793—1856).—Минковский (Minkovsky) Герман, выдающийся математик (1864—1909) дал смелую математическую формулировку принципу относительности (работа Raum und Zeit). Был профессором в Бонне, Кенигсберге, Цюрихе и Геттингене.

Хоу. Еле живая от страха, она добралась до фермы, где заперлась и просидела вместе с работником, дрожа от страха. По словам мистрисс Хоу, ее ферму осаждали тысячи ужасных зверей, и лишь следующее утро и ветер, разогнавший туман, позволили отправиться в местечко. Ее вид достаточно свидетельствовал о перенесенном ею, но все же только с большим трудом ей удалось убедить нескольких, в том числе пастора и местного судью, отправиться к ней на ферму. Туман рассеялся, выпадения птицы также не происходило, но, по словам отправившихся, действительно на фоне неба вырисовывались чрезвычайно удивительные очертания. В рассказе же мистрисс Хоу, как женщины солидной и всеми уважаемой, сомневаться не приходилось, тем более, что в двух фермах были найдены растерзанными овца и корова с распоротым животом. Диких животных в округе графства В. не водилось.

После совещания решено было сообщить в Лондон для затребования специальной комиссии по расследованию, прибытие коей ожидается со дня на день.

Примечание от редакции. Ферма мистрисс Хоу находится в вышеупомянутом округе графства В., в 25 милях расстояния от нашего города.

Примечание от редакции. Несмотря на всю необычайность событий, сообщаемых нашим корреспондентом, мы вполне отвечаем за всю правдивость сообщаемого. Остается допустить, что мы имеем дело с каким-то чрезвычайно загадочным феноменом природы. Со своей стороны питаем надежду, что разгадка не заставит себя ждать и последует в ближайшее время".

Профессор Брукс дочитал до конца, скептически сложил газету и, пробормотав «что за чепуха», зевнул несколько раз, выключил электричество, повернулся на бок и заснул.

Внезапно сверху посыпался целый град птиц..

3.

Небывалый каталог цен на битую птицу.

Мистер Брукс хорошо выпался. Ему снился посрамленный и уничтоженный немец Шнейдерс. В 9 часов, покончив с завтраком и обдумывая разгром в сегодняшней лекции своего противника, профессор собирался уже уходить, как перед ним предстала мисс Джеральдс с взволнованным видом, который несколько озадачило профессора.

— Послушайте только, мистер Брукс, на один шиллинг — дюжина, только по одному шиллингу дюжина! — и лицо ее выражало красноречиво предел всякому недоумению и негодованию. — Да где же это видано, чтобы битую птицу продавали дюжинами, да еще по одному шиллингу... Иду я это с рынка, где купила, что надо, как вдруг, подходя к дому, вижу: стоит наш поставщик овощей. Я спрашиваю, что есть у него хорошего из зелени? А он мне: «из зелени ничего, мисс Джеральдс, нет, а вот гусей, индюшек, уток у меня целый воз, да еще воз стоит у гостиницы». «Как, говорю, вы вздумали торговать теперь птицей?». А он в смущении отвечает: «Приходится». «То есть, как это приходится?». «Да, так, говорит, досталась случайно дешево большая партия». «А ну-ка, посмотрим!» Визу птица крупная, откормленная, только вид какой-то у нее странный, индейка не индейка, гусь не гусь. — «Видно привозное, здесь такую не разводят». «Да, так оно и есть». «Почем?». «Собственно — я немного уже опоздал, приехал-то поздно, базар кончился, да теперь думаю, куда бы все продать, а то бы я дешево продал». «А ну, как?». «Да 10 пенин штука¹». Визу, что совсем задаром, в такое время особенно, когда птица начинает нестись, наши ее не бьют и на базаре ее мало. Однако, из-за принципа, стала еще торговаться. А парень сразу и спустил деню до 5 пенин. Мне-то, собственно говоря, птица не была нужна, все что надо я уже купила, да вижу, что очень дешево, можно и про запас взять пару-другую... а он и отвечает: «Так возьмите дюжину две, тогда я за дюжину возьму по два шиллинга². Совсем что то несурзное, ведь этукую птицу не то что перепродавать, а и купить-то партии не найдешь. Думаю: пьян он. Опомнится после, придет назад требовать, а я до скандалов не охоча. Да и у пьяного покупать не буду. Ну, и изругала его, как следовало; говорю — «пойди, проспись сначала, а потом продавай». Знаю, женатый человек, вот тебе жена задаст, как все деньги проторгуешь». А он взбеленился совсем: «Не хотите и не надо, вовсе я и не пьян», тронул воз, «не хотите за два шиллинга покупать, так за эту цену и две дюжины другому отдам».

¹ Пенни — 4 копейки.

² Шиллинг — 46 копеек.

И мисс Джеральдс, проговорив все это без передышки и закатив глаза в потолок, демонстративно развела руками.

— Мисс Джеральдс, хотя все это и странно, но я вам неоднократно уже замечал, чтобы вы с вашим хозяйством и всеми вопросами, к нему относящимися, ко мне не обращались! И не мешайте мне... И профессор, нахлобучив цилиндр на глаза, вышел из дому, оставив экономку одну.

4.

Мнение зоолога Римма о породе птиц из «Лавки свежей дичи».

Профессору сегодня положительно везло. Прежде пустовавшая аудитория теперь была полна. Студенты, привлеченные выпадами профессора против его врага, немца Шнейдерса, с хохотом и хлопками одобрения встречали каждое ядовитое замечание. В 12 часов мистер Брукс покинул университет для доклада в «Обществе изучения физических и естественных наук», где, пользуясь отсутствием противника, с успехом провел свой доклад «о неизбежности физических принципов». Потом, в превосходном настроении возвращаясь домой с одним из немногих коллег, с которым он был дружен, зоологом Риммом, для которого были безразличны как старые, так и новые течения в физике, благосклонно выслушивал воззрения Римма на фауну ледникового периода. Его гордостью было его научный труд — исследование о птицах четверичной эпохи.

По дороге зоолог вспомнил наказ жены купить гуся для следующего дня. Это заставило его погрузиться в целую сеть глубокомысленных рассуждений об отличии анатомического строения, оперения и т. п. Anseridae, или гусей времени оледенения земли, от современного нам вида. Порывавшись с витриной лавки свежей дичи, профессора зашли в нее.

Хозяин, звавший хорошо покупателей, предложил любезно «на выбор». Но едва зоолог взял первого висевшего гуся, как с видом необычайного изумления застыл на месте. Профессор побледнел, затем покраснел. Лицо у него выражало полнейшее недоумение и растерянность. Наконец, он вынул платок, вытер пот, выступивший каплями на лбу, поправил съехавшие очки и, прищурив глаза, неестественно сдвоенным голосом произнес, обращаясь к хозяину: «Мистер, послушайте, будьте добры сказать, сколько лет этой птице, т. е., извините, — конечно, — это чудело из перьев... к чему вы держите эту древность... позвольте узнать, из какого музея вы приобрели этот удивительный экземпляр».

По мере того, как он это произносил, хозяин постепенно приходил в величайшее негодование, принимая все за насмешку: «Мистер Римм, я думаю, вы меня очень хорошо знаете, и полагаю, с хорошей стороны, как добросовестного продавца; я думаю, что это может подтвердить и мистер Брукс, как и все мои остальные покупа-

тели. К чему же такие слова?. Если вам не нравится, то можете не брать, лучше ни у кого не найдете. А таких слов я еще ни от кого не слышал. Этакая крупная, жирная, упитанная птица, да «чучело из музея!». Вы понюхайте только, совершенно свежий товар, а вы: «сколько тысяч лет, как убита?» Ну, мистер Римм, и обидели вы меня, выбор большой, смотрите любя.

Зоолог снял очки, тщательно протер их и глаза отвел в сторону, вновь посмотрел со вниманием на гуся, лежащего перед ним, потрогал нерешительно его кончиком пальца, как будто он сомневался, что перед ним нечто реальное, затем проговорил: «я очень извиняюсь перед вами, я не так выразился, вы меня не поняли, я хочу знать, не можете ли вы мне сказать, откуда у вас эта птица, где вы купили или достали эту птицу?.. Это прямо удивительно, — прибавил он затем вполголоса, — но не может же быть, не может же быть!».

— Если вы хотите знать, где я ее достал, то домашнюю птицу я покупаю у здешних фермеров, ну, а другая идет из Лондона, привозная. Что же касается именно этой, ее мне продал сегодня один крестьянин-фермер. По правде сказать, чудак большой он, раньше овощами торговал, теперь взялся не за свое дело. Привез целых два воза, когда базар кончился, хранить негде.. он пьан немного был, навеселе, ну, и уступил цену... — на этом месте хозяин вежливо замолк. — Ну, раз деньги подучил, все остальное меня не касается. И что птица, по виду, не здешняя, действительно. Здесь такой не разводят, надо полагать, привозная издадека.. но за свежесть только я ручаюсь. Сегодня у меня все берут нарахват, да хвалят!..

Зоолог Римм повернулся неожиданно к профессору Бруксу и многозначительно произнес:—«это... это непостижимо! Я или ничего не понимаю совершенно в зоологии, или схожу с ума! Этот гусь принадлежит к виду, жившему в эпоху начала оледенения земли, т. е. 500 тысяч лет назад по самым скромным подсчетам, и безвозвратно исчезнувшему... я решительно ничего не понимаю!!!»

Мистер Брукс окинул скептическим взглядом зоолога, взял осторожно своего коллегу под руку, повел ошеломленного профессора к выходу и, обращаясь к хозяину и многозначительно указывая на зоолога, похлопал себя по лбу.

— Дорогой мистер Римм, позвольте я вас провожу до дому. Повидимому, вы сегодня чем-то перутомились. Ваши усиленные занятия сильно расшатали вашу нервную систему. Я вам давно советовал взять отпуск. Выпейте сегодня порцию брома и очень, очень не мешает показаться врачу. За вами уже давно наблюдался, извините меня, ряд странностей.

И, не взирая на сопротивление зоолога, Брукс довел его до дому, позвонил и переложил на руки супруге.

5.

Рассказ фермера Джильбертса.

Вслед за свихнувшимся зоологом дома ждал профессора новый сюрприз. (Была еще только середина дня, и мистер Брукс не думал, что это только начало того, что ему преподнесет дальнейшее).

У входа стояла лошадь в деревенской запряжке. На звонок никто не отвечал. Когда, наконец, Брукс с силой принялся стучать кулаками и рванул дверь, она свободно подалась, оказавшись незапертой.

Это было верхом забывчивости, рассеянности, халатности, небрежного отношения к своим обязанностям со стороны экономки, мисс Джеральдс.

Собираясь по этому поводу прочесть длинную нотадию, профессор как был, в пальто и галошах, прошел в столовую, где надеялся застать мисс Джеральдс. Навстречу ему слышался мужской голос, что то повествующий, чередовавшийся свогласами: «ох, ой, да что же это такое, наконец», — самой экономки профессора.

Увидя профессора, экономка вместо того, чтобы вспомнить свои обязанности или представить гостя, устремила на Брукса бессмысленный, непонимающий взгляд.

Молодой человек, по виду крестьянин, как он оказался и на самом деле, поспешил представиться сам. Это был племянник экономки, фермер Джеральдс. Профессор уже ранее слышал о нем.

Фермер Джеральдс поспешил сообщить сущность события, уже отчасти известного читателям из вечерней газеты и из эпизода с продажей дичи.

— Видите ли, мистер Брукс, меня послал в О—д пастор Л., более было некому, а я как раз попался ему на глаза. Лошадь у меня хорошая, «китай, говорит, живей», да просил еще письмо передать. А по дороге я заехал к моей тетушке и к вам. Вам судья просил поклон передать, а письмо я сейчас отвезу.

Чудные дела у нас творятся... вот сегодня от нас парень с дичью приехал.. Такая небывальщина, что просто ужас..

Только вчера еще сказывал судья, пошло много жалоб от крестьян, что во всем округе появилось, — откуда и принесло — прямо чудо, — множество диких зверей. Там пропадает у одних домашняя птица, где растащены запасы зерна какими-то неведомыми зверками-грызунами, у других убиты овцы, у тех свиньи, и все в том же роде. Вот он написал письмо к местному свидику, просит как бы поступить ему, а меня просил свезти. Да еще и вам поклон, мистер Брукс, передать.

Профессор иронически выслушал весь рассказ и, обращаясь к своей экономке, сказал: «А вы все таки будьте добры в следующий раз, мисс Джеральдс, запирайте входную дверь за посетителями, когда они у вас бывают, и спускаться на звонок, не задерживаясь здесь различными деревенскими баснями!».

6.

События разрастаются.

По величине Ок—д принадлежал к числу небольших городков. Это было не более, как одно из местечек, ставшее или, вернее, выбранное для местного провинциального административного центра. За исключением студенчества, вынужденного в нем пребывать по местонахождению своего высшего учебного заведения, население его, за немногим исключением, состояло из тех же осевших бывших фермеров, выбравших ту или иную из немногочисленных профессий маленького города, затем профессуры, и местной администрации. Каждый гражданин мог почти наверняка перечесть, не рискуя обсчитаться, всех более или менее уважаемых жителей.

Однако, Ок—д не был чужд социальных течений, партий, слоев общества. Ряд лиц замыкались в группы, где каждый входящий чувствовал себя на равной ноге с другими по крайней мере по убеждению и взглядам. Часто отдельные группы вступали между собой в ожесточенные споры и диспуты по вопросам подчас самого странного характера и свойства.

Так было и в данном случае. Стоило профессору немцу Шнейдерсу начать проповедь теории Эйнштейна, как это послужило к образованию вокруг него группы, включившей вскоре и целый ряд других вопросов, совсем к науке не относящихся.

Профессор Брукс не нашел ничего лучшего, как перейти к другой группе, и так как выбор лиц, с которыми можно было вести духовное общение, был весьма ограничен, то ему остались лишь синдик, судья, нотариус, начальник полиции и прочие, главным образом из администрации города, не примкнувшие к «немецкому» блоку.

В четвертом часу, пообедав, профессор расположился на отдых в кресле с сигарой во рту, когда мисс Джеральдс доложила о приходе городского головы и мистера Кобса, начальника местной полиции. Синдик держал в руке письмо, привезенное Джеральдсом, и был явно взволнован.

— Что вы думаете по поводу всего этого?—задал вопрос начальник полиции.

— Что я думаю насчет всей этой чепухи, басни деревенских «духов, галиматии, общественной корреспонденцией для развлечения таких же городских болванов?—профессор весь покраснел от негодования,—я думаю, что это чепуха, чепуха с самого начала и до конца!

Но не можете же вы игнорировать самые факты, сообщаемые мистером Джонсоном, судьей из Т. Насколько я знаю, это вполне порядочный, добросовестный человек,—заметил синдик.

— Факты, сообщаемые судьей! Ваш судья такой же идиот и олух, как и все прочие!

— Но не может же быть, чтобы здесь не было никакого правдоподобия.

— С самого начала и до конца здесь нет ни капли правды!

— Хорошо! Но чем тогда объяснить самый факт появления птицы на ферме мистрисс Хоу, затем вблизи фермы огородника Г., наконец, целый ряд появлений множества птиц, зверьков, среди которых есть и хищные,—задал вопрос Кобс.

— Чем объяснить! Скажите, неужели вы для объяснения столь простых явлений должны заражаться галлюцинациями какой-то истерички Хоу. Разве вам не известно, что очень не редко временами происходят от различных причин, не всегда могущих быть установленными, целые переселения животного мира...

— Положим, что все это так, но как объяснить выпадение птиц, усеявших собой целую площадь земли на ферме Г.

— Но почему же, раз теперь вы трезво стали смотреть на вещи, не можете видеть, здесь просто падения ослабленных, изголодавшихся птиц из стаи.

— ...Гм, это как то не соответствует действительности, птица, судя по сообщению, имела вид чрезвычайно сильный и откормленный!—вставил синдик.

— Слушайте, я вам категорически, понимаю, категорически заявляю, что я не признаю, не хочу признать возможность чего либо неестественного, абсурдного! Не хотите ли уж вы, мистер Джонсон и мистер Кобс, признать здесь нечистую силу вместе с мистрисс Хоу?!

— Хорошо, хорошо, мистер Брукс,—замыл разговор сконфуженный полицейский, но не считаете ли вы нужным дать знать в Лондон по начальству?

— Я не считаю не только нужным, но считаю, что они бы подняли вас на смех.

— Да, кажется, вы правы, я могу себя этим скомпрометировать перед начальством.

— Не беспокойтесь, мистер Кобс, судя по тому, что сообщает «Наша Газета», это в местечке Т. уже сделали и сообщили в Лондон. Я думаю, теперь у центральной прессы не мало будет материала помясться над местными простофилями. Во всяком случае, что касается реальных мероприятий против появления множества вредных зверей и т. п., следует обойтись своими силами и передать это нашему «Обществу Любителей Охоты».

Вечерний выпуск «Нашей Газеты» не содержал в себе ничего более интересного, кроме сообщения собственного корреспондента из округа графства В. и целого ряда писем в редакцию от местных фермеров о небывалом появлении множества самой разнообразной дичи, при чем везде резко отмечалось, что на ряду с мелкими зверьками и птицами появлялись также неизвестные крупные хищники.

Но следующий выпуск газеты содержал следующее сообщение, заставившее профессора почти подпрыгнуть на месте от изумления.

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ.

«Нашим уважаемым согражданином, доктором естественных наук, профессором Ок-го университета зоологом Римм, известным в науч-

ном мире своим первоклассным трудом «О птицах четверичной эры», при несколько странных обстоятельствах, о которых скажем ниже, обнаружен существующим в окрестностях Ок-да новый вид Anseridae т. е. гуся, считавшийся давно вымершим, и принадлежащий к распространенному в эпоху оледенения Земли.

Некоторыми научными педантами (От редакции: к сожалению, еще занимающими профессорские кафедры в нашем знаменитом университете, врагами ученого профессора и между прочим общепринятой теперь повсюду теории Эйнштейна) высказаны были сомнения (Замечание от редакции: Не наоборот ли?) насчет умственных способностей ставшего отныне знаменитым проф. Римма.

Упавшее с дерева яблоко позволило Ньютону высказаться о бессмертном законе всемирного тяготения, кипящий чайник дал Уатту идею паровой машины, качающаяся лампада в соборе навела Галилея на мысль о законе маятника. В данном случае, почтенный зоолог, будучи добропорядочным семьянином и покупая по просьбе жены к обеду гуся в лавке, торгующей птицей, к несказанному своему удивлению и обнаружил новооткрытый вид.

В беседе с нашим сотрудником, который был любезно принят зоологом, последний сказал, что намерен дать (Замечание от редакции: какое редкое благородство и бескорыстие!) новооткрытому виду имя нашего города и тем самым сделать Ок-д бессмертным, увековечив его в мировой науке.

От „Нашей Газеты“ первые приносим скромное поздравление славному деятелю знания, уважаемому профессору нашего университета и гражданину города Ок-да зоологу Римму! Да здравствует зоолог Римм! Да здравствует новооткрытый вид гуся имени города Ок-да! Да здравствуют граждане города Ок-да и читатели и подписчики нашей газеты! Долой наших врагов, противников теории Эйнштейна, консерваторов в науке.»

Статья была, повидимому, написана если не самим профессором Шнейдерсом, то, во всяком случае, кем-то из его близких сотрудников.

Профессор в бешенстве смял газету и провел всю ночь, проворочавшись на постели, без сна.

7.

„О-во Любителей Охоты“.

После университета гордостью Ок-да было «О-во Любителей Охоты».

Туда входили самые уважаемые и почетные лица: местный судья, нотариус С., викарый городского собора Д., директор местного учебного заведения, школьный учитель математики, хозяйка одной из двух гостиниц, профессор истории древней Греции и прочие самые именитые лица города.

Быловесьма жаль, что студенты разбегались летом на вакации, иначе означенное

об-во пополнилось бы множеством отважных молодых людей.

Мы забыли упомянуть о самом главном члене, знаменитом мистере Дэвис-Дохерти, председателе названного учреждения. Высокий, жилистый, военной выправки человек. в сапогах выше колен, во френче защитного цвета, всегда тщательно выбритый, в тропическом шляпе, повязанном белой кисеей, и в дымчатых очках от солнечных лучей (несмотря на туманный английский климат), он производил непередаваемое впечатление, когда принимался рассказывать о своих приключениях в Индии, в его бытность там на службе, когда он собственноручно убил на охоте, устроенной индусским раджей, тигра. Шкура его, великолепного бенгальского тигра, была разложена в приемном зале названного об-ва, где устраивались торжественные обеды; она демонстрировалась наиболее уважаемым посетителям.

Обыкновенно, каждый раз, когда Дэвис-Дохерти начинал рассказывать свои приключения, он принимался уснащать их все новыми и новыми подробностями своей неисчерпаемой фантазии, так что жителям Ок-да никогда не надоедало их выслушивать в многосотый раз.

Второй достопримечательностью О-ва любителей охоты была громадная охотничья библиотека, вмещавшая более шести тысяч экземпляров по всем вопросам охоты. Переплетенные в роскошные переплеты, выставленные стройными рядами за зеркальными стеклами, книги производили внушительное впечатление на всякого, даже приезжего из Лондона.

Третьим и последним «гвоздем» была удивительная коллекция охотничьего оружия, из за которой многие даже специально делали крюк, чтобы ее осмотреть. Она была составлена из разного рода охотничьего оружия, начиная от лука и копья индейца, рогатины русского зверолова, духового ружья кафра, стреляющего отравленными стрелами, бумеранга австралийца и кончая китайской пушкой и современной дальнобойной винтовкой для стрельбы разрывными пулями по слонам и крокодилам. Экспонаты были тщательно занумерованы, в отличном порядке развешаны по стенам и снабжены примечаниями, поясняющими значение их и употребление.

Каждую неделю по пятницам, не считая особых, так называемых, охотничьих банкетов, члены Об-ва, числом 18 человек, собирались в главном зале, уставленном набитыми чучелами птиц и зверей, и располагались на разостланных шкурах, все в охотничьих костюмах, увешенные оружием. Специальный повар готовил охотничьи блюда. Ели из походных столовых приборов, запивая вином из охотничьих фляжек.

Тут велись нескончаемые охотничьи рассказы, повести и споры на специальные темы, затягивающиеся далеко за полночь.

В день св. Петра, этот избранный день охотников всего мира, все члены общества отправлялись на охоту. Это было днем

торжества и для города. Вперед ехал оркестр музыки и, когда охотничьи группы в 3-5 человек проезжали по улицам, отовсюду слышались приветствия толпящихся жителей. Член Об-ва, директор местного среднего учебного заведения, даже требовал, чтобы в этот праздничный день его ученики собирались около училища и, стоя правильными шпалерами по обе стороны улицы, кричали приветствия, пока мимо них не продефилируют все группы.

Этот день был также днем хорошей торговли для всех торговцев дичью, ибо, сказать по секрету, в ближайших местах (а далеко охотники и не ездили), не только совершенно не водилось крупных животных, но было затруднительно найти даже зайца, кролика или бекаса.

Выехав за город, наши герои, после сытного обеда и поистояв все охотничьи рассказы, по звуку ружья расходились в разные стороны и уже лишь к вечеру возвращались поодиночке, с разных сторон города, с сумками, набитыми услужливыми хозяевами лавок до отказа всякой свежей дичиной.

Охотничий сезон в этом году еще не наступил, как вдруг члены «Об-ва любителей охоты» были встревожены необычайными, уже известными читателю событиями. Кроме газеты был получен целый ряд сообщений непосредственно и секретарем Об-ва о необычайном массовом появлении птиц и мелких, и крупных разнообразных пород животных, причиняющих вред фермерам.

Решено было мобилизовать все силы и, по просьбе Ок-ского синдиката, начать охоту ранее назначенного срока. Небывалое оживление охватило членов Об-ва. Уже обсуждались все подробности охотничьей экспедиции, вооружение, костюмы.

В разгаре споров внезапно было получено сообщение о появлении необычайного чудовища, напоминающего испанского медведя, но слухи шли и значительно далее. Это несколько озадачило Ок-ских приключенцев, но так как сообщение было слишком невероятно, а быть героем слишком заманчиво, все наперебой рисовали себя вступающими в единоборство с хищником глаз на глаз.

Всем было известно сообщение газет о мнении зоолога Римма о породе птиц, водившихся в окрестностях города, и профессор стал популярнейшей личностью. Когда поэтому профессор Римм сам явился на собрание Об-ва и изъявил желание участвовать в предполагаемой экспедиции, то его заявление было встречено шумом одобрения и тотчас же единогласно он был избран первым почетным членом Об-ва.

Решено было не откладывать поездки. Сроком был назначен следующий день.

8.

Пещерный медведь.

Согласно тщательно выработанному плану, охотничья поездка должна была занять несколько дней. Охотники направлялись

в округ графства В., откуда исходили тревожные слухи. По дороге они должны были сделать остановку милях в пяти от города и посвятить первый день охоте за мелкой, в изобилии теперь появившейся, дичью.

Не будем описывать торжественных проводов, устроенных гражданами Ок-да бравыми охотникам. Было уже за полдень, когда им удалось выбраться из города. Разместившись по 2-4 на деревенских тележках, запряженных свежими, крепкими лошадьми, члены «О-ва любителей охоты» быстро двигались по не совсем еще просохшей весенней дороге.

Настроение было чрезвычайно приподнятое. Каждый заранее мнил себя героем ожидаемой охоты. Зоолог Римм ехал вместе с председателем Об-ва Дэвис-Дохерти, избранным предводителем. Уже недалеко от города стало заметно необычайное оживление на дымящихся, темных, желтых еще от прошлогодней травы, лугах. То там, то здесь, вспугнутые шумом, несшимся с дороги, вспархивали отдельные птицы, путь перебежали маленькие зверьки, вдалеке на синевом горизонте неслись большие стаи неизвестных птиц.

Несмотря на отдаленное их расстояние, зоолог то и дело привскакивал с места, открывая все новые и новые виды. Впрочем, у всех еще сильно шумело в голове от выпитого вина, чтобы они могли серьезно отнестись к возгласам профессора.

Спустя два часа охотники прибыли на ферму, лежащую несколько в стороне от дороги, где их встретил заранее извещенный хозяин. Отсюда должно было состояться первое выступление. Так как сейчас дело шло о мелкой дичи, решено было разойтись всем в разные стороны, чтобы лишь к заходу солнца опять всем вместе сойтись.

Первый день протек успешно. Изобилие дичи было таково, что всякий, умеющий держать ружье в руках, настрелял бы гораздо больше, только не наши охотники. Напичканные всякими правилами, поучениями и теориями для охотника, охоты и стрельбы, они долго раздумывали и совещались, прежде чем выстрелить, в то время, как дичь вылетала или выскакивала с шумом из-под ног. Все же результаты были таковы, что, вернувшись на ферму, охотники могли состряпать из убитой ими дичи великолепный ужин.

Следующий день они провели в поездке на дальний конец своей цели. Разошедшиеся в своих мечтах о «настоящей охоте» на тигров, львов и пантер, они, не доезжая до места своего назначения, были остановлены взволнованными рассказами крестьян о бродящем здесь чудовище. Судя по сообщениям, это было что-то вроде необыкновенных размеров медведя, с косматой шерстью, кинжаловидными когтями, злобного и свирепого.

Им показали только этой ночью распоротую корову. Ее труп, страшно изуродованный, с вывалившимися внутренностями, еще лежал там, где произошло нападение. Всего более странным казался тот факт,

что хищник совершенно не боялся человека и появлялся даже днем, на виду у всех.

Зоолог Римм поспешил осмотреть почву, думая найти отпечатки следов, но крестьяне так затоптали прилегающую местность, что это оказалось совершенно безнадежным:

Кто это мог быть? Сообщения крестьян были слишком неопределенны и фантастичны. Чем более члены «Об-ва любителей охоты» заслушивались того, что им передавали жители, тем более расхолаживались их охотничьи инстинкты. Дэвис-Дохерти собрал экстренный совет. Надо было устроить облаву на зверя. Крестьяне однако итти с ними и оказывать им помощь в самой охоте категорически отказались, ссылаясь на неимение оружия. Так они были напуганы.

Окинув всех своих товарищей горящим взглядом, председатель вдруг увидел вокруг себя множество бледных лиц, с плохо скрываемым испугом... После вялых, нерешительных предложений, решено было устроить в долине от деревни засаду с искусственной приманкой.

Однако, чем ближе дело было к вечеру, тем быстрее, под влиянием деревенских рассказов, падало настроение. Первым, ссылаясь на неотложную потребу в соборе, поспешил вернуться в город викарий Д. Вслед за ним заторопились, непрестанно поглядывая на часы, нотариус С. и хозяин гостиницы, — первый ссылаясь на нетерпение отлагательства дела с двумя клиентами, второй — на необходимость дать инструкции повару и прочей прислуге гостиницы относительно новых постояльцев.

Несмотря на все прилагаемые сверхчеловеческие усилия председателя Дэвиса-Дохерти, число остающихся быстро редело, и уже к концу дня из 19 человек оставалось только 7, считая и зоолога.

Молчаливый ответный блеск глаз, плотно сжатые бледные губы, красноречивее всяких слов свидетельствовали о героическом решении оставшихся докончить начатое дело. Растроганный Дэвис-Дохерти крепко пожал всем руки, и все отправились на место засады.

Крестьянин-подросток притаился на веревке блеющего и отчаянно сопротивляющегося козла и быстро удалился назад, опасливо поглядывая по сторонам. Место, где расположились охотники, представляло собой поляну с возвышающимися двуметря сосенками, затем на некотором расстоянии шла мелкая поросль кустарника и небольших деревьев, переходящая затем в лес. Козел был привязан на длинной веревке, позволяющей ему свободно разгуливать по поляне.

Сами охотники должны были расположиться под соснами, но прежде решено было собрать хвороста для больших костров. Вскоре огромные горы сухого валежника возвышались кругом.

Несмотря на то, что солнце еще не садилось и было светло, Дэвис Дохерти ради

предосторожности велел развести большой огонь. Огромный костер в виде полукруга с оставленным промежутком для прохода, внутри которого засели с ружьями наготове охотники, запылал ярким пламенем, посылая в еще светлое небо тучи искр и клубы черного смолистого дыма.

Решено было разделиться на две смены, по три человека каждая, не считая самого председателя, который объявил категорическое намерение дежурить всю ночь. Один в каждой смене должен был следить за костром, двое других — быть на страже с винтовками.

Первая часть ночи прошла вполне благополучно. Незаметно дух охотников поднялся. Постепенно вновь развязались языки. Несмотря на установленный порядок смен, никто не спал. Лишь под самое утро первая смена растянулась в предрасветном холоде у пригревающего костра.

Зоолог, учитель математики и профессор истории древней Греции попали во вторую смену. Разговоры уже истощались. Дул холодный ветер. Зоолог, которому выпало следить за костром, подбросил в огонь большую охапку хвороста. Дэвис Дохерти вскарабкался на сосну, где устроил наблюдательный пункт. Под ним, сложив два здоровых сука верхушками накрест и воткнув их в землю, учитель математики положил на этот самодельный придел знаменитую винтовку для стрельбы по слонам и крокодилам и, прислонясь к дереву, принялся вычислять в уме кубичный корень из 17 897 356.

Профессор истории, после тщетных попыток найти общую тему с зоологом, сел поодаль, погружившись в размышления о древнем Олимпе.

Товарищи первой смены сладко похрапывали у костра. Кругом стояла тишина. Незаметно дремота стала сковывать глаза стоящих на страже.

Одному лишь зоологу загадка хищника не давала покоя... Вдруг он увидел каким-то путем уцелевшие при их возне с костром отпечатки огромных лап, по виду медвежьих. Отпечаток был неясен, но далее ясно виднелись следы, уходящие к лесу.

После истории открытия ледникового гуся, он ничто не считал более невозможным. Оглянувшись по сторонам и на спавших товарищей, он осторожно вышел на поляну, но и там следы были отчасти затоптаны, но далее опять становилось как будто яснее. Римм вернулся для того, чтобы подбросить в костер топлива, и погрузился в изучение следов. Это были несомненно следы медведя с огромными заостренными когтями. Судя по глубине следа, можно было заключить об огромной тяжести и величине их обладателя.

Зоолог удалялся все далее и далее. Вот клок шерсти, приставший к кустарнику. Римм осторожно снял его и, тщательно рассмотрев, положил в записную книжку. Незаметно профессор очутился в лесу. Наступающее утро великодушно позволяло все видеть. На содранной коре дерева были

ясно видны следы когтей. Исполинские размеры особенно поразили профессора. Вот след бешеной злобы зверя,—вырванная с корнем елочка, сломанная и исковерканная. Необычайная догадка озарила зоолога. Он понял, что перед ним следы ни кого другого, как ужаса и грозы первобытного человека,— «пещерного медведя». И в тот миг, как профессор вообразил себе картину встречи этого хищника с нашим предком, он увидел перед собой его.

Роскошное сновидение между тем озарило голову председателя. Дэвис Дохерти видел себя в Индии. Среди тропической природы джунглей, во главе пышной веревницы охотников, восседал он на троне рядом с индусским раджей и величаво покачивался, готовый к встрече с бенгальским тигром. Вдруг сбоку, из зарослей бамбука, слышится предостерегающий шорох, слон настораживает уши, и в воздухе несется стальной броском огромное пестрое тело тигра. Слон свхватывает хоботом хищника, Дэвис Дохерти вскидывает винтовку, но мелькающий живой клубок затрудняет верный прицел, и... он просыпается.

Все охотники, в том числе и часовые, вместе с тихо прикурнувшим невдалеке козлом, сладко спали, похраывая у погасшего костра, а впереди, среди мелкой заросли кустарника, отчаянно воля, несся зоолог. Зоолог, но в каком виде! Брюки висели ключьями, позволяя видеть нижнее белье тоже все в ключьях; на животе висела оборванная цепочка от часов, за профессором, болтаясь в воздухе, летел на резиновом шнурке котенок, а вслед за зоологом, четко вырисовываясь на пред-рассветном фоне деревьев своей исполинской грязно-бурой громадой, подняв кверху лапы с кинжаловидными когтями и сверкая маленькими, близко посаженными глазами, шел исполинский медведь.

Председатель хотел крикнуть, встревожить всех, но понял, что нужно действие решительное, молниеносное действие. В это время профессор добежал до погасшего костра и растянулся почти перед наступившим его чудовищем. Еще полминуты промедления—и зоолога более не существовало бы. Дэвис Дохерти сделал быстрое движение слезть, и увыл... сук дерева медленно стал подламываться, и председатель, сопровождаемый целым ворохом сухих сучьев, свалился прямо на голову учителя математики.

Момент, и последний спросонья дернул курок установленной на прицел винтовки. Пронеслись над головой упавшего зоолога, заряд угодил целиком в тушу медведя. Это спасло Римма.

Медведь взревел, попытлся назад, затем повернул к лесу и медленно заковылял, оставляя за собой кровавый след.

Охотники, разбуженные всем происшедшим, и, со сна не понимая в чем дело, подняли беспорядочную стрельбу, козел жалобно блеял, зоолог продолжал еще вопить о помощи, председатель стонал на земле, вывихнув слегка ногу...

Спустя полчаса крестьяне были свидетелями героических результатов охоты. Медведь, очевидно, серьезно раненый, более не решится беспокоить деревню. Однако, о дальнейшем преследовании не могло быть и речи, так как вывих председателя Об-ва внушал опасения. Зоологу помогли переодеться и, сопровождаемые радостными кликами всей деревни, охотники покинули ее, направляясь в Ок-д. Римм перед отъездом захватил с собой тщательно срезанные пласты глинистой почвы, на которой отпечатались следы исполинского медведя.

9.

Тесрия профессора Шнейдеса.

Известие о возвращении охотников мгновенно облетело весь город. Слухи, переходя от одного жителя к другому, непрерывно росли, разукрашивались множеством вымышленных подробностей и принимали невероятный характер. Возвратившиеся охотники были героями дня. Вышедший экстренный выпуск вечерней газеты сообщал все детали необычайного приключения. Кроме того газета приводила интервью с профессором Риммом. Не оставалось ни малейшего сомнения, что дело идет о появлении давно исчезнувших видов, долженствующем взволновать и поколебать весь мир.

На следующий день утренний выпуск сообщал новую сенсацию: профессор Шнейдерс собирался сделать публичный доклад в «Обществе изучения физических и естественных наук», где обещал дать исчерпывающую теорию необыкновенных явлений.

Все эти сообщения взволновали весь город и еще задолго до начала огромная толпа осаждала здание общества. Негодованию мистера Брукса не было предела. Однако, он поспешил очутиться в ряду присутствующих.

Стрелка часов показывала ровно восемь, нетерпение в зале достигло высшего предела. Наконец, президиум общества занял свои места. Встреченный громом аплодисментов, профессор Шнейдерс начал говорить.

Слегка коснувшись взглядов прошлого на природу космоса, он перешел к новым воззрениям. Обрисовал прогресс современного знания и остановился на «невклидовой» геометрии, новой математике многомерного пространства. Уяснив ее смысл, он перешел затем к теории Эйнштейна, ее опытному подтверждению и остановился на событиях, происходящих в окрестностях Ок-да. Во время его речи стояла глубокая тишина. Один лишь Брукс едва сдерживался, готовый прервать своего противника выпадом раздражения.

Профессор говорил между тем:

... «Представьте себе, мы имеем геометрическую точку. Эта точка идеальна, т. е. не имеет никакого измерения. Предположим, что эта точка движется и оставляет след за собою; мы имеем тогда прямую линию. Прямая линия имеет одно измерение—ее длину.

Предположим далее, что эта линия двигается перпендикулярно самой себе, мы тогда будем иметь оставленный ею след — геометрическую плоскость. Плоскость имеет уже два измерения — ширину и длину.

Еще далее предположим, что и эта идеальная плоскость совершает движение также перпендикулярно сама себе. Мы уже будем иметь пространство с его тремя измерениями — длиной, шириной и высотой,

Ну, а далее — мы условились брать идеальные геометрические тела — далее мы можем предположить, что и трехмерное пространство может двигаться, так сказать, перпендикулярно само себе, оставляя свой след уже четырехмерного протяжения геометрического тела.

Это кажется сначала весьма странным, но вот простой показательный пример. Мы имеем две линии. Одну из них условимся считать B — неподвижной, другую же — будем около одной из точек O — вращать. Как вполне понятно, эти линии пересекутся. Мы можем даже сделать чертеж. Вот линии AB , вот $A'B'$. AB оставим неизменной, а $A'B'$ поворачиваем около точки O , но таким образом, что $A'B'$ все более и более приближается, чтобы стать параллельной AB . И вот, мы видим, что вместе с этим точка пересечения, назовем ее M , сначала помещается на доске, затем отходит вбок, вот уже она будет где-то далеко на стене; я поворачиваю еще, и точка M отойдет куда-то на улицу, в город, на-

конец, за город. Чем более и более становится параллельною $A'B'$ линии AB , тем дальше и дальше отходит

Председатель свалился на голову учителя математики. Тот спросонья дернул курок винтовки.

пересечение М. При очень малой разнице от параллельности, точка М будет лежать где то вне пределов Земли, наконец, вне пределов солнечной системы, даже в других звездных системах. Наконец, мы сделаем, А В и А В совершенно параллельными. Где же они пересекутся? Мы говорим, что направление линии пересекается в бесконечности. Вполне, я думаю, ясно для всех, это видно из примера, что это возможно, если пространство само по себе — замкнутое тело! Пространство имеет кривизну!..

...Для первого взгляда, вернее — для непривычного взгляда, — это не вяжется как будто с общепринятыми представлениями. Но напомним вам следующее. Вы все, конечно, изучали геометрию, где имели дело с известными прямыми линиями, фигурами. Природа же не знает таких! В природе нет прямых линий, нет идеально ровных плоскостей. То, что мы принимаем за таковые, лишь кажущееся. Положим, вы взяли очень ровный лист бумаги и начертали на нем ряд прямых отрезков. Действительно ли они таковы? Конечно, нет. Сама поверхность Земли круглая, и лежащая на ней бумага также имеет совершенно незаметный изгиб, изгиб поверхности земного шара!.. Следовательно, и ваш чертеж вогнутый!!

Два математика, первые, независимо друг от друга, разработали так называемую «неэвклидову геометрию», — их имена — Лобачевский и Риман, вслед за ними множество других: Бальян, Болнай и прочие. Я не буду здесь останавливаться на ней, скажу лишь, что, усомнившись в кажущихся самоочевидных геометрических истинах, математики путем сложных построений вывели новую геометрию, — геометрию многомерных пространств.

Укажу, что «Эвклидова» геометрия, всем вам известная, у них является лишь частным случаем, где пространство принимается за трехмерное.

Вначале большинству это казалось лишь жуткой «забавой для ума». Но вот многие явления физики, явления магнетизма, электричества потребовали для своего объяснения допущения четырехмерного протяжения. Таковы гипотезы об электромагнитных волнах и вихрях. Однако, все это были лишь гипотезы. Но вот Эйнштейн создает на одном весьма простом физическом факте, именно на невозможности обнаружить абсолютное движение Земли через предпола-

Зоолог удирал от испанского пещерного медведя.

гаемый эфир, (солидаризируемый с абсолютным пространством) свою «теорию относительности»...

Выводы ее таковы, что, допуская время одним из измерений, получаем вместо прежнего «становления вещей» единое «Бытие».

Прошлое, настоящее, будущее, если можно так сказать, выражаясь условно, существует вечно, постоянно.

На опытных данных последнего времени по отношению света, он получает полное подтверждение своей теории о предполагаемой кривизне пространства.

Принимая найденную среднюю кривизну, Эйнштейн отсюда вычисляет размеры всей вселенной.

Таким образом вселенная является своего рода 4-мерным континуумом, находящимся в 5-м пространстве. Приняв время за 4-ю координату, мы превращаем физику не во что иное, как геометрию движения. Геометрия — это статика точек... профессор Шнейдерс остановился немного, затем начал далее:

«Геология знает на Земле огромные катастрофы, целые острова, материка исчезали в волнах океана. Океаны меняли свои места. Земная кора подвергалась гигантским катаклизмам.

Астрономия наблюдает еще более великие гигантские события. Целые солнечные миры возникают на глазах вселенной. Наблюдали возгорание новых звезд, происходившее или от грандиозного столкновения двух солнц,

или от радиоактивного взрыва элементов, их составляющих...

Взгляд, что все вечно во вселенной и постоянно, принадлежит прошлому. Энергию порождает материя, материя, как дали последние открытия Нернста, превращается, например, в верхних частях атмосферы Солнца—в энергию...

Почему бы, я задаю вопрос вам: почему?! и самому пространству не испытать частичной катастрофы?!

События последних дней с неопровержимой очевидностью показали нам,—если не допускать сверхъестественного чуда, во что, я думаю, никто из вас не верит,—что в окрестностях Ок-да появилось множество животных, принадлежащих прошлому Земли. Ни о каких переселениях животных из других мест не может быть и речи по той простой причине, что эти виды на поверхности Земли не существуют более 500.000.000 лет. Единственно, откуда они могли взяться—это другие точки временного протяжения.

Повидимому, в пространстве случилась катастрофа. Возможно, что явление носит ограниченный, местный характер и протекает лишь у нас, так сказать, в одной точке протяжений.

Я уже вам показал, что можно мыслить геометрические контуры, как одномерные, так и трехмерные, в отдельности. Следовательно, четырехмерный контур Бытия, вследствие неизвестных причин, «где-то распался», и одномерный контур времени в точках «прошлое», пересек трехмерный контур реальностей, материи.

Бесплотные образы прошлого во времени, появившись в пересечении с пространственной протяженностью, стали материальны, осязаемы, стали настоящим! Вот моя точка зрения на происходящие события.

Профессор Шнейдерс кончил.

Громоподобный, несмолкаемый взрыв аплодисментов раздался в зале. В течение 10—15 минут ничего нельзя было ни сказать, ни сделать из-за оваций теснящейся толпы.

Профессор Шнейдерс стоял, не в силах сойти с кафедры, вследствие непрерывного, напоминающего морской прилив, движения к нему.

10.

Проф. Брукс и проф. Шнейдерс.

— Чуть! Чуть! Ахивей! Дикая, несуразная, абсурдная фантазия! Бред помешанного, сумасшедшего!!—раздался, покрывая гром оваций, голос профессора Брукса.

Не теория, а бред идиота, кретина!—продолжал орать Брукс, покрывая негодующий рев, свистки, неодобрительные выкрики, шиканье толпы по его адресу и, не глядя ни на что, взмог и стал рядом с Шнейдерсом...

— Многоуважаемые мистрисс и мистеры! Только сейчас я, присутствуя здесь, мог убедиться, как некий, по чрезвычайному

недоразумению, имеющий звание ученого Великого Здания Точных Наук, математики и физики, на самом же деле ни что иное, как шарлатан, имел возможность беспрепятственно здесь, перед гражданами, моими соотечественниками, свободными подданными великого государства Великобритания, одурачить всех дикими бредовыми идеями.

К сожалению, недостаточность требуемой в данном случае большой математической подготовки, позволила без труда убедить вас всех принять дикие, нелепые сказки за научные доктрины...

Галлюцинации какой-то мистрисс Хоу послужили ловкому корреспонденту материалом дать сообщение в газету для жадной на самые необычайные сенсации, непритязательной толпы. В погоне за увеличением тиража, газета не задумалась раздуть слухи, пущенные умелой рукой.

К величайшему и горестному сожалению, в этом вопросе оказался замешанным и ваш старый профессор, зоолог Римм. Усиленные занятия распугали здоровье профессора и позволили ему стать жертвой массовой галлюцинации. Факт появления медведя объясняется весьма просто: последний мог бежать из зверинца бродячей труппы циркачей... В данном случае, я стараюсь объяснить дело более или менее просто, но возможно, что оно обстоит иначе, и даже скорее, что все происходящее здесь является делом сторонников немца Шнейдерса, противника установленных в Ок-ском университете порядков, т. е. делом партии «немца», позвольте подчеркнуть это слово, потому что Шнейдерс—германский подданный!!!!

Буря, шум пронеслись в зале. Брань, свистки, шиканье, хлопки, стук ногами, трескотня стульев об пол, ругательства достигли своего апогея. В зале оказались среди присутствующих сторонники двух враждующих партий. Вверх летели котелки, цилиндры, трости, страшные слова, угрозы. Момент—и в зале началось потасовка.

Напрасно президиум общества старался навести порядок, напрасно председатель стучал, звонил, кричал... Все было напрасно.

Потребовалось бы вмешательство полиции, когда председателю пришла гениальная мысль. Сложив руки рупором, вскочив на стол, он обратился к обоим профессорам, стоящим за кольцом своих сторонников и мечущим молниеносные, уничтожающие взгляды:

— Предлагаю ради науки, ради установления Великой Истины, отправиться лично уважаемым профессорам, мистру Бруксу и мистру Шнейдерсу, обом, на место удивительных происшествий в округе графства Б и самим удостовериться в правдивости или лживости газетных сообщений! Тем самым тот или иной признает свою ошибку и публично должен будет принести извинение перед другим! Сейчас же предлагаю временно вспомнить о науке, соединяющей всех великих ее служителей, и полать друг другу руку примирения!..

Брукс и Шнейдерс взошли оба на кафедру. В зале водарился постепенно порядок.

Председатель подошел к обоим и, взяв их руки, вложил одну в другую.

— Завтра два доблестных ученых отправляются ради великой цели, подвергая свои жизни опасностям, в место появления хищников и прочих удивительных явлений. Вы уже слышали о том, что пришлось перенести нашим согражданам, членам «Общества любителей охоты». Теперь же два мирных исследователя, горя великим огнем установления правильного научного мировоззрения, бесстрашно едут, не взирая ни на что, туда же, чтобы внести новую славную страницу в Великую Книгу Знания и тем прославить еще более наш знаменитый университет и город! Да здравствуют оба профессора, Брукс и Шнейдерс!!

Позабыв только что происшедшую потасовку, граждане Ок-да подхватили с криками «ура» обоих профессоров и вынесли их на улицу.

11.

Беженцы.

Еще до восхода солнца, чтобы избежать лишних проводов, профессор Брукс и Шнейдерс выехали за город. Серый автомобиль гоночного типа профессора Шнейдерса, — последний был большим спортсменом, — легко шел по хорошо укатанному, тянувшемуся ровной лентой, шоссе.

Под впечатлением быстрой езды оба, отдавшись охватившему их настроению радостного весеннего утра, молча созерцали величественный восход солнца. Ничто не напоминало им о цели поездки.

Уже зеленеющие луга быстро мелькали, расходясь по обе стороны от мчащейся машины. Из-под колес то и дело вылетали целые стаи усевшихся на дороге птиц.

Спустя некоторое время, они свернули на проселочную дорогу. Минуты через четыре они въехали в лежащую по дороге деревню. Обоим сразу удивило дарившее в ней возбуждение. У домов стояли телеги, уложенные домашним скарбом, по улице преграждали им путь целые вереницы запряженных лошадей, стада коров, овец, свиней и других животных.

Машину окружили жители, забросав рядом вопросов о какой-то опасности. Оба профессора с трудом могли понять в чем дело. Уяснив, что приезжие сами ничего не знают, им сказали, что, по слухам, из ближайших сел появились гигантские горлоподобные чудовища, ломающие и топчущие все встречающееся. Уже разрушено несколько деревень, жители их частью убиты, частью разбежались, побросав все.

Шнейдерс многозначительно поглядел на Брукса. Жители здешней деревни, по примеру соседних, собрав все, что можно, готовились уходить. Задав несколько вопросов о направлении, откуда шли слухи о появлении гигантских чудовищ, Шнейдерс, с трудом проехав деревню, дал машине возможно большую скорость. Однако, условия дороги не позволяли машине ехать быстро. Спустя полчаса они прибыли в следующую де-

ревню. Она оказалась пуста. Все указывало на неожиданное бегство и ужас крестьян. Наугад пустив машину, они миновали несколько невдалеке лежащих отдельных ферм, и потом неожиданно въехали в еще спокойное село. Их вопросы вызвали только изумление, а вслед затем и тревогу.

Оставив село, автомобиль понесся далее, завернув сильно вправо. Проколесив по беспорядочно пересекающимся дорогам, они опять въехали на шоссе, идущее в местечко Т. Почти тотчас же им стали попадаться как отдельные повозки, так и обозы жителей целых поселков, бегущих со своим скарбом в город. Возбужденные, панически настроенные жители не обращали ни малейшего внимания на шедший им навстречу автомобиль. В воздухе стояли крики, шум, восклицания торопящихся двигаться, как можно быстрее. Попадались и отдельные пешие люди с узелками за плечами. Оказалось, что поток беженцев движется еще с ночи, направляясь частью в Ок-д, частью на ближайшую станцию железной дороги.

Усилив возможно скорость, Шнейдерс и Брукс миновали бегущих. Впереди растянулась пустынная даль, позади скрывались в облаках пыли окрестные беженцы.

12.

Брукс и Шнейдерс удирают на гоночном автомобиле от взбешенного стада мамонтов.

Оба профессора обменивались односложными замечаниями. Неожиданно небо затянулось густой пеленой облаков, закрывших и солнце. Подул ветер, в воздухе стала чувствоваться приближающаяся гроза. Показались мрачные, черные тучи, послышались раскаты грома первой весенней грозы и хлынул сильный ливень.

Остановив автомобиль, Шнейдерс поднял брезентовый верх. Однако новые потоки дождя при ветре забрасывали капли воды за воротники, затуманивали стекла впереди, и вскоре шоссе обратилось в месиво грязи.

Из-за дождевой завесы вынырнул встречный кабриолет. Все время погоня и без того взмыленных лошадей, на передке сидел пастор Л. из местечка Т. Узнав знакомого ему профессора Брукса, он приостановил экипаж и, отчаянно махая руками, крикнул, чтобы они возвращались назад. Огромный, исполинский гигант, вышедший из самого ада... сейчас там, в местечке Т. Не дождавшись ответа, пастор принялся бешено нахлестывать лошадей и скрылся, подпрыгивая и покачиваясь на неровностях размокшей дороги.

Брукс, приблизив губы к уху Шнейдерса, крикнул только: «вперед!»..

Наконец они достигли местечка Т., отмеченного корреспондентом «Нашей Газеты».

Они въехали на одну из трех улиц. Оставив машину, они думали порасспросить сначала у местных крестьян, но первый дом, как и следующие, оказался пуст.

Жители, повидимому, бросили все неожиданно, разбежавшись в разные стороны. Шнейдерс предложил переждать дождь и грозу в одном из домов. Однако, дождь и не думал переставать. Вода потоками стекала с обоих коллег. Брукс, не задумываясь, растопил камин приготовленным, наверное, как раз для топки углем. Веселый огонек загорелся, бросая тепло. Сняв верхнюю одежду, они подсади к огню. Вскипятив кофе, они позавтракали брошенным на столе сыром, ветчиной, маслом и хлебом.

Оригинальность обстановки расположила их к беседе.

— Что вы теперь думаете обо всем этом?— первым задал вопрос Шнейдерс.

— То же, что и раньше. Я более чем уверен, что это ни что иное, как массовая галлюцинация. История знает такие вещи, в роде морских змеев, драконов...

Страшный треск в соседнем доме не дал ему закончить фразы. Глазам выскочивших на улицу профессоров представилась казавшаяся из-за дождя еще большей туша мамонта. (*Elephas primigenius*). Животное в бешеной злобе разносило постройку. Маленькие черные глазки злобно поблескивали. Огромные веерообразные уши нервно вздрагивали. Стоя на своих бревнообразных

ногах, покрытый длинными космами персти, спадающими до земли, с загигающимися саженными клыками, он с урчанием хоботом разбрасывал крышу дома... Вслед за ним из-за порога дождя вынырнули еще две исполинские фигуры.

Даже Шнейдерс не ожидал этого. Оба продолжали сидеть, широко расставив ноги и раскрыв рты. Они не верили своим глазам.

Неожиданно профессор Брукс снял свои очки, для чего-то положил их в карман и направился к мамонтам.

Первым опомнился профессор Шнейдерс.

— Вы с ума сошли?!

— Нет, я хочу его потрогать—это галлюцинация!

Между тем животное заметило их. Удивительная фигура вся в черном, с головой, оканчивающейся черной трубой, блестящей от дождя, видимо озадачила даже мамонта.

Но это продолжалось недолго. Момент,— и, подняв хобот, он затрубил и бросился на нового противника.

Отличившийся силой Шнейдерс схватил поперек тела брыкающегося профессора

и юркнул с ним обратно под крышу, выбежав с другой стороны. Момент... и грохот разрушаемого дома показал им, что они во время выбежали из него.

Втиснув Брукса в автомобиль, Шнейдерс быстро завел машину и, вскочив сам, с большой скоростью пустил ее.

Мамонт, видя, что противники его уходят столь странным образом, огласил окрестность паровозобразным ревом и, подняв хобот вверх, заглопировал за автомобилем. Вскоре за ним оказалось целое стадо.

Картина была удивительная. Грозное мрачное небо, непрестанные всыпавшие молнии и раскаты грома, окрестность в пелене дождя, мчащаяся со скоростью шестидесяти миль в час гоночная машина, управляемая Шнейдерсом, сзади сидящий и держащий обеими руками свой цилиндр Брукс во фраке... И вслед за автомобилем, вереницей, тринадцать туш доисторических мамонтов, мчащихся, как экспресс.

мобиль подбрасывало на крутых поворотах, уклонах. Впереди оказался шлагбаум, к счастью открытый. Железнодорожный сторож, вышедший на шум, в ужасе захлопнул дверь будки, когда перед ним, как в сказке из 1001 ночи, промчался бешено несущийся автомобиль, а вслед за ним тринадцать один за другим галопирующих фантастических чудовищ...

Вдруг дождь перестал, как и сразу начался. Ветер расчистил небо и солнце осветило окружающую местность.

Вдалеке, на противоположной стороне, виднелся Ок-д. Неизвестно почему, издав трубные звуки, мамонты неожиданно остановились. Возможно, что непривычный вид города испугал их. И так же быстро, как они мчались за автомобилем, они скрылись обратно вдали, уходя от города.

13.

Тревожное положение.

На следующее утро Брукс встал с сильной головной болью, в подавленном, тяжелом настроении. После испытанного приключения он был потрясен гибелью своей веры в непоколебимость всего здания науки, ради которой он жил, которой отдал всю

свою жизнь, труд, силы.

Все в городе уже знали о происшедшем с ними, но уже было не до сенсаций. На улицах, площадях расположились сотни беженцев,—крестьян, фермеров. Две гостиницы давнo уже были переполнены до отказа, как и все свободные комнаты. А беженцы все прибывали.

На улицах горели костры, расположились телеги со скарбом, пожитками, домашней утварью, которую

Недавние враги удирала на гоночном автомобиле от взбешенного стада доисторических мамонтов.

Шнейдерс перепутал дорогу, и автомобиль несся в противоположную сторону... За завесой ливня разобрать направление было трудно. То и дело авто-

Предстал с дубиной перво-
бытный человек...

сумели или успели захватить.

Опасность могла угрожать самому городу, и члены

городского совета экстренно обсуждали меры безопасности от нападения диких зверей. Должны были быть созданы добровольческие вооруженные дружины.

К экономке Джеральдс зашла ее возмущенная соседка Стоу.

— Я не понимаю, что думает синдик города и начальник полиции, допуская вывешивать такие глупые воззвания. Неужели мой муж должен брать ружье, чтобы стрелять в каких-то пришедших из прошлого чудовищ?! К чему у нас английские законы? Для чего же стоит на углу полисмен?.. Во всяком случае, моя милая мисс Джеральдс, я не должна пускать своего мужа и заранее дала полисмену на чай и сказала, чтобы в случае чего он при первой же опасности спешил к нам!..

Между тем часть жителей, главным образом студентов и прибывших фермеров, вооружилась имеющимся оружием и чем попало. По улицам и на заставах города установили вооруженные пикеты. Окраинные дома забаррикадировались, вокруг города рыли насыпь со рвом, усеянным острыми кольями. На улицах, идущих от застав, сооружались баррикады.

Мистер Брукс остановился на улице, беседуя с синдиком города, когда к ним подошел вспотевший от ходьбы, с смятой шапкой толстяк, местный начальник полиции.

— Вот смотрите!—и он, весь красный от злости, показал им скомканное в руке

письмо.—Смотрите, хорош ответ, как вам нравится!—и, непрестанно откашливаясь и останавливаясь, он принялся читать:

«Уважаемый, дрожащий тесть, благодарите всевышнего, что ваша телеграмма не попала по своему назначению, в руки шефа, иначе бы вам не пришлось более пребывать на вашем посту начальника полиции города Ок-да.

На ваше счастье, я как раз дежурил по управлению, когда была доставлена эта злосчастная телеграмма с ее удивительным сообщением. Советую вам впредь быть более воздержанным в употреблении крепких напитков и более внимательным к исполнению своих обязанностей. А самое нужное, что можно вам посоветовать, это хорошо проспать после изрядной, надо полагать, выпивки (это все между нами). Жалею, что сам не мог участвовать и кутнуть вместе с вами! Ваша телеграмма была мною прочитана и разогнала надолго сон во время дежурства. Я сам лично видел не раз зеленых чертей, но до пещерных медведей и мамонтов еще не дошел! То же самое и наш здешний дикий парень по части выпивки, Джон Брант...

Телеграмму, конечно, уничтожил. Остаюсь и впредь вашим любящим другом. Ваш зять».

И, пустив по адресу любящего друга проклятие, начальник полиции удалился на телеграф, где дал одну за другой две телеграммы с просьбой об экстренной помощи.

14.

Первобытный человек на улицах города Ок-да и...

В ответ на новую телеграмму начальника полиции в Лондон, сначала последовал ответ, состоящий из ряда междометий, выражающих степень удивления и вопросы, затем второй: «Получили, шлем войска с артиллерией. Лондонское центральное управление полицией Великобритании».

Однако с ближайшим поездом (город находится в стороне от железной дороги) явилась лишь армия репортеров и фотографов центральной прессы. Ок-д стал центром внимания мира.

В это время на окраине города стояли двое известных уже нам—зоолог Римм и председатель «О-ва любителей охоты», подружившиеся со времени приключения с пещерным медведем.

Неожиданно взгляд Дэвиса-Дохерти заметил на горизонте странные движущиеся точки. Фигуры стали ближе и, наконец, можно было рассмотреть ужасную картину. Двигаясь частью бегом, частью скачками, приседая, опускаясь иногда на руки,—полупокрытые мелкой шерстью мужчины, вооруженные дубинами, каменными топорами, женщины, навьюченные пожитками, с грудными детьми за спиной, спадающими космами волосами, одетые в звериные шкуры, сопровождаемые детьми, бегущими за ними—племя первобытных людей—быстро приближалось к ним.

Повидимому, неизвестная опасность угрожала им и заставляла их торопиться. Отдельные люди приостанавливались и оглядывались, оглашая воздух дикими криками, затем все вновь спешили вперед.

Зоолог и председатель «О-ва любителей охоты» с трепетом воднения рассматривали пришельцев из далекого прошлого.

— Я полагаю, они относятся к типу, стоящему промежуточно между так называемым Тринильским *Pithecanthropus erectus*, т. е. прямо стоящим обезьяно-человеком и Неандертальским ледниковым человеком.— заметил Римм.

Между тем первобытные люди были совсем близко, приближаясь с угрожающими криками.

Дэвис-Дохерти взял на прицел винтовку, намереваясь уложить первых из них.

— Не стреляйте, ведь это же человек!..— и подожженный рукой зоолога выстрел прозвучал мимо.

— Ну, тогда удирайте!—и председатель, а вслед за ним зоолог пустились наутек..

Первобытные люди, пораженные громом, сначала остановились, но вида, что это не приносит вреда, устремились вперед.

Дом профессора Брукс а расположен был почти на окраине. Мистер Брукс готовился как раз приняться за обед, когда внизу, в дверь, раздался сильный удар. Недовольный, что его отрывают от еды, профессор попросил мисс Джеральдс отпереть дверь. Но страшный треск разбиваемой двери заставил ее остаться у стола. И неожиданно перед Бруксом и его экономкой, во всем своем величии, полуприкрытый звериной шкурой, с дубиной в руке предстал первобытный человек.

Слова вместе с куском непроглоченной еды застряли в гортле у профессора. Мисс Джеральдс, вся красная, закрыв лицо руками, могла только сказать: «но он же почти совсем не одет!»..

А праотец праотцев человечества и славной английской расы поднял дубину и обрушил ее с радостным воем на голову профессора.

15.

...пробуждение мистера Брукса.

...Весь в холодном поту Брукс проснулся у себя на кровати. Лучи утреннего солнца освещали комнату. Перед ним стояла испуганная экономка, тщетно стараясь заставить профессора очнуться от сна.

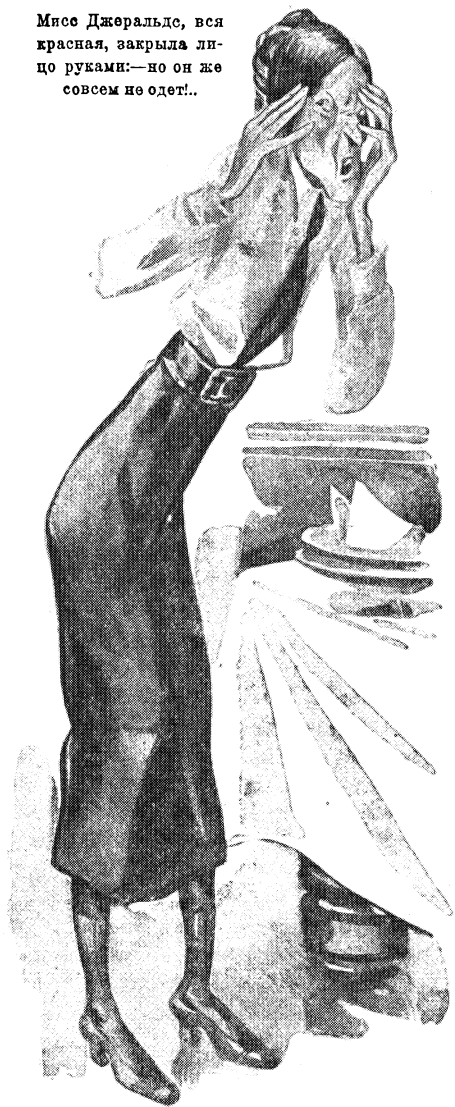
С удивлением, медленно приходя в себя, профессор оглянулся вокруг. Среди разбросанных подушек, опрокинутого столика, на полу валялся смятый выпуск вчераш-

ней вечерней газеты, помеченной 31-го марта, с заметкой: «О необычайных событиях на ферме мистрисс Хоу».

Привстав, Брукс стал медленно одеваться. В памяти еще вставали сцены пережитого сновидения. В поланной ему мисс Джеральдс утренней «Нашей Газете» красовалось:

«Поздравляем наших читателей с первым апрелем, и просим извинения за помещенную вчера вечером шутливую заметку об удивительном выпадении птиц и появлении чудовищ на ферме мистрисс Хоу».

Мисс Джеральдс, вся красная, закрыла лицо руками:—но он же совсем не одет!..

„МНОГОМЕРНОСТИ“ И „КРИВИЗНЫ“ ПРОСТРАНСТВА

Научное послесловие к рассказу «Катастрофа пространства».
НИКОЛАЯ МОРОЗОВА (Шлиссельбуржца), директора Научного Института
имени Лесгафта.

Надняк редактор «Мира Приключений» дал мне на рассмотрение и заключение рассказ С. Красновского «Катастрофа пространства». Взяв его сначала с некоторым недоверием, я, просмотрев до конца, убедился в его большой поучительности.

Уже не раз мне приходилось писать по вопросу о четырехмерном пространстве, о пространственных кривизнах и о принципе относительности Эйнштейна. Мне приходилось уже показывать, что, допустив недоступное для нас четвертое измерение пространства, мы не имели бы никаких оснований отвергать пятое, а допустив пятое—отвергать шестое и т. д. без конца. Об этом я говорил и в своих книжках: «На границе неведомого» и «Принцип относительности в природе и математике», и в специальной статье «О несомноте междуволнового давления света при математическом обосновании принципа относительности Эйнштейна», помещенной во II томе «Известий Государственного Научного Института им. Лесгафта».

Я доказывал в этих статьях, что ни одна из действующих во вселенной центральных физических сил не могла бы распространяться тогда по тем законам, какие мы обнаруживаем теперь в природе, а распространялась бы по совершенно другим, например: сила тяготения ослабевала бы в пространстве четырех измерений пропорционально кубам а не квадратам расстояния; в пространстве пяти измерений пропорционально четвертой степени расстояний и т. д., и т. д.

Отсюда ясно, что ни одна из сил природы, доступных нашему наблюдению и изучению, не приходит к нам из пространств высшего числа измерений и сама не распространяется в них.

Да и в случае простой кривизны трехмерного пространства произошел бы полный беспорядок во времени событий, так что существа прошлых времен постоянно появлялись бы между нами, и весь окружающий мир был бы для нас миром непрекращающихся чудес.

Вот почему, не касаясь литературной стороны рассказа Красновского и не приходя подобно выведенному здесь профессору Бруксу в гнев по поводу принципа относительности Эйнштейна, я скажу только одно. Все то, что тут описано в виде «шутки первого апреля», ежеминутно случалось бы на каждом шагу между нами, если бы все эти «многомерности» и «кривизны» вселенского пространства не были простыми продуктами нашего воображения, постольку же имеющими общего с современным естествознанием, как и все остальные чисто фантастические рассказы. Если автор задавался этой целью, то он вполне ее достиг.

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ.

Систематический литературный конкурс

В каждой книжке «Мира Приключений» печатается по одному рассказу на премию в 100 рублей для подписчиков, то есть в течение 1928 г. будет дано 12 рассказов с премиями на 1200 рублей. Рассказ-задача № 1 напечатан в декабрьской книжке 1927 г.

Основное задание этого Систематического Литературного Конкурса нового типа—написать премируемое окончание к рассказу, помещенному без последней, заключительной главы.

Цель Систематического Литературного Конкурса—поощрить самостоятельность и работу читателя в области литературно-художественного творчества.

Рассказ-задача № 10

Иллюстрации Ф. РАЙЛЯНА.

В лесу — процеженный сумрак храма. Тихо, торжественно. Сосны — рдяные, прямые и стройные, рядами готических колонн тянутся к высокому куполу. Разлапые, ярко-зеленые ели разбросаны меж колоннами, как шатры первобытного становища. По взгорьям, мягко-округлым, что женские груди, мелко курчавятся серые мхи, — коврами пестротканными выстилают они подножья колонн. Если всматриваться долго, кажется, будто груди-шиханы дышат спокойно и ровно, еле заметно вздымаясь.

Солнце кружится в небе не ярком, северном, застиранном частыми до-

ждями до потери окраски. Кружится солнце: сползет за размытую линию дальнего леса, охватит полнеба колыхающим заревом и через час или два выплывет снова, чуть ли не там же, где село. Возлюбило солнце унылый безрадостный Север и хочет его заласкать как хилого дитя, долго росшего без материнской ласки.

Впрок идет ласка. Парным молоком теплого тумана омываются вечерами низкие топи. Озера дымятся в нагретых за день берегах. Влажным, пахучим паром дышат открытые поры

земли. Тучнеет суглинок под раскаленными слоями перегноя. Целебным компрессом одета застуженная земля. Воскресают зачахлые зерна, выгоняют ростки навстречу подобрешему солнцу. Буйная сила скрыта и в этой убогой землице, только надо ее разбудить. И будит, усердно будит, ставшее неожиданно чивым скупое северное солнце.

Северная весна хороша, как и всякая весна.

— Ари-и-ша!..

Голос со стороны лесничего дома, голос сочный, грудной, отчетливый, но здесь, у водопада, его не слышно, хотя и не шумен водопад. Кругобережная лесная речушка — как крутобедрая девка в узкой и тесной одежке. От недавних дождей пополнела и стала рекой. Тесно ей пробираться по проторенной веками дорожке, узко ей обычное ложе, как девке на-носях узеет девичье платье.

А тут еще плиты гранита, как две широкие ступени, зачем-то легли на пути. Скользит по ступеням вниз речонка без шума, только с каким-то довольно радостным ворчаньем. Смотреть издали — как будто бы плавно-густое, иззеленя-синее что-то ползет. И только поодаль, значительно ниже, кудрявится белое кружево пены. Справа и слева лежат валуны, камни — не камни, горы — не горы — формой похожи на побитые яйца каких-то допотопных чудовищных птиц.

— Ари-и-на!..

На окрик, из-за валунов, — дуло винтовки, затем — голова в красном платочке. Повела глазами по сторонам, прислушалась.

— Ари-и-ин-на!..

Быстро — чуть глазом успеешь моргнуть — на самом большом валуне, как на постаменте, памятник вырости успел: выше колен сапоги, штаны с оттопыренными ушами, мужская рубаха — горой на высокой девической груди, винтовка победно торчит за спиной.

— О-го-го-го!..

Звонко, переливчато запрыгало эхо и замерло где-то, как будто споткнувшись.

— Вон ты где! А я все зверье взбулгачил, тебя искавши...

— Что спешно понадобилась? Аль давно не видал?..

Стоит подбоченясь, тихо смеется, а губы как будто намазаны клюквой.

— Посланный с пограничного пункта. Опять контрабандисты шалят. Надо скакать.

Спрыгнула с камня и на шею.

— Когда вернешься?

— Боюсь, не раньше завтра. Трусить не будешь одна-го?

— Не впервой. И по неделе оставалась.

Споро, привычно оба шагают по еле заметной тропишке.

— Семян цветочных не забудь, Павлик. Красных маков побольше.

— Картошку бы лучше садила. Опоздала с цветами.

— Я тебя маками буду кормить, чтобы крепче спал.

И оба смеются молодым, беззаботным смехом.

У новосрубленной избы остановились. Здесь сосны немного потеснились, уступили дорогу жилью. Огородные грядки разграфлены, как жирный транспарант.

Павел кивнул головой на полянку поодаль:

— Вот где картошке расти... Вскопать бы.

— Не лучше ли маки посеять, Павлуша?..

И снова смеются, беспричинно, по-детски.

— Ты сама — ярче махрового мака!

Обнял, схватил за бока, смял и хотел поцеловать. Неловко наткнулся на винтовку. И оба хохочут.

Из-за сарая, где слышна возня лошадей — кривоногий Абрам. Не идет — катится, ноги — колесо без спиц, — сподручнее лошадь обхватывать.

— Ермолаич, пора! Начальник наказывал, чтоб духом...

— Трогай! До свиданья, Ариша!

Поцеловал, за угол — и на коне, — все в одно мгновенье.

— Постой, провозжу, а то Гнедко застоялся...

— Да ты хоть оседлай. Подождем..

— Не впервой!

По коряжистой дорожке скачут трое, гуськом: впереди амазонка в ушастых штанах, без седла, за нею — смеющийся Павел и в хвосте — круглоногий Абрам.

Влажным дыханием полон лес. Ноздри женщины и лошади тянутся жадно навстречу плывущим ароматам. Кто-то невидимый брызгает всюду душистым хвойным экстрактом. Лесная мелкота жужжит, верещит, щебечет и крутится, крутится в непрерывной любовной игре. Разноцветные бабочки, — подвижные цветы — порхают по цветам неподвижным.

За полдень солнце отмеряло. Скоро и домок лесной. Далеко проводила Ариша своего Павлика, даже Гнедко приустал, голову низко понурил, лениво бредет. Или, быть может, опьянел от лесных ароматов бесполой Гнедко.

Край горизонта с востока темносиним завешан. Туча — не туча, как будто оттуда медленной лавиной поток густой кубовой краски ползет. Треснуло что-то вдали, неуверенно повторенное эхом. Еще и еще в разнобой. Гром или выстрелы? То и другое частенько услышишь весной в лесу. Гром нам надежду несет, гром — это музыка лета. Выстрел — свирепое дело, связан он с кровью всегда.

Вот и лесная сторожка. Ариша вздохнула влюбленно, довольный заржал и Гнедко.

Кубовый занавес выше всползает по небу. Слышно, как кто-то невидимый сзади лениво ворошит гигантские железные листья. Идет подготовка к торжественной феерии и все присмирело. Даже солнце конфузливо скрылось куда-то.

По сердцу Арише лесные бури, да и всякие бури вообще. Есть что-то общее между вешней грозой и женским юным, взрывчатым сердцем. И та

На валуне вдруг памятник вырос ... Ариша.

и другое повинуются каким-то скрытым и темным законам. И там и здесь — вековые загадки.

Ветер порывисто тряхнул кронами сосен. Что-то всколыхнулось в груди высокой у Ариши. Что-то влечет на простор, навстречу надвигающейся буре. Сил нет сидеть в спокойном, защищенном углу. Кажется, спрячься — и трусливо пропустишь что-то волшебное, самое нужное в жизни. Сказку какую-то неповторную не узнаешь, сказку, которая говорится однажды. Жадно тянется Ариша навстречу сказке. С буйным трепетом сердца обежала любимые места близ лесной пограничной сторожки, побывала у водопада, где гигантским гнездом чернеют гигантские яйца допотопной неведомой птицы, сама птицей взлетела на лысое взгорье, откуда так призрачно синеются влекущие лесные дали. Взлетела, окинула взглядом просторы, раскинула руки и ждет, когда сказка начнется. Как будто повинуюсь сигналу, с треском разорвалась кубовая завеса, а за ней — полосы нестерпимо-яркого света. Раздирают на части завесу, рвут в клочья вдоль и поперек, а завеса, знай, смыкается снова, ревниво бережет то, что за ней происходит. Гулы и громы, и залпы, и тысячекратные отклики растерявшегося эхо. Сказка началась! Клубы за клубами дыма с огнем изрыгает низко нависшее небо. Миллионы невидимых

орудий ведут несмолкаемую перекличку. Миллионы жерл одновременно выбрасывают снопы огня. Бушует небесный пожар! И, чтоб его потушить, как-то сразу спустили все шлюзы. Будто все озера сразу опрокинули свое содержимое над лесом.

Мокрая до нитки и счастливая до отказа вернулась Ариша в сторожку. Сбросила липкое все и сбежала с крыльца, — и снова под теплый, так ласково хлещущий душ. В сумраке вечера, как мрамор живой, долго отдавалась щекочущим ласкам дождя. Тихо смеялась, словно воркуя. Наслаждалась и мледа, слушая шумную сказку. Повернулась к крыльцу...

У крыльца, под прикрытием навеса, бессильно опершись на ступеньку, чернеет чужой человек...

— Кто вы такой? Как вы смели!..

И — гневная — к нему.

Человек бессильно повернул голову, человек беззвучно шевелит губами, — немолодой, изможденный человек, со взглядом затравленного зверя.

— Что вам нужно? Кто вы такой? Я вас спрашиваю?..

— Я ранен... Помогите... — еле слышно лепечут посиневшие губы.

Ариша забыла о наготы. Наклонилась над серо-седым человеком.

— Пойдемте в избу... Поднимайтесь...

Попыталась поднять. Человек застонал:

— Не могу...

— Ну, тогда подождите...

Исчезла в сених. Через минуту — на пороге, снова в мужском. Человек отшатнулся, пытался бежать.

— Не бойтесь, здесь никто вас не тронет. Ну, идите в избу...

Волоком, почти без его участия, втащила человека в избу. Уложила на лавку, расстегнула мокрый костюм, — заграничный, здесь не носят таких. Вся рубашка пропитана чем-то расплывшимся рыже-красным.

— Пуля?

— В грудь... И, кажется, застряла...

— Можете переодеться сами?

— Попробую...

Долго возился, раздеваясь, — не смог.

Ариша раздела его донага. Переодела в красноармейское, — с Павлика. Тщательно обмыла и перевязала рану. Сготовила чай, напоила и только тогда спросила:

— Кто это вас?

Человек опасливо покосился на женщину и жалобно всхлипнул.

— Не бойтесь меня... Там? На границе?

Тихо кивнул головой.

— Контрабанда?

— О, нет... Возвращался домой... В Россию...

— Эмигрант?

Снова кивнул головой и протяжно вздохнул.

— Лежите спокойно... Утром съезжу в село за врачом...

Человек помолчал и несмело спросил:

— Далеко?

— Тридцать верст. Не волнуйтесь, я быстро... верхом... А теперь постарайтесь уснуть...

Ночь прядет сказки, прядет свои сны. Ливень прошел, но небо покрыто тучами. За раскрытым окном сторожки темно и тихо, — ни звука.

На лавке, близ керосиновой лампочки, землисто серый, седой человек с заграничной острой бородкой. Глаза закрыты, дышит редко, но спокойно. Спит или не спит? Ариша у окна смотрит в насторожившуюся темноту, думает о жизни, мешая ее со сказкой. Что — сказка, и что — жизнь? Жизнь — это то, что есть. Сказки — что было или снилось. Иногда — жуткая сказка, но все же сладостная для сердца, ибо смягчена временем. Всякая боль прошедшая — сладка.

Сказка — это:

Запущенный старый парк. Маленькая девочка в белом, с голубым бантом. Непокорные белокурые локоны по плечам. Шелестящая шелками мама, — такая тонкая и высокая, как тополь. Мадам со смешной огромной бородавкой на носу. Появляющийся изредка в усадьбе шумный, крикливый и неласковый человек — папа, и свя-

занные с его появлением слезы мамы. Молчаливая, сторожкая жуть парка по вечерам, и маленькое, страхом сжатое сердечко в груди, трепещущее, как пойманная птичка.

Сказка — это:

Толпы бородатых мужиков под окнами дома, редкие сухие выстрелы, ночное бегство из дома с мамой на тряской крестьянской телеге, откуда-то с задворок, со стоном закусенные губы мамы, слезящийся нос мадам, с дрожащей на нем бородавкой, и колыхающее вдали, над усадьбой, кроваво-багряное зарево пожара.

Сказка — это:

Впервые познанный город, каморка с копящей керосиновой лампочкой, люди, рвущие у мамы колечки и серьги на мезу, слезы о бесследно-пропавшем папе, мама в подвязанных веревочками ботинках, пекущая вкусные лепешки из жмыхов на продажу, умирающая от тифа графиня, в самом жестоком бреду уверяющая кого-то, что она самого чистокровного пролетарского происхождения.

Сказка — это:

Отчаянная безпризорность по дорогам и селам, по большим дорогам и кишащим людьми станциям, раннее знакомство с грязью жизни колонии с ватагой шумных, крикливых, отчаянных головорезов обоего пола, замкнутого трудового режим на несколько лет, выход на фабрику, учеба и первая встреча с ним, первый выход в жизнь.

Жизнь — это:

Лесная сторожка, валуны у водопада, молчаливая армия сосен, скаканье верхом на Гнедке, весенние грозы над лесом, прищуренно улыбающийся Павлик, сердце, переполненное любовью, и восемнадцать лет за плечами...

И вот этот, лежащий с закрытыми глазами, редко дышащий человек с седой, заграничной бородкой...

Ночь длится. За окном — еле слышимый шорох деревьев. Небо в просветы меж сосен клочками сероватой пакли малчит, — чем-то сплошным, плотно-стеганным небо закрыто. Влажный воздух, пахнувший хвоей и пере-

гноем, пахнувший сытным парным молоком, льется в раскрытое окно. Грудь расширяет от жадных глотков. Дышишь и не надышишься. Неумная, жадная жажда томит.

Человек с заграничной бородкой жадней той, другой, — он глотает порывисто, быстро, толчками.

Застонал, повернулся к Арише, спросил:

— Вы одна здесь живете?

— С мужем.

— А муж где?

— Уехал на пункт. Завтра вернется.

— А здесь — что?

— Лесная сторожка. Да вы-бы молчали, вам вредно.

— Мне лучше...

— Ну вот и отлично. Чуть свет — поскачу за врачом.

Человек повозился, вздохнул:

— А потом?

— А потом — муж придет, рассудит...

И немного помолчал:

— У вас документы в порядке?

— Нет у меня никаких документов...

Тихонько границу хотел перейти... А дальше...

И умолк.

— А дальше?

— Ну, дальше, — жив буду, — как-нибудь... Живут же люди... Я не преступник... Я мирный гражданин... Не расстреляют, надеюсь, за это...

— Лежите спокойно, усните...

— Не могу...

Помолчал, подавил сорвавшийся стон, попросил воды. И опять:

— Здесь у меня жена и ребенок...

В России, то есть... Давно потерял их следы... Живы ли?... — С тоской огляделся вокруг, глазами к окну потянулся: — Дождь прошел?

— Да.

— Найду ли своих?... Девочка...

Дочка... Беленькая такая... Славная... Восемь лет было...

— Давно не виделись?

— Больше десяти лет.

Ариша усмехнулась:

— У вашей девочки, наверное, уже свои дети.

Человек как-то испуганно вздрогнул, приподнялся на локтях и пустился

взглядом ввалившихся глаз уставился на хозяйку.

— Лежите, вам нельзя шевелиться...

— Вы правы... Я об этом как-то не думал... А странно... Ищу ребенка, а она... Нет, нет, этого быть не может... Это... это... кошунство.

Заплакал беззвучно. Просто поморщился — и глаза, как две впадины после дождя, наполнились до краев мутноватой влагой. Закрыв глаза, сжал впадины пальцами и долго лежал молча, часто и прерывисто дыша. Медленно начал снова по слову цедить, как будто про себя:

— Зачем я... иду?... и куда?... Кто я?... Труп... Отголосок прошлого... Песчинка бури... бывший человек... Жизнь для меня кончилась... десять лет назад... Чего ищу?... Иголку в лесу... Мудрено... мудрено найти... Как жаль, что пуля так неудачно попала... Если б левее... Было лучше... Тяжело жить, когда внутри пусто... Оболочка человека, а внутри, под оболочкой — ничего... И тоска... тоска... Самая страшная казнь человека... Вы знаете, что такое тоска?... Простите, как вас зовут?

— Аришей...

Лицо человека прояснилось. Подобие улыбки появилось вокруг носового рта.

— Да... Ариша... Ариша!... Так вот, Ариша... Знаете ли вы, что такое тоска на родине?...

— Не знаю. Я с родины никуда не уезжала.

— А я знаю... В сущности, если меня проверить, я знал только одно — тоску по родине. Все другие переживания частью угасли, частью поглощены ею... Этой тоской по родине... Это она толкнула меня под винтовки пограничников... Ведь я знал, что это так кончится... Знал наверное... И даже могло быть хуже... И все же пошел... И если бы было в тысячу раз страшнее — тоже пошел бы... На сто смертей пошел бы... За одно... За одно только: умереть на родной земле... Поделоват ее перед смертью... Кто этого не испытал, — не может понять... это особенное... Известное только нам... изгнанникам... Позвольте глоток воды... Ириша... Ириша...

Он трясущимися руками задержал ее руку с ковшом.

— Ириша... Вы простите, что я говорю: Ириша... Так мне понятнее... Так вот, Ириша... Я знаю, у вас доброе, отзывчивое сердце... Женское сердце не может быть иным... Не откажите мне... в моей просьбе... Не выдавайте меня этим... пограничникам... А доктора не надо... И вообще никому говорить не надо... Я к утру... немного отдохну... соберусь с силами и пойду... до ближайшей деревни... Хорошо?... И мужу говорить не нужно... Ведь вы исполните это?

Руки с надеждой цепляются за руки женщины, расплескивая воду на одеяло.

— Хорошо, хорошо... Только лежите спокойно, там видно будет...

— Ну, вот, спасибо... Я это знал... А там... я... как-нибудь выплыву. Мне бы только до города...

Откинулся на подушку, дышит все учащенное, лицо порозовело. Открыл глаза, с тоскою озирается вокруг.

— Боже, как темен и запутан твой мир!... Как несчастны твои создания!... Знаете, Ириша... Жизнь мне представляется гигантской ступой, где копошатся разнородные живые твари... И кто-то злобный и жестокий беспрерывно толчет их огромным пестом... А зачем это?... Кому это нужно? Для чего?... Никто не знает... И никогда не узнает... Все так сложно и непонятно, что недоступно чьему-бы то ни было пониманию...

— Молчите лучше... Это у вас от лихорадки. В мире все просто. Значит, успокойтесь и спите. Завтра будет лучше. А там — забудете.

Человек с сомнением покачал головой.

— Просто? Вы говорите в мире все просто?... Может быть... Вам сколько лет?

— Восемнадцать. Да лежите же спокойно, несурзанный человек!

— Лежу, лежу... я спокоен... Да... в восемнадцать лет — все должно быть просто. Вы правы...

Словно подстерегавшая, трель какой-то звонкогласой птички раздается над самым окном. Ей отвечает другая, третья, — подалее. Тени меж деревьями тают. Рядные, прямые

стволы сосен рисуются строго и четко. Женщина взглядывает на мужчину. Он лежит вверх лицом, слегка вздернув остренькую бородку, дышит редко, спокойно. Она заботливо прикрывает окно и выходит за дверь.

Небо очистилось. Кое-где по прозрачной голубизне скользят обрывки разрозненных облачков, то белых, как кипень, то слегка подрумяненных. К востоку, за стеною сосен, колыхает пламя зари. Словно алый, пламенеющий занавес опущен меж небом и лесом. Влажная зелень листьев сверкает, как свежее окрашенная за ночь. Птичий гомон разноглас и вызывающе неумен. Каждый кустик, каждый клочок земли, каждая ветка хвои кажутся расточительным ароматом.

Мир — прекрасен и детски прост. Звук леса — гармонично нестройны.

Ариша, уверенно ступая босыми ногами, прошла к водопаду, вмиг сбросила с себя одежду и с воздетыми к небу руками застыла, стоя на валуне, — как мраморная богиня какого-то счастливого лесного народа. Потом, осторожно ступая по камням и изгибая торс, спустилась к пополневшей реченке и погрузилась в ее обжигающую быстрину, — как раз там, где плавный водопад кудрявится завитками жемчужной пены.

Порозовел белый мрамор. Ласково замурылыкала река.

Возвращалась домой медленно, неторопливо, о чем-то раздумывая. Рассеянно срывала росистые цветочки и как-то незаметно для себя сплела веночек. На минуту остановилась у спорной полянки, где, по мнению Павлика, следовало посадить картофель, а по ее — посеять маки.

В хлеву призывно замычала Буренка. Ариша быстро схватила педойник и пошла доить. С наслаждением выжимала кремово-дымящуюся влагу, любовалась тугими, упругими, звенящими струями. Наполнила педойник до краев и выпустила корову на подножный корм.

Затем оседлала Гнедка и пошла в избу, готовая скакать за доктором. На минуту задумалась возле печки, наполнила миску парным молоком, отрезала ломоть хлеба, понесла незнакомцу.

— Вы спите? Вот здесь — молоко и хлеб. Заходите — подкрепитесь. Я еду за доктором...

Помолачала минутку.

— Вернемся часам к девяти. Если придет муж, скажите ему то же, что мне сказали. Я ему оставлю записку... — Долго искала карандаш. Нашла, хотела писать. Неожиданно схватилась за какую-то мысль,

быстро подошла к человеку с заграничной бородкой, положила ему руку на лоб. Холодный и влажный, как валун у водопада.

Раскрыла впаду, желто костяную грудь, близко припала ухом. Человека нет...

Кончился...

Долгим взглядом осмотрела заострившиеся черты, медленно отошла к двери. В сенцах, в рамке дверей, долго стояла опершись руками о косяки, без мысли смотрела на спорную полянку, где бродила, пощипывая травку, Буренка.

Неожиданно приняла решение: не говорить Павлику ничего. Так лучше. Не было ничего: ни грозы, ни человека с заграничной бородкой, ни выстрелов в лесу. Ничего... Не было и нет. Все идет по-старому.

— Знаете, Приша, жизнь мне представляется гигантской ступой...

Одела высокие сапоги, взяла заступ и направилась к спорной полянке. Уверенно, скоро, привычно копала рыхлую, влажную землю. Когда могила была готова, вернулась в избу. Привела незнакомца в порядок: застегнула ворот красноармейской рубахи, омыла лицо, одела на ноги шерстяные чулки, голову повязала красным платком — с своей головы.

Легко, как привычную ношу, подняла труп на руки и понесла к могиле.

Когда опустила тело на дно и взялась за заступ, — вспомнила о платье незнакомца. Вернулась в избу, собрала непросохшее, грязное, машинально осмотрела карманы. Какие-то

слежавшиеся, смоченные бумажки, носовой платок, карандаш и перочинный нож, размокший кусок хлеба. Ни бумажника, ни денег, — больше ничего. Все положила обратно. Бумажки оставила — рассмотреть на досуге. Свернула мокрое платье в узелок и опустила в могилу, рядом с владельцем вещей.

Снова заработал заступ. Когда заровняла могилу, полянка имела вид поля, вскопанного для посева.

На глаз попался брошенный ею, сплетенный на досуге, веночек. Подняла его, уже полужавший, и положила на землю там, где должна приходиться голова человека с заграничной бородкой.

УСЛОВИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

1) Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Лучшее из присланных окончаний будет напечатано с подписью приславшего и награждено премией в 100 рублей.

2) В систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений».

3) Никаких личных ограничений для конкурирующих авторов не ставится, и возможны случаи, когда один и тот же автор получит в течение года несколько премий.

4) Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора, и снабжены его точным адресом.

5) На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений».

П р и м е ч а н и е. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, по тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений».

6) Последний срок доставки рукописей — 25 ноября 1928 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе.

7) Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград 25, Стремлянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

8) Не получившие премии рукописи будут сожжены и имена их авторов сохранятся втайне. В журнале будет опубликовано только общее число поступивших рукописей — решений литературной задачи.

9) Никаких индивидуальных оценок не премированных на Конкурсе рукописей Редакция не дает.

Следующий рассказ на премию в 100 рублей будет напечатан в октябрьской книжке «Мира Приключений».

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 7

Решение рассказа-задачи „СЕКРЕТ ДЯДИ ФРАНСУА“

Каждая книжка нашего журнала вызывает длинный ряд читательских откликов. Больше всего поступает их по поводу конкурсных рассказов. И на этот раз скопилась целая пачка писем самого разнообразного содержания. Очень показательно, что среди читателей, горячо приветствующих наш Систематический Литературный Конкурс, есть много таких, которые лично сами не принимают участия в нем, но следят за ходом Конкурса, мысленно решают литературные задачи и интересуются премируемыми заключениями и отчетом о присланных рукописях. Многие видят в работе по Конкурсу школу для молодого или неопытного литератора, многие сочувствуют нашей попытке возбудить и повысить в читателях интерес к литературе вообще и литературную самостоятельность и т. д.

Каждое полученное нами письмо внимательно прочитывается и, если оно носит принципиальный характер, или мысли и вопросы, высказанные в нем, могут вызвать общий интерес, такое письмо в свою очередь находит отклик на этих столбцах.

Среди множества похвал и выражений благодарности за учреждение Конкурса, вызывающего помимо расходов и значительное увеличение труда Редакции, есть и критические замечания, заслуживающие оглашения.

Один из читателей, В. В. З. (Ленинград), находит, что все помещенные рассказы - задачи, кроме «Лиловой буквы», слишком легки, что они «должны в большей мере служить для проявления сообразительности и эрудиции участников Конкурса и не быть только литературными упражнениями». Читатель безусловно прав. Мы держимся того же мнения, но весь вопрос в том, что считать «только литературным упражнением». Первые рассказы - задачи должны были нацелить читателя, определить степень его подготовленности, выявить уровень сил, которые будут принимать участие в Конкурсе. Мы уже говорили однажды, что Редакция при выборе рассказов действует по определенному плану, который не считает полезным оглашать предварительно. Кроме сделанного сейчас разъяснения можем однако указать, что с повышением трудности рассказа увеличивается соответственно и пространство («во всех измерениях»), отводимое на долю читательской работы. Эта постепенность, конечно, входит в программу нашего Систематического Конкурса. Так, рассказы «Лунная дорога» и «Слепцы у омота» уже требуют большой доли самостоятельного творчества и проявления фантазии. Ставим пока на этом точку...

Один читатель пишет, что «рассказов-задач, не дающих материала для решения в одном определенном направлении (вследствие ли неумения автора или сознательной «провокации») — не следовало бы давать». Здесь явное недоразумение и на нем следует остановиться. Рассказов-задач плохих авторов или слабых, начинающих, мы не печатаем вообще. Мы стремимся к тому, чтобы каждый помещаемый рассказ был прежде всего художественным произведением, отличающимся от других не только по содержанию, но и по форме и стилю; чтобы он сам по себе мог служить известного рода образцом в отношении подхода к теме, трактовки сюжета, манеры письма, тона. Читатель, серьезно смотрящий на предлагаемую ему работу, извлечет полезные уроки даже из одного вдумчивого ознакомления с темами и изложением рассказов-задач. Он почувствует несомненно, что есть гармония между их содержанием и формой, в которую содержание облечено, и инстинктивно, хотя бы вначале подражательно, будет искать для окончания такую художественную линию, которая не испортит рисунка в целом.

Это — одна сторона дела. Другая — не менее важна. Автор рассказа-задачи умышленно оставляет известные пробелы, не все договаривает, чтобы дать решающему задачу возможность проявить и свои личные силы; и во-

ображение, и знание быта, и способности ориентироваться в известных условиях, и, наконец, литературно-художественное чутье. В меру способностей своих автор делает, что может. Но, поистине, сколько голов — столько умов! Бывают случаи, что читателю, решающему задачу, приходит на мысль такие варианты, каких автор не имел в виду. И вполне возможно, что читатель, работавший в широких рамках предоставленной ему свободы, напишет в минуту озарения иное и даже лучшее окончание, чем дал автор. Тут нет ничего обидного для автора. Разве история литературы не дает нам многочисленных примеров, что и гениальные писатели сами изменяли впоследствии развязки своих произведений, хотя они были, разумеется, хорошо продуманы. И автору «не подносится пилуля», — как предполагает один читатель, — если премированное решение оказывается не совпадающим с его собственным, авторским. Возможность этого автор предвидел.

Из опыта уже закончившихся 7 отдельных конкурсов мы видим, что нередко читатель дает и новые, чудесные, тонкие штрихи, которые, не изменяя целого, живыми художественными подробностями украшают и дополняют все произведение.

Здесь мы отчасти отвечаем и на нередко задаваемый нам вопрос: отчего не публикуются фамилии авторов рассказов-задач? Из сказанного выше ясно, что это делается по соглашению Редакции с авторами, чтобы уменьшить индивидуальное значение рассказа, чтобы именно авторское самолюбие не могло подвергнуться никаким кривотолкам, чтобы наиболее ярко и выпукло выступала не личность и имя автора, конечно, всегда имеющего среди читателей своих друзей и врагов, своих почитателей и хулителей, а само произведение. Говоря коротко: чтобы не флаг прикрывал груз, а груз ценился сам по себе, хотя он и обезличен. И что дало бы читателю осведомление об имени автора? Было бы удовлетворено только праздное любопытство. За то автора могли бы поставить иной раз в неудобное положение... За рассказы-задачи всю ответственность несет на себе Редакция, кто бы ни были авторы их. И авторы, и читатели сохраняют в Конкурсе полную свободу — обе стороны от этого только выигрывают.

Нам еще часто задают вопрос: как приступать к делу, решая рассказ-задачу. Тут может быть несколько ответов в зависимости от подготовки читателя, но, пожалуй, достаточно будет извлечь главные указания из письма читателя же И. С. С. (Вологда), рассказывающего нам, как он работает. Читатель С. «хорошо продумывает первые главы рассказа, перечитывая их по несколько раз, и попутно записывает все появившиеся мысли, а на основании их составляет в голове план заключительной главы».

Отвечаем и на видимо больной, — судя по количеству писем — вопрос: как научиться писать грамотно, без ошибок? — Никакое знание грамматики само по себе не может дать навыка писать без ошибок и литературно. Нужно читать книги, возможно больше и вдумчиво читать, и запоминать начертания слов, обращать внимание на сочетания их, на конструкцию фраз, т. е. на построение речи. Иногда на минуту-другую прервать чтение и вообразить себе трудные слова написанными и фразу составленной. Такое запоминание легко входит в привычку и дает великолепные результаты. Между прочим, полезно учиться и на «Мире Приключений», так как он печатается почти без ошибок и на литературную сторону его материала обращено особое внимание. Конечно, если читатель знает языки и притом древние — латинский и греческий, работа значительно облегчается и морфология, отыскание корней и происхождений слов, становится сама по себе интересной задачей. Но увлекаться этим нельзя. Хороший литературный язык вовсе не требует обильного употребления иностранных и мало вошедших в обиходную речь слов. В этом отношении читатель также может воспользоваться «Миром Приключений», где следят за чистотой богатейшего русского языка и иностранные слова применяют только тогда, когда они

неизбежны или являются так называемыми «техническими терминами». Вообще же нужно давать своему мозгу постоянную работу и искать слово, по возможности русское, точное и яркое. Еще раз посоветуем: Читайте! Читайте книги! И во время отдыха, незаметно, шутя, будете литературно обогащаться на всю жизнь.

На Конкурс № 7, из-за опоздания выходом книжки журнала, прислано всего 38 решений, из них 6 — подписчицами.

Большая часть писавших заключительные главы догадалась о секрете дяди Франсуа, который вместо пятифранковых монет опускал в ящик круглые льдинки. Такое простое и доступное для простеца и в то же время хитреца-крестьянина разрешение вопроса может быть единственным. Таким оно было и в действительности. Дело в том, что автор рассказа-задачи, известный писатель, в основу сюжета положил судебный процесс, слушавшийся в свое время в Париже и вызвавший много шума.

По существу приходится считать неправильными остальные предположения нескольких читателей, приписавших дяде Франсуа какие-то технические хитроумные приспособления, чтобы обмануть электрическое общество. Так, по одной версии, дядя Франсуа изобрел для поворачивания рычага счетчика пластинку из легкого металла, толщиной в ребро монеты, и эту пластинку припаял (?) к монете; или: из брелока-игрушки, представлявшего нечто среднее между пистолетом и арбалетом, Франсуа стрелял в отверстие счетчика пластинкой льда. По мнению проф. Гржебуа можно было так же действовать и тонкой струей воздуха или воды из сильного насоса. Или: старик клал лепешки из камфоры в оболочке из слюды и т. д.

Но замена монеты кружком из льда есть решение первое и только формальное. Альфред как-то должен был узнать или догадаться об этом и уличить Франсуа. И читатели обнаружили правильное логическое мышление, обратив внимание на эту вторую сторону задачи. Вариантов тут дано очень много, и было бы излишне перечислять их все. Отметим те, которые можно объединить в группы, или типичные. У нескольких авторов — дядю Франсуа выдал кошелек с растаявшей льдинкой, попавший в руки Альфреда то непосредственно, то через полицию. У другой группы — изгнанный Альфред разгадал тайну в кафе, когда пил прохладительный напиток со льдом. У иных такие заключения: избитый Альфред в больнице, ему ставят ледяные компрессы, и они-то наводят на мысль, или: Альфред видит на улице воз со льдом и свесившуюся сосульку; или: в комнате у старика, где шла баталия, каблуки крошили разбросанные по полу кусочки льда. — Все эти объяснения более или менее правильны и психологически верны. Есть мелкие подробности, свидетельствующие о внимательной работе над этой частью задачи. Так, С. И. Т. (Воскресенск) заставляет старика класть льдинки, чтобы не таяли в кошельке и не смачивали его, в свинцовую бумагу от шоколадных конфет.

Третьей частью задачи являлось описание самого процесса обличения мошенника и, наконец, чет в е р т о й — финал рассказа, развязка, находящаяся в самой тесной хронологической близости с третьей частью, но вытекающая из всего повествования. В развязке психологически оставался большой простор решавшему задачу, т. е. требовалось уже проявление, хотя и маленького, но самостоятельного творчества.

Для удобства мы соединяем третью и четвертую части задачи и даем обзор их, как наиболее ценных в работе читателя, несколько подробнее. Уличали дядю Франсуа то сам Альфред (по одной версии — избитый в полиции), то полицья, то непосредственно директор с полицией, даже с членами Общества «Электро». Последние решения совершенно невероятны, как и подробности их, например: директор с Альфредом ворвались в ванную, когда там сидел голый Франсуа, и потребовали показать кошелек. — У большин-

ства читателей дело не осложняется, но некоторые, очень немногие, вводят на сцену то Генриетту, то Руфинелли. Против этого возразить нельзя.

Преобладающее количество финалов соединяет браком Альфреда и Генриетту. Тут попадаются чудесные штрихи. В них видны и наблюдательность, и остроумие, а в иных даже знание французского быта и нравов парижан. Так, например, у Л.М.Р. (Козлов) дядя Франсуа говорит схваченному Альфреду: «я сразу разгадал вас, едва вы постлали мне постель», а в заключении сам Альфред в кафе рассказывает автору эту историю, и автор делает ремарку: «за аперитив платил я». — У Н. Н. А.—ой (Шлиссельбург) тонкая заключительная фраза счастливого Альфреда: «И будь дядя Франсуа трижды вор и мошенник, я, право, ему очень благодарен». — У Н. П. М. (Москва) прелестный финал чуть-чуть гротескного характера: Альфред догадался о секрете, когда с невестой сидел за апельсиновым сиропом в кафе тетушки Марго, славившейся своими сиропами. «Вот почему в семействе Шам апельсиновый сироп со льдом всегда пользовался особым уважением, и не только сама мадам Альфред Шам, но и ее дочери, и многочисленные внуки готовили этот прекрасный напиток, право, не хуже тети Марго». — У С. С. (Москва) также хороший финал: «На улице Монреаль до сих пор висит старая вывеска: «Электротехническая Контора Альфред Шам с С-ми. Фирма существует с 1889 г.». В кабинете директора этой фирмы висит старый портрет старика Франсуа с надписью: «Изобретательности этого старика фирма обязана своим основанием».

Особняком стоит несколько решений. Они в том или ином отношении неправильны, но в некоторых частях настолько своеобразны, что мы приводим их. У одного автора Альфред повенчался с Генриеттой при помощи Франсуа, и, казалось бы, все обстоит благополучно. Но дирекция ошиблась: дядя Франсуа удрал, и его не нашли. «Это был последний неразгаданный секрет дяди Франсуа». Написано это решение, если брать его целиком, остроумно и литературно. — Любопытный уклон мышления виден в хорошо с внешней стороны написанной, но нелепой по содержанию главе. Альфред сам защищал дядю Франсуа на суде и доказывал, что систематическое мошенничество было только... спортивным состязанием с Электро. И подкреплял это тем, что не будь здесь «спорт», Электро не заплатило бы ему, Альфреду, 10 тысяч за раскрытие секрета... — Б. В. Б. (Тверь) сочинил иной конец: Альфред заставил избалованного Франсуа подписать отказ от контракта с «Электро». Женится на Генриетте и... сам пользовался способом дяди Франсуа, пока не был изобретен новый счетчик, учитывающий количество потребляемой энергии, независимо от способа платежа. Рассказ не давал автору никаких оснований превратить Альфреда в мошенника. — Два решения — совсем исключительные: И. С. М. (Каневская) рассказывает, что после ареста Альфреда дирекция «Электро», опасаясь скандала, розыскала Генриетту и просила ее передать жениху, чтобы тот отвечал сам за все и выгородил дирекцию из неприятной истории. Альфред секрета не открыл и все-таки получил 10000 франков за молчание. Нужно ли пояснять, почему такое решение неправильно с бытовой стороны? — И. С. С. (Вологда) в хорошо написанной главе заставляет Альфреда, за несколько часов до свадьбы, догадаться о секрете, и затем бедного молодого человека находят мертвым. Приходится думать, что сердце не выдержало. Вряд ли такой драматический момент кстати в этом рассказе. Он звучит неоправдываемым диссонансом.

Некоторые добросовестно обратили внимание и на судьбу счетчика, который было бессмысленно оставлять в таком виде, раз секрет дяди Франсуа стал общим достоянием. И различные авторы совершенно справедливо вводят в употребление новый усовершенствованный счетчик, при чем иные, напр., П. Н. З. (Орел) указывают, что изобрел его главный электротехник (служебное повышение, упомянутое будто вскользь. Это хорошо!) Альфред Шам. Иные, как Т. Б. К., даже поясняют, в чем состояло улучшение счетчика. Напр., в выверке чувствительности рычажка, чтобы он действовал

исключительно под действием тяжести 5-франковой монеты. Н. С-ва (Севастополь) придумала и свою защиту счетчика от дяди Франсуа и его последователей: класть на дно в кусочке полотна акварельную краску, которая размокнет от воды и оставит уличающие следы.

Заслуживают отметки хорошее решение Г. С. С. (Н. Новгород) и Л-ы З. (Городище). Последнее несколько суховато.

В. В.

Лучшее, наиболее полное, хорошо разработанное, интересное и оригинальное в деталях решение прислал ленинградец гр. Г., но, к сожалению, премия ему не может быть присуждена, так как автор потребовал «ни в коем случае его фамилии не оглашать», что нарушает основную, 1-ю статью условий Конкурса, в силу которой заключительная глава печатается обязательно с подписью приславшего. Таким образом, эта рукопись отпадает и

Премия в 100 р. на Конкурсе № 7 Систематического Литературного Конкурса «Мира Приключений» 1928 г., по присуждению Редакции, получает

НАТАЛИЯ КОНСТАНТИНОВНА РОЗЕНШИЛЬД

из г. Майкопа (Северо-Кавказский Край),

за следующую заключительную главу к рассказу

== СЕКРЕТ ДЯДИ ФРАНСУА ==

— Пошлите за полицией! — повторил, задыхаясь, дядя Франсуа.

Двое лакеев ринулись к дверям. Остальные подхватили под руки сопротивлявшегося Альфреда с таким остервенением, будто поймали опаснейшего преступника.

Старик, крича и оправляясь от схватки, торжествующе поглядывал на своего побежденного врага.

— Будешь подсматривать?! — ворчал он, замахивая халат.

...Шам, перестав обороняться, с усталым видом переводил глаза с державших его лакеев на дверь, сдвигая на дядю Франсуа, с дяди Франсуа на живописца всего происшедшего — злополучный аппарат...

...И вдруг... Что это? Не обманули ли его глаза?... В отверстии для опускания монет что-то сверкало... Да, да, несомненно, там застрял какой-то маленький, прозрачный предмет, — и от этого предмета, скользя по стенке счетчика, тихонько катилась светлая водяная капля...

Сердце Альфреда отчаянно забилось... Он стоял на пороге разгадки, — в этом не могло быть никакого сомнения. Очевидно, дядя Франсуа слишком поторопился накрыть шпиона и на этот раз не проделал до конца своей обычной манипуляции.

И в такую-то минуту быть прикованным к месту, терять Генриетту, 10 000 франков и все будущее из-за двух пар державших его рук?!... Нет, никогда!..

Изо всех сил он рванулся, оттолкнув одного лакея, подставил ногу другому и, захлопнув дверь перед самым носом растерявшегося дяди Франсуа, выбежал на улицу.

По мнению старика, Альфреду несма действительно помогал сам черт, а поэтому ни лакеи, ни полиция его не догнали.

Когда десятью минутами позднее описанной выше схватки злополучный аппарат был вскрыт, на дне его оказался мелкий, еще не успевший растаять, кусочек льда, плававший в лужице воды — Перетрусившему дяде Франсуа оставалось только сознаться во всем, хотя в начале допроса он и пытался было уверить присутствующих, будто лед попал в отверстие случайно.

Очевидно, старый мошенник недаром любил по ночам лакомиться сиропом со льдом. Лед — вообще полезная вещь, — ну, а ухитриться приравнять пластинку его к пятифранковой монете, да еще свободно вталкивать эту импровизированную плату почти ежедневно в отверстие аппарата, — это уж действительно значит уметь извлекать из вещей максимум пользы! Стало понятно, отчего образовалась ржавчина на дне счетчика, почему старая лужица неизменно старалась держать его поближе к печке, где лед быстрее таял и вода скорее высыхала... Разумеется, синьор Руфинелли не был посвящен в хитроумный секрет своего патрона.

Мне остается добавить немного... Конечно, дялюшка Франсуа в самом непродолжительном времени предстал пред судом, — и на этот раз уже не он, а сам судья задав ему неизменный вопрос:

— Каким образом?

...Эту историю передал мне старый приятель, Альфред Шам, — владелец большого магазина электрических принадлежностей «Шам и К-о» на улице Риволи в Париже.

— Каков старый негодай, — а?! — закончил он свое повествование.

— И все-таки, — возразила мадам Генриетта Шам, кладя руку на плечо своему старшему сыну Жоржу, — все-таки, всем счастьем нашей жизни мы обязаны именно этому дяде Франсуа — и никому больше. Разве ты не согласен со мной?

ПОЛУДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

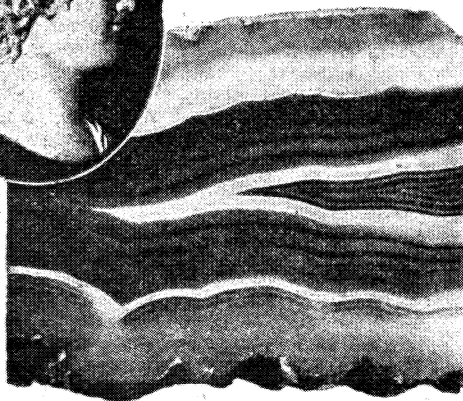

Очерк П. К.

КАМНИ В СВЕТЕ НАУКИ.—АГАТ.—ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ.—НАЗВАНИЯ ЦВЕТНЫХ КАМНЕЙ.—ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ.—КАМНИ С ЛАНДШАФТАМИ.—КАМЕННЫЕ ЛЕСА.—ЛЕГЕНДЫ И ПОВЕРИЯ О ПОЛУДРАГОЦЕННЫХ КАМНЯХ.—РОЛЬ КАМНЕЙ В ДРЕВНОСТИ.

У нас теперь широко распространены изделия и всевозможные украшения из уральских полудрагоценных камней. Изделия эти составляют целую отрасль государственной промышленности, но вряд ли многим известно чем в сущности являются все эти заманчивые и красивые вещи.

Прозаическая минералогия знает агат как г а л-

Изящные камни делаются из оникса, состоящего из белых и черных слоев.

д е д о н или как халцедоновый кремнезем — название, обнимающее не только сард, сардоникс, оникс, сердолик, красный железняк или кровавик, но и более полезные, хотя и менее привлекательные — кремль и яшму.

Со времен зари человеческой культуры минерал халцедон и играл большую роль в том или ином своем виде. Первым оружием и первыми орудиями человека были стрелы и наконечники копий из кремня, топоры, ножи и молотки. Позднее стали добывать огонь, ударя сталью о кремль. Кремль нужен был для очага, а впоследствии для разжигания пороха первобытного огнестрельного оружия. В мифологии, в древней истории и в Библии постоянно встречаются упоминания сарда, сердолика и оникса, считавшихся в глубокой древности одними из самых драгоценных камней.

Все эти камни отличаются друг от друга своим строением, цветом, блеском и степенью прозрачности, но в основе они все состоят из халцедона или кремнезема, у которого очень тонкое волокнистое строение, что видно под микроскопом. Состав их совершенно тождественный, за исключением легких затемненностей в них. Все они образованы из соединения кремня и кислорода.

Разновидностями агата, как сказано выше, являются халцедон, сардоникс, сард, оникс и сердолик. Из них халцедон — одна из са-

ных обыкновенных разновидностей. Он бесцветен, голубоватый или серый, часто разнообразится более плотными белыми полосами и это наиболее типичный агат. Другая разновидность — агат со мхом или с пейзажем. Это куски халцедона с нежными черными, коричневыми или желто-зелеными очертаниями, очень похожими на мхи или папоротники. В брошках и кольцах иногда можно видеть такие камни, и часто думают, что это заключенные и сохранившиеся в камне растения. На самом же деле это окислы железа или марганца, которые проникли в агат много тысячелетий назад, когда он был мягкий и студенистый. Ветвистые очертания образовались вследствие тенденции к кристаллическому разрастанию, а похожие на папоротники рисунки аналогичны узором зимой на оконном стекле.

Иной раз получается поразительно реальная картинка — целый пейзаж с горами, тучами, озерами и деревьями. Одни из лучших образцов подобного рода были найдены за последние годы в Монтоне.

Мутно-молочный зеленый хризопрас, из которого у нас делается теперь столько украшений, — зеленая разновидность халцедона, которая обязана своим цветом небольшому содержанию окиси никеля. Другие разновидности окрашены в зеленый цвет мелью. Халцедон порист и не так давно изобретены способы окрашивать его в различные яркие и прочные цвета — в черный цвет оникса, красный сердолика, желтый сарда и зеленый хризопраса. К тому же все эти разновидности халцедона состоят из слоев, отличающихся тем, что одни слои более пористы, чем другие, и их можно подчеркивать, усиливая различными красками. Так, скучный халцедон в серую и белую полоску может искусственно превращаться в красный с белым сердолик или в черный с белым оникс.

Интересен способ приготовления фальшивых ониксов. Полосатый халцедон опускают в разведенный медовый или сахарный сироп. Затем камень помещается в горячую, сконцентрированную серную окись, которая обжигает сахар в пористых полосках, оставляя белые полосы камня такими, какими они были от природы. Это окрашивание практикуется главным образом в Германии.

Сард и сердолик — чистые, просвечивающие желтовато-красные агаты, при чем сардом или сардониксом называют более желтые и коричневатые камни, а сердоликом более определенно выраженные красные оттенки. В древности эти камни очень высоко ценились, и много легенд сложилось о магических печатях, кольцах и жуках скарабеех, выделанных из этих камней.

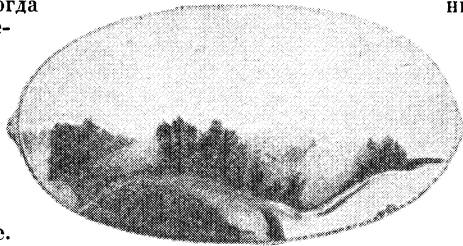
Типичного вида оникс состоит из параллельно расположенных черных и белых полос, вероятно окрашенных органическим веществом. Хороший оникс сравнительно редок, вот почему и придумали способ искусственного окрашивания его. Полосами в этом камне пользуются для выделывания камей. Выступающую камею обычно делают из белого слоя, оставляя фоном черной слой. В настоящее время в Европе очень в моде украшения из оникса, и на камень этот большой спрос.

Кремни — серого или коричневатого цвета, не чистые и совсем не прозрачные. Из них не делают украшений, но зато они служили всем первобытным народам для изготовления оружия и орудий. Качества кремня — его твердость, крепость и возможность заострять его.

Яшма — ярко окрашенный кремень. Ее обычно окрашивают в непрозрачный желтый или красный цвет окисью охристой железа или в зеленый цвет —

железная кремнекислая соль. Единственные дешевые разновидности яшмы — красный железняк или гелиотроп. Этот камень темно-зеленого цвета с темно-красными пятнами и точками.

Все разновидности агата были известны в древности почти под теми же названиями, которые знаем мы. Камни эти считались драгоценными, так как источники их добычи были ограничены. За последние же годы открыли столько местонахождений разновидностей прекрасного агата, что камни эти можно теперь приобрести за очень небольшую цену. Новыми, важными источниками добычи является наш Урал, Бразилия, Уругвай и западные Соединенные Штаты Америки.

Красота в камне. Брошь, сделанная из агата. Игра природы создала целый миниатюрный пейзаж.

Продукт лавы. Кремнезем, отложившийся во впадинах и образовавший со временем агат.

Лучшие агаты и камни этой группы обычно образуются в вулканических скалах и в лаве. Когда расплавленная лава изливается потоком, она часто содержит газы, в особенности пар, который, освобождаясь от давления, выходит в пузырьках. После затвердения это дает скалу, содержащую закругленные впадины. Подпочвенная или просачивающаяся вода понемногу размывает скалу и кремнезем, растворяясь просачивается с водой во впадины и откладывается на стенах в виде тонкого студенистого слоя. Этот процесс продолжается века, и последующие слои могут отличаться один от другого толщиной, окраской, пористостью и количеством и родом заключающегося окрашивающего вещества. Студенистый кремний в конце концов затвердевает и превращается в агат. Расположение слоев получается очень разнообразное. Иногда впадины плотно заполняются агатом, и все слои идут параллельно со стенами. В других случаях все, кроме самых наружных слоев, идет параллельно глубине впадины. Иногда центр впадины остается свободным или же кремний вдруг решает, по какой-то неизвестной причине, кристаллизоваться, как кварц или горный хрусталь, а не откладываться внутри впадины в виде студенистой массы. Часто кварц и халцедон отлагаются попеременно. Бывает, что впадины остаются совершенно пустыми, иногда в них только отлагается кора из кристаллов кварца.

Но раз они образовались, эти агатовые наросты в высшей степени тверды и прочны. Когда окружающая их скала размыта и рассеяна, они освобождаются и лежат на склонах или находят свой путь в русле рек, где превращаются в источенные водой гольши. Вот откуда агатовые гольши, которые так часто находят в реках, пересекающих обширные поля из лавы в западных Соединенных Штатах и на морском побережье Калифорнии и Орегона.

«Окаменелое дерево» большей частью бывает деревом, превращенным в агат, и потому является также разновидностью агата. Тысячелетия назад, огромные количества тонкой вулканической пыли падали, как снег, и хоронили под собой целые леса и упавшие деревья. Все это покрывалось плотной вулканической золой. Изолирован-

ный от воздуха лес гнил очень медленно. Просачившаяся вода, отягченная кремнеземом, извлеченным из окружающей золы, превратила каждую микроскопическую клеточку дерева в крошечную впадину со слоями агата. В результате — полнейшее сохранение строения дерева. С веками зола исчезает и оставляет местность усыпанной упавшими деревьями и стоящими прямо стволами великанов, превращенных в ярко окрашенный агат и яшму.

История этих камней тесно переплетается с любовью к украшениям и с суевериями первобытных народов.

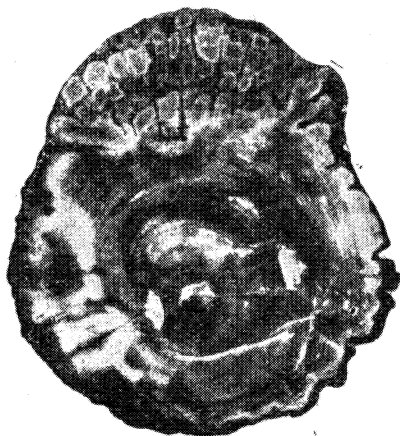
Сумерийцы, первые обитатели Месопотамии, начали употреблять эти камни для цилиндрических печатей, для колец с печатями и для ожерелий. В Сицилии и в Египте в древние времена считали, что камни эти исцеляют раны, причиненные пауками и скорпионами. Это рассказывает в своей «Естественной Истории» Плиний Старший. Персидские маги будто бы пользовались агатами для прекращения бури и урагана и для изменения течения рек. Одна разновидность агата делала атлетов непобедимыми; другая — помогла лодкам жемчуга. Плиний упоминает про великолепный камень, принадлежавший царю Пирру, камень, на котором будто бы сама природа изобразила девять муз и Аполлона с лирой.

Магометане считали эти камни чудесными. Они, будто бы, останавливали кровь, увеличивали количество молока у кормящей грудью. В Китае в древности агат ценился наравне с нефритом и думали, что эти камни — кровь улетевших душ. В древних могилах находили агатовые сосуды для вина, и упоминается, что в 662 году до нашей эры агатовое дерево в три фута в высоту было послано провинцией Токхарой в качестве подарка императору.

В СССР во многих дворцах есть целые комнаты из агата и яшмы.

Из этого минерала с давних времен делались шпильки для волос, крючки для рыбы и шахматные фигуры.

Таково прошлое полудрагоценных камней, красота которых в известной степени померкла теперь от изобилия их, а сказка о магической силе развеяна современным разумом.

Дерево, превращенное в изумительно красивый и одноцветный агат. Строение дерева, много тысячелетий назад похороненного под лавой, великолепно сохранилось.

Рассказ СЕРГЕЯ МАРКОВА

Иллюстрации А. МЕДЫЛЬСКОГО.

ЧЕРНЫЙ КАЛМЫК.

По столу кто-то разлил кумыс. Он растекался двумя мутно-белыми ручьями, обогнув черный сучек доски. Этот сучек кажется маленьким островком, блестящим от впитанного сала. Вспомнилось: — недалеко, в горах Кокче-Тау, — ручей. Струя его, сначала беспокойная, бросает пену на жернов камня, раскаленного добела. На камни слетаются дикие голуби, мнут о гранит лиловые грудки и вода уносит радужный пух...

Ночь замерзла, оледенела, и луна скатилась вниз по этому мутному льду застывших горизонтов. Роса нагнула травы; заденешь ногой и тяжелая капля упадет на упругую кожу сапога — стоит только выйти за порог юрты. Но я лениво лежу у стола и прохлада утренней земли слышна через кошму. Кумыс уже перегнулся через край стола густой белой жилой. Я, смеясь, провожу пальцем по краю и на столе уже нет белой подковы.

Кокташ сердится: грех разливать кумыс! Лицо Кокташа серьезно, а руки пахнут конским потом. От пота на чугунных ладонях моего хозяина и проводника — тоснящиеся круги.

— Ну, пора! Ехать надо, — кричит он, притворяясь сердитым.

Пояс на Кокташе блестит новым тусклым набором. Над украшением этим Кокташ долго трудился, вырезая из моей консервной банки затейливый выпуклый орнамент и изображения медалей, полученных на какой-то выставке заводом «Океан». Я встаю. Кокташ, щелкая языком, сует мне в руки вагайку и тянет за рукав к порогу. Лошади ждут нас.

Седло чуть-чуть съезжает, подпруги щекочут вздрагивающие конские бока, и стремя, пружина, подымает мое тело вверх. Мы едем молча. И вот уже на нас надвигаются отвесы фиолетовых гор. Лошади слегка шарахаются. При дороге у озера — вросший в высокую землю могилы длинный, кривой, похожий на свешенного великана-наездника, розовый сейчас — камень.

Он обращен обтесанной своей стороной к свежему полотну, покрытому ртутной линией рельс.

Под ним лежит Черный Калмык — пришелец из дальних стран, богатырь и волшебник. Его — знаю я — убили царевич Сабалак стрелой с перьями лебеда и совы. Об этом у меня все записано в книжке, которую Кокташ возит у себя за пазухой. Лиловые слова записи оплывают, потому что на груди Кокташа всегда блестит тусклой кольчугой пот. Но лишить Кокташа удовольствия хранить такую занимательную для него вещь я не могу. Я, ведь, все равно не забуду слов старой легенды, я помню их так, что ночью, когда на глазах моих звезды (засыпая, я смотрю на них) перекальваются золотым горохом, мне чудятся топот коней и боевой звон, а во сне я вижу Черного Калмыка — человека с темным лицом. Он вытаскивает из-под седла ломоть мяса и, отделяя кровавые волокна, ест его, — теплое, клубящееся терпким, соленным паром. Таким я видел Черного Калмыка два раза...

— Видишь?

Кокташ указывает подбородком на камень и, толкаясь стремями, нагибается ко мне. Я вижу его лицо с расширенными глазами. Кокташ показывает на куски, выбитые от камня.

— Знаешь Чал-Оспана? Это он делает. Режет черного барана, кусок от камня берет. Тогда камень помогает. Плохой глаз у кого, что ли... Э, Чал-Оспан все знает. Только кровь надо.

Кокташ испытующе косит на меня урючные косточки глаз и заканчивает почти умоляюще:

— Запиши... Хорошо, а?

Как ему нравится таинственный процесс записывания легенд! Из теплых недр его ватного халата книжка переходит ко мне.

ЛЕГЕНДА.

Попросив Кокташа показать мне Чал-Оспана, я угадывал, что увижу в серой юрте аула Байман, наполненной запахами кумыса, потных седел и клокочущего в казане сала. Казан, сжатый багровыми пальцами огня, — прозрачно розов. Такой же розовый отсвет дрожит на наших лицах...

Чал-Оспан сидит напротив меня. Он стар и худ. Трепещущие и наверное холодные веки похожи на перепонку утиных лапок. Глаза мутны и в них, как в степных озерах, застывшая соль — соль слез старости. Коричневые щеки дряблы и бескровны, отвисшая нижняя губа дрожит, хлюпая мутной, вязкой слюной. Что-то серое сзади старика, сначала невидимое мне, зашевелилось и кинуло тень на стену. Кокташ толкнул меня: — Беркут! — Серая птица тряхнула перьями, закатила глаза и в зеркалах зрачков мелькнула белая борода старика. У орла, так же, как у старика, вздрагивают веки, только они отливают золотом и зарей горячей крови.

— Что нужно русскому? — глухо спросил старик, с усилием поднимая руку.

Я шепнул Кокташу губами: — про Черного Калмыка.

Оспан тихо и долго говорит старику. Чал-Оспан колышет бородач, пачкая ее бурными звездами жевательного табака, перебирает узловатыми пальцами. Кокташ тянет меня за рукав:

— Слушай!

Старик запел, хрипло и дико:

Время шагает тяжело, как верблюд,
Где сейчас кости Аблай-Хана — не знать нам.
Но путник у Сары-Куля видит камень,
Утром и вечером красный от зари.

Не тронь могилы Черного Калмыка,
Пеший, конный и пасуций стада!
Я стар и знаю то, чему учил мой дед Девлет.
Черный Калмык поймал рукой стрелу деда.

И только стрела Сабалака прошла в его грудь.
Камень зол, как верблюд весной.
Он прогвал Калдынган Батыра.
Я кинул в батыра куском камня.

И он упал, и глаза Калдынгана
Вылезли из под чугунного шлема.
Я владею камнем и никто
Больше не пройдет мимо камня!

Старик кончил, выдохнув из впалой груди последнее слово. Беркут уронил вниз с насеста тяжелый помет, похожий на капли свища. Кокташ заглянул в сморщенное, как кожа старого седла, лицо.

— Спит... Заснул Чал-Оспан... Пойдем.

Из юрты я вышел тихо, так что слышал позади жужжанье мухи. Она, наверное, кружится около старика, садится на холодные щеки.

Мимо развалин великих городов в пустыне едут молча, шагом.

Скоро в этих стенах загрохочет чугун. Вчера я был у инженера Чиркова. Он сказал мне, что на днях на Актуз пойдет первый поезд и я одним из первых поеду на нем через эту степь, ковыли и новые мосты, перекинутые через седые реки, воспетые в древних сказаниях. Наверное я и Чирков будем стоять у перил паровоза, слушать его вулканное дыхание и смотреть, как первые лопаты угля будут падать в дышащие угаром топки.

Чирков часто притворно ругает меня «романтиком», может быть, за то, что я люблю степные легенды. Но я думаю, что он сам такой же романтик, как и я, иначе он не мог бы с таким волнением говорить о своей дороге...

Мы пронесемся мимо камня Черного Калмыка... Но что же будет с Чал-Оспаном? Старый колдун хочет во что бы то ни стало сохранить старую легенду. Он не хочет, чтобы чужой, железный зверь отнял у него все. Легенда для Чал-Оспана — все, как все для Чиркова — дорога. Когда сталкиваются две силы, — одна из них побеждает. Победят, конечно, Чирков.

Но что задумал старый колдун? Он не хочет славиться, он цепляется остатками желтых клыков за все, за что, по его мнению, можно еще уцепиться. Он напоминает старого, ослепшего волка. Вчера Кокташ сказал мне, что Чал-Оспан уговаривал аул уходить дальше от дороги в горы; он говорил, что не пустит паровоз к Черному Камню. Я все время думал над этим, и рассказы Кокташа о странном колдовстве как-то странно начинали волновать меня. Но что делает колдун одной кровью черного барана?

КОЛ В МОГИЛУ.

Три дня я жил воспоминаниями о визите к Чал-Оспану и валялся на кошке. Сегодня я вынул тетрадь и решил все записать, но Кокташ крикнул мне в юрту, что меня зовет приезжий человек. Незнакомый русский всадник сунул мне в руку письмо:

— От инженера... Сухмень на степе. Где бы попить?

Кокташ ведет гостя в юрту, а я, присев на брошенное у порога седло, читаю:

— Ну, как ваш старец живет? Ездил я в город, разрешили завтра пустить первый поезд до Актуза. Дуйте сейчас ко мне. Или нет, успеете завтра, а то мне некогда будет со сборами, а вы будете у меня скучать целый день один. Лучше — завтра. Приезжайте на Сыыр, — оттуда прокатитесь до Актуза — 25 верст паровозом. Первым, не забудьте! Исторический момент!

— Сейчас отвечу, — обродованно кричу я приезжему.

А в юрте уже ссора.

— Что там такое?

— Я ему кумыс давал. Он брал, пил, потом на пол лил!

— Ах ты, язви ты, орда! А ты в ем мух не разводи. Чибин джарамайде, мух не надо. Отвязни! А то, смотри, синий, как сартовский пуц, станешь, — раз дам и хватит!

Оба выходят из юрты и по волчьим скалят зубы. Я разнимаю спорящихся.

— Перестань, Кокташ!

Кокташ недовольно ворчит.

Приезжий закидывает ногу на седло и тоже ворчит:

— Он думает, что я ни мур-мур в этом деле. Как вы это, гражданин, в экой Азии жить можете?! Басурман-басурманом хозяин ваш, конокрадская личность у него... Азия, одно!

— Так вы куда? — спрашиваю я гостя, пропуская мимо ушей его слова.

— Дальше поеду на Бальковку, там дело есть. По пути вам письмо завез, зря бы не стал в такую даль переть.

Приезжий язвительно смотрит на Кокташа и заканчивает:

— Совсем каргызинки побесились... Сейчас Байманкин аул снялся ни с того ни с сего с места, и травы как будто вдоволь было. Может лошадей где угнали — уходят. Сейчас меня встретили. Ну, кошайте!
— И так... аул Баймана ушел, подумал я, смотря вслед всаднику.

...Ночь была густой. Где-то гудели табуны. Угли костра обростали серым пеплом, а звезды — такими же как пепел облаками. В юрте все уже спали, маленький Наурузбай всхлипывал во сне, и жена Кокташа, Асыл, качала младенца. И в этой ночи, гуденьи табунов, криках пастухов и обрывках древней колыбельной песни я слышу медленное дыхание всков. Века дышат теплым молоком кобылиц, полынью, дымом кизячных костров.

Но недалеко, там, где линия рельс оборвалась у моста, другие люди врыли столб с надписью:

Ст. АКТУЗ. 350

Когда врывали столб, Чирков шутит:
— Это кол в могилу вашего калмыка...

СТАЛЬНОЕ РУСЛО.

Гнедой почему-то захромал. Сначала я думал, что он просто ленится, понукал его, колотил, взывая каблуками пену боков, но ноги лошади, особенно правая задняя, деревянные и еле шли. Я слез, чтобы увидеть разбухшие ручки натруженных жил ниже доснящегося бедра.

— Идиот, — выругал я Кокташа, — нечего сказать, подкова!.. Придется ехать шагом.

Актуз уже дымит позади вечерними огнями. Скоро и Сары-Куль с черной могилой. В тот раз мы ехали с Кокташем другим путем и эта дорога мало знакома мне.

Черная короткая стрелка часов уперлась в восьмерку. Я опоздал на паровоз! Конечно, теперь не добраться засветло до Сыыра, но ехать надо. Я закуриваю и, морщась от дыма, вспоминаю, как я приехал сюда полгода тому назад. Кокташ встретил меня на пороге своей юрты, и я стал ее обитателем. Чирков... Я встретил его, случайно приехав на Актуз. Инженер поднялся от костра и заговорил первым, поглаживая голубой шрам над бровью. Чирков говорил о своей дороге, о том, сколько степного хлеба даст она стране. Он загibal прокуренные пальцы, сыпал цифрами. И мне сразу же стало ясно — легенда о Черном Калмыке погибнет, погиб-

Чал-Оспан
запел...

Мне показалось, что я это вижу. Нет, сейчас не увидишь ничего. Ночь накладывает черные мазки на небо, а луна, сжатая тучами, старается выскочить из них вверх. Рельсы вдруг зазвенели и быстрый звук покотился по их поверхности. Это упал камешек из под копыта моего Гнедого. Кокташ уехал вперед меня на Сыыр, чтобы посмотреть своими глазами на «чудо» Чиркова.

ТАК ГИБНУТ ЛЕГЕНДЫ.

Но вот и Сары-Куль. Он сейчас недвижим, и по его поверхности, судорогой по телу гигантской рыбы, бежит черная рябь, разогнавшая жидкий мед луны. Еще немного — и Камень Черного Калмыка... Да, я его вижу... Вон он. Но почему камень сейчас кажется вдвое больше, чем он есть?

Вдруг Гнедой, задрожав, бросился в сторону. Он хрипит и дыбится. Чумбур выскальзывает из рук, падает вниз по скользкой гриве. Осадить лошадь теперь нелегко? Я наклоняюсь поднять повод, пальцы ловят высокую пахучую полынь, стыннут в ледяной росе.

— Что это? — подняв повод, испуганно кричу я.

Камень разделился на двое. То, что отделилось от него, шарахнулось в сторону, черная тень свалилась на дорогу. Старик! Выбившаяся из туч луна осветила степь. Да, это был Чал-Оспан. Он сидел на короточках около камня, оскалив зубы, подняв вверх хулые руки, покрытые чем-то темным, скатывающимся вниз, окутывающим сетью черных вен высохшие мешки мускулов, заливающим отстрелья засученных рукавов. Тут же валялся баран.

Старик не замечал меня. Он что-то кричал, падая на землю. Лицо его, покрытое

страшным гримом крови, было искажено. Оспан поднимал кверху куски камня и с этих кусков тоже тяжело капала кровь...

У копыт Гнедого упало два камня. Они дымилась при лунном свете и, катясь по дороге, кутались в серый пух пыли.

Испуганный конь опять вздыбился...

Старик пополз на четвереньках к рельсам, борода колдуна волочилась по земле, руки обростали грязно кровавым налетом. Чал-Оспан громко кричал дикие заклинания, хватался за бороду, пятная ее жертвенной кровью.

Я ударил выкатившую бешеный глаз лошадь и пригнулся к луке.

Рельсы вдруг загудели под ударами невидимого молота, два белых пожара охватили траву, и из-за поворота выкатился чугунный гром. Он рос и ширялся. Широкие лучи паровозных фонарей охватывали дорогу.

Я теперь хорошо видел старика... Он подполз к самым рельсам, рвал на себе халат и бросал навстречу огням куски камня:

Я владею камнем и никто
Больше не пройдет мимо камня! —

Выл колдун.

Вдруг в уши мои ударил звук тяжелых колоколов, горячий вихрь закрутил меня, я бросил поводья, и обезумевший Гнедой понесся по чащам бурьяна. Паровоз летел на всех парах, пробивая воздух могучими

гудками. Я слышал грохот, звон и чугунный рев. Железный ветер налетел и обжог мне лицо. Я увидел пылающую мятежь, черный дым и облака белого пара, закрывшего мне глаза... Поезд пронесся, но рельсы долго еще звенели, звенело и гудело в ушах. Я спрыгнул с лошади и побежал

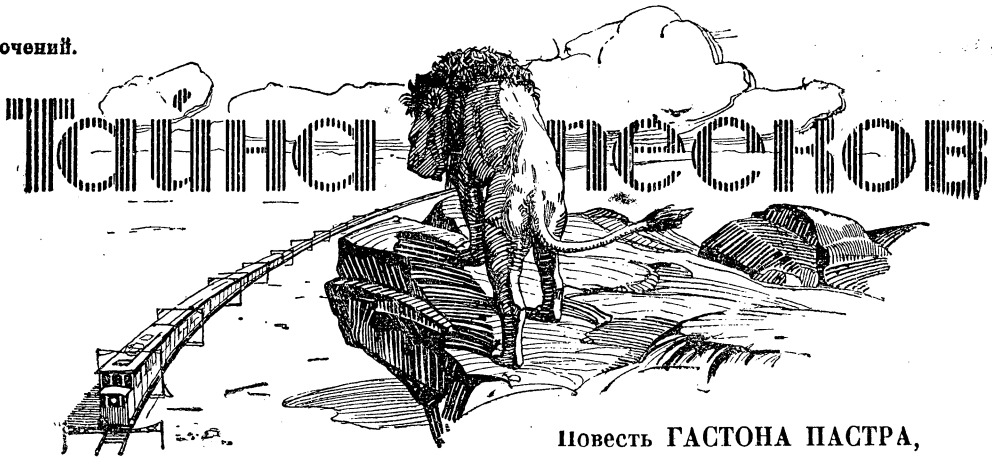
к старику. Травы стегали голенища, я с трудом выдергивал ноги из густых сплетений. Луна упала в облачный провал — стало темно. Я зажег спичку. Спички тухли, полуобгорая, падали на землю, корчась оранжевыми червями.

Колдун лежал на спине. Скрюченные, засохшие в крови руки разбросались на измятой траве. Лицо Чал-Оспана было стянуто судорогой, но

фиолетовые веки уже не вздрагивали.

Вдруг высоко поднятая грудь старика бурно зашевелилась. Я отскочил в сторону. Сначала в диком клетоте и вихре крыльев нельзя было ничего разобрать. Над скорчившимся трупом колдуна рвался вверх и снова падал, стараясь вырваться из власти кожаного шнура, беркут старого Чал-Оспана. Колдун не расстался с ним... Глаза беркута блестя дымным огнем, вокруг тела копошился рой огненных червей. Ветер раздувал тонкие угли брошенных спичек.

Повесть ГАСТОНА ПАСТРА,

УДОСТОЕННАЯ В 1928 г. ПРЕМИИ ЖЮЛЬ ВЕРНА.

ОТ РЕДАКЦИИ. С целью возродить роман приключений на научной основе, во Франции ежегодно устраивается большой конкурс с премией имени Жюль Верна.

В нынешнем году, когда литература всего мира празднует юбилей Жюль Верна, премия его имени присуждена Гастону Пастру за произведение „Le secret des sables“. Повесть эта только что закончилась печатанием в Париже, и в несколько сокращенном, естественно без ущерба для хода повествования, виде мы знакомим теперь с нею русского читателя.

Повесть эта, не плохая сама по себе, конечно, должна была вызвать особенные симпатии и интерес во Франции, где Транс-Сахарская дорога, — сооружение колоссального значения и технического, и промышленного, и политического, — становится вопросом ближайшего будущего и представляется высокопатриотическим делом. Особая комиссия Палаты Депутатов рассматривает теперь проект этой дороги, которая должна потребовать 3 000 рабочих, будет строиться 8 лет и обойдется в 2 миллиарда.

Рожэ Валентэн проснулся в отличном настроении духа... Продолжая свой туалет, он остановился перед большим окном. Море сверкало, яркое солнце играло на легких волнах, стаи белых облаков тянулись в голубом небе.

Рожэ уже четыре дня, как покинул Париж, Париж хмурый, дождливый, туманный, серый, сочившийся грязью в эти последние апрельские дни. На коже своей Рожэ еще ощущал капли ледяного дождя. Тут, в Оране, он нашел уже лето, и какое лето! Все очарование северной Африки! Он приехал два дня назад спокойным морем. Очаровательное путешествие. Выйдя из Порта-Вендр в четыре часа дня, он увидел еще до наступления ночи берега Испании, неровные и взломанные, мыс Кре, окруженный вечным бурюном. Спокойная ночь в удобной каюте; на следующий день, в двенадцать часов дня, — Балеарские острова, залитые солнцем; целый мир исторических воспоминаний охватил Рожэ. Наконец, в полночь, — Оран. Весь следующий день он ходил по городу, террасами спускавшемуся к морю. Ничего алжирского, напряженная коммерческая жизнь, африканский

Марсель. Был ли это легендарный Оран, маленький укрепленный городок, когда-то, во времена славы полуострова, занятый испанскими войсками, вооруженными пищалями?

В некоторых уголках Орана, на вершине горы Санта-Круз и в заливе Мерс-эль-Кебира, существуют еще остатки испанских укреплений. От этих замшелых камней точно веет иссушающей лихорадкой.

Рожэ Валентэн ничего этого не видел. Он любовался великолепной гаванью, большим городом, живущим лихорадочной жизнью, городом, где француз бок о бок с испанцем.

Рожэ Валентэну было тридцать лет. Молодой красивый человек, довольно высокого роста, хорошо сложенный, белокурый, с карими глазами, он происходил из семьи эльбефских Валентэнов, богатых прядильных фабрикантов.

Но Рожэ не держался того мнения, что богатство должно родить праздность. Он прошел солидный курс наук, блестяще окончил юридический факультет. Его путешествие в Африку имело практическую цель. Эльбефские фабрики получали хлопок

главным образом из Соединенных Штатов. Но уже в течение нескольких лет Франция пыталась производить драгоценное волокно в своих колониях. В настоящее время для этого приспособлялись долина Нигера и территория Высокой Вольты.

Наконец, после долгого напряжения и тяжелых работ, Транссахарская железная дорога стала уже совершившимся фактом.

Знаменитая линия начиналась в Оране, пересекала Сахару, подходила в Тимбукту к Нигеру, заворачивала на запад, доходила до озера Чад, поднималась по Шарри, достигала Убанги и по правому берегу Конго спускалась к Атлантическому океану. Это был путь приблизительно в семь тысяч километров, один из самых длинных железнодорожных путей в мире. Официальное открытие произошло несколько дней назад, и Валентэн думал о том, что завтра первый поезд с путешественниками покинет Оран, направляясь к устью Конго. Считая остановку, это путешествие будет совершено в неделю. Отец Валентэна, «старый Эжен», как говорили в Эльбефе, был слишком практичный человек, чтобы сын его мог только наслаждаться развлечениями путешествия. Рожэ покинул отцовские фабрики с точными предписаниями.. Каковы могли быть преимущества Транссахарской дороги? Стратегически тут не могло быть споров, но у «старого Эжена» были свои личные интересы. Его сын увидит, пощипет на месте... Много пустых пространств было на Нигере, на Высокой Вольте и между Чадом и Убанги. Уже давно Эжен Валентэн делал мечту иметь свои собственные поля хлопка, не быть ничьим данником. За хлопок нужно было платить фунтами и долларами и на этом частенько приходилось обжигать пальцы. Он помнил падение франка... Если бы у него тогда были собственные поля хлопка! Шесть месяцев назад старик послал своего сына пройти курс в колониальном институте, и Рожэ отправлялся теперь в путь, снабженный солидными теоретическими знаниями.

Рожэ Валентэн прохаживался медленным шагом по бульвару Сеген, останавливался у витрин, оглаживал прохожих, радостно ощущая жизнь. Вдруг взгляд его стал пристальным. Ему навстречу шел артиллерийский полковник. Это был человек лет пятидесяти трех, довольно полный, с маленькими седеющими усиками на смеющемся лице с блестящими глазами.

Рожэ прервал ему дорогу, держа шляпу в руке:

— Вы не узнаете меня, полковник?

— Валентэн! Вот неожиданность! Мы не виделись целую вечность!

— Да, полковник. А вы работали на Транссахарской дороге?

— Работал! И как работал! Я провел ее всю, от Орана до устья Конго. Могу сказать, что на протяжении семи тысяч километров нет ни одной рельсы, которая бы скреплялась не на моих глазах.

Полковник Дюкро был человек подвижного, кипучего, стремительного нрава, немножко бахвал, как того требовало его бордосское происхождение. Когда французское правительство решило постройку Транссахарской дороги, оно поставило, наравне с инженером Фернаном, директором сооружения полковника Дюкро. Во Франции Дюкро был отчасти тем же, что в Америке полковник Готалс, знаменитый строитель Панамского канала.

Рожэ Валентэн поделился с полковником своими планами, которые тот очень одобрил.

— Вы едете завтра? спросил полковник.

— Да, с первым пассажирским поездом. — Это поезд-люкс, — заметил Дюкро, — вы увидите вагоны созданного мною типа. Ну, так вы будете моим спутником.

— Как, вы тоже, полковник? Вы недостаточно еще знакомы с вашей Сахарой?

— Я годы проезжал по этому пути в балластных поездах, потом официальное открытие, банкеты, речи... Теперь я хочу насладиться своим творением в качестве мирного туриста. И завтра я залезаю в самый комфортабельный из маленьких дворцов на колесах и проезжаю по линии до конца.

На следующий день, после полудня, Рожэ отправился на вокзал Транссахарской железной дороги. Это был огромный прямоугольник с белыми стенами и стеклянным куполом. Рожэ прошел на платформу. Поезд состоял из больших, удобных вагонов, выкрашенных в светло-желтый цвет. Все металлические части горели на солнце. Платформа была на высоте входа в вагоны, не нужно было подниматься ни по каким ступеням. Вагоны соединялись между собой площадками. Весь поезд казался как бы бесконечно длинной террасой с легкими навесами.

Рожэ встретил на платформе полковника Дюкро.

— Валентэн, — сказал тот, — я оставил вам место рядом с моим. Вы увидите, как все удобно устроено.

Потом полковник отступил в сторону, и Рожэ увидел молодую девушку, тоненькую и гибкую, как длинный стебель.

— Ты не помнишь мосье Рожэ Валентэна, Алина? — сказал Дюкро. — Он играл иногда у нас в Марракеше в теннис.

Рожэ поклонился девушке.

— Я не узнал бы вас, мадемуазель.

Рожэ смутно помнил девочку лет четырнадцати, которую встречал когда-то в доме полковника Дюкро. Теперь перед ним была девушка лет двадцати двух, белокурая, с живыми глазами.

— Вы сопровождаете нашего отца, мадемуазель? — спросил Рожэ.

— Да, мосье, до нижнего Конго. Он не хотел меня брать, но когда настаиваешь, всегда выигрываешь.

Публика на платформе расступалась. Валентэн слышал шопот любопытства. Дюкро был уже знаменитым человеком, а Оран страстно интересовался постройкой Транссахарской дороги. Ведь гавань его так выигрывала от этого. Продукты Судана, привезенные из центра Африки в самое сердце Средиземного моря, в тридцати часах от Барселоны, Марселя, Генуи! Транссахарская дорога была в некотором роде победой оранцев, боровшихся именно за это направление ее.

Путешественники вошли в вагон. Это были очень длинные и широкие вагоны, с большими креслами по обе стороны центрального прохода, с удобными сетками для багажа, с высокими окнами в рамках лимонного дерева. Ноги путешественников утопали в толстом ковре.

Дюкро остановился и почтительно пожал руку маленькому человеку, старику, с острой белой бородкой и длинными кудрявыми седыми волосами, обрамлявшими тонкое лицо.

— Вы тут? Ах, я и не смел надеяться, — говорил полковник. — Вы знакомы с моей дочерью Алиной. А это мосье Рожэ Валентэн.

Потом он назвал старика:

— Маркиз де-Марсан, академик, президент Академии надписей.

Валентэн был поражен. Леон де-Марсан, популярный знаток римской истории! Знаменитый историк! Сколько раз слышал он, как его цитировали.

— Для меня большая честь, — Рожэ наклонил голову, — я часто и много слышал о вас и о ваших ученых трудах.

Мосье де Марсан не слушал его.

— Мой чемодан, — сказал он, — они забыли мой чемодан.

Подождал проводник.

— Мосье, весь ваш багаж на месте.

— Вы мне покажите, — все еще взволнованно произнес ученый.

Дюкро обратился к Рожэ:

— В нашем поезде будет знаменитый гость. Я несколько дней назад встретил Марсана в Алжире. Он зимой заведывал раскопками в Тимгаде. Он весь живет в Римской Империи. Говорит про римских императоров, точно принят за их стол; так же просто говорит и про писателей той эпохи. И при всем том очаровательнейший человек, но феноменально рассеянный. Большой ребенок. Садитесь, — указал он дочери и Рожэ два кресла. — Я устрою Марсана рядом с нами. Это будет неоценимый спутник.

Молодые люди уселись и через окно наблюдали пассажиров. Поезд был полон.

У него была особая физиономия, какой отличаются поезда, идущие под тропиками. Тут и там мелькали совсем экзотические фигуры.

Молодым людям пришлось в голову пробраться по всем вагонам. С двух концов в каждом вагоне помещались великолепные уборные, где можно было брать душ.

В заднем вагоне находился бар. Оттуда прекрасно можно было наблюдать убегающий пейзаж. Ночью все стекла бара будут сверкать во мраке, электричество зашьет зеленый ковер, лакированные столики и большие глубокие кресла.

Рядом с баром — салон для дам. Диваны покрыты драгоценными шелками и арабскими вышивками. В вазах темного металла благоухают цветы. На большом рояле — Вагнер, Бетховен и Моцарт ждут руки, которая будет их перелистывать.

Молодые люди вернулись на свои места.

На платформе появился араб, задранированный в широкий бурнус из тонкой шерсти. Это был высокий мужчина с великолепной черной бородой. Следом за арабом шел худощавый европеец, человек лет пятидесяти. Араб и его спутник вошли в вагон и уселись недалеко от молодых людей.

— У нас будет разноеобразие во время путешествия, — сказал Рожэ.

Вернулся полковник Дюкро.

— Ну вот, — весело сказал он, — вы видите, как нам здесь будет просторно. Эти кресла двигаются на винте, и вы можете повернуть их в любую сторону. Низ кресла поднимается, и по желанию у вас то кресло, то кушетка. Ночью принесут матрасы, простыни, одеяла. С потолка спускаются холщевые перегородки, которые герметически закрываются. Они обрамляют постель и вы очутитесь в самом удобном купе.

— Это пудмановский вагон? — спросил Валентэн.

— Никогда в жизни, — горячо запротестовал Дюкро. — Это гораздо лучше всего, что делалось в Америке.

В эту минуту вошел мосье де Марсан.

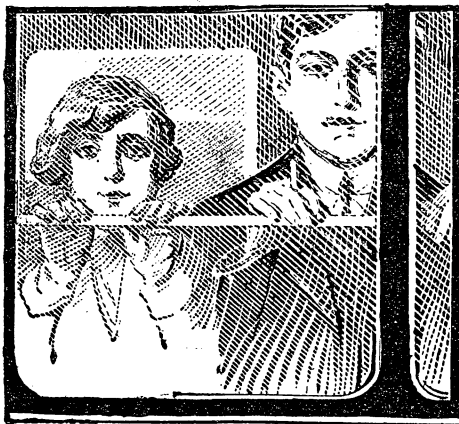
— Вы убедились, что ваш багаж в порядке? — обратился к нему Рожэ.

— Да, — ответил ученый. — А вы не видели мосье Тиксадора?

— Мосье Тиксадора? — переспросил Роже.

Но ученый уже его не слушал. Он побежал по всему поезду в поисках Тиксадора и, наконец, обратился к начальнику поезда.

— Да, мосье — ответил тот, почтительно снимая перед ученым фуражку, — мосье

Молодые люди через окно наблюдали пассажиров.

Олив Тиксадор оставил за собой место в третьем вагоне. Я в отчаянии. Мосье, но мы принуждены двинуться. Если его не будет во время, я ничего не могу поделать. Через четыре минуты я должен дать свисток.

Ученый ушел, вздевая руки к небу.

Поезд двинулся и точно поплыл по воде, так была ослаблена тряска. Ехали уже не сколько секунд, когда на платформе раздались крики:

— Остановите! — кричал резкий голос.

Мосье де Марсан высунулся в широкую дверь и тоже крикнул:

— Остановитесь! Это мосье Тиксадор.

Но поезд уже мчался полным ходом.

Мосье де Марсан удрученно сел. Потом вынул из кармана рукопись и углубился в свои заметки.

Дюкро обратился к Рожэ:

— Дорогой мой, — сказал он. — Человек, ведший это дело, инженер Фернан, — ум первой величины. Фернан не оковал ни одного из высших учебных заведений. Это бывший рабочий-электрик. Он посещал вечерние курсы и сам себя образовал. Понемногу он прошел все ступени: был кондуктором, потом техником тяги в Южной Компании. Это было в тот момент, когда электрифицировали сеть Пиренеев. И вот теперь — он главный инженер Транссахарской дороги.

— А этот араб? — сказал Рожэ.

— Это — амир Эль-Абиода.

— А человек, который его сопровождает?

— Я забыл его имя. Мне говорили, что это отъявленный мошенник. Да и похоже на то.

Полковник повернулся к ученому. Тот горестно бормотал:

Этот Тиксадор мне необходим.

И чтобы объяснить полковнику:

— Это богатый винодел из Люнеля. Я долго жил у него, когда мы производили раскопки между Люнелем и Монпелье.

Поезд остановился на станции Глета. В окна вагонов высунулись головы. Путешественников ожидал сюрприз. Перед вокзалом остановился беговой автомобиль, весь покрытый пылью. Из него вышли двое мужчин. Марсан закричал:

— Тиксадор!

Это действительно был мосье Тиксадор. Несколько секунд спустя, Тиксадор усаживался на свое место, позади кресла Марсана.

Это был крепко сколоченный человек лет пятидесяти. Густые, очень черные волосы, черная борода веером, быстрый взгляд, великодушные зубы.

— Вот и я, старина, — крикнул он Марсану.

— Семфориев, — повернулся он к следовавшему за ним слуге, — займись багажом.

Семфориев, спокойный и важный, повидавшему, был смущен развязностью своего хозяина.

Быть может, Олив Тиксадор и не отличался утонченными манерами, но за то это был человек, сделавший себя сам и не скрывающий этого. Все свои деньги он заработал собственным трудом, начав с того, что катал бочки под навесами Люнеля.

А поезд продолжал свой путь. Реже стали роскошные виноградники, давали себя чувствовать первые отроги Атласа.

Мимо полковника прошел высокий, худой человек с седой бородой и в очках. Дюкро протянул ему руку:

— Здравствуйте, дорогой профессор. — и представил своей дочери профессора Мартра, алжирского медицинского факультета.

Профессор объяснил свое присутствие; вот три года, как он не был в отпуску. Все его время поглощали его курсы, клиника, консультации.

Обед подали на маленьких подвижных столиках. Меню было прекрасное и все было отлично сервировано. После обеда Анна погрузилась в чтение, а мужчины ушли курить в вагон-бар. Поезд поднялся все ближе к высотам плато. Начались приготовления к ночи. Опускались подвижные занавеси с алюминиевыми ребрами, раскидывались кресла. Каждый из путешественников очутился в уютном купе, правда тесном, но таком удобном.

Рожэ спал великолепно. Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко. Песчаная равнина, прерываемая кое-где кустарником, тянулась до восточного горизонта. На станциях — арабы в серых бурнусах, а дальше видны были их стада овец, оцепывающие жесткие кустарники.

Остановки поезда были довольно продолжительны. Начиная с первых оазисов на южном склоне Атласа, путешественники могли наблюдать, что здесь совершенно не изменилась бывшая земледельческая жизнь. Повсюду стены из высохшей грязи разграничивают сады. Природа просыпалась, на виноградниках уже заметно было цветение. За плодовыми садами стройные финиковые пальмы пышно распускали букеты своих верхушек. На земле пятна света прорезали тень.

Поезд бежит, и теперь Атлас, оставшийся позади, как волна, накатился на пустыню. Это длинная, гористая волна, могучая и дикая, разбивающаяся и снова без конца поднимающаяся. Последние уступы Атласа, пустынная часть Алжира — это край европейского мира, опускающийся постепенно, чтобы оборваться в мертвеном пространстве Сахары.

В оазисах житель Сахары черпает воду на глубине шестидесяти-восемидесяти метров под землей.

Сахара! Как много говорят эти три слова. У порога Сахары остановилось победное шествие римлян. Позднее арабы тоже мало проникали вглубь ее. Сколько тайн и сколько легенд! Страна без воды, без деревьев, страна жажды, страданий и смерти. Воображение рисовало караваны, отправляющиеся в Судан; размерен шаг верблюдов и все этапы одинаковы под огненным небом.

Солнце заходит и наступает ледяная ночь под усыпанным звездами небом. Ни дождя, ни источников; дни сменяются, похожие один на другой, ветер обжигает горло. Верблюды падают. Изредка попадаются побелевшие скелеты, точно железные столбы, расставленные на дороге от Атласа к Нигеру.

А теперь, — по двум стальным лентам, великолепные вагоны, маленькие катящиеся дворцы, движимые электричеством, мчатся почти без всякой тряски, бросая вызов тайнам пустыни!

Порой на вершине обожженной солнцем скалы, на фоне неумолимой лазури неба, показывается большой лев. Величественный хищник подстерегает транссахарскую железную дорогу, проходящую внизу, в песчаной равнине.

Этот лев — как бы символ огромной и таинственной Африки, Afrika portentosa древних.

Рожа Валентян пришла мысль пройтись по всему поезду. В четвертом вагоне он удивленно остановился. В одном из кресел сидела женщина лет сорока и, улыбаясь, смотрела на него. Рожа узнал мадам де Трезани, жену владельца плантаций на Нигере.

Что вы здесь делаете? — спросила она Рожа.

— Я еду от Орана до конечной станции и снова назад, — ответил Рожа. — А ваш супруг?

— Он встретит меня в Тимбукту. Я провозжала своих детей во Францию. Тяжело расставаться, но им необходимо учиться.

Обменявшись еще несколькими фразами, Рожа вернулся на свое место и, заказав чашку чая, стал прислушиваться к оживленной беседе старика Марсана с полковником Дюкро.

— Вы воображаете, — говорил Марсан, — что с вашими железными дорогами, радио и электричеством вы что-то выдумали? Конечно, мы скорее идем вперед, но что скорость для тех, перед кем Время? А римляне строили для Вечности. Да, Африка — римская, это любимая теория моего друга Луи Бертран и моя также. Латинский гений навсегда отметил Африку. На этой земле ислам — случайность. Он вошел в Африку, дересек ее, не сумев в ней пустить корни и не мог ее покорить. Простая случайность, говорю я. До того самого дня, когда от ислама останется одно только воспоминание.

Рожа Валентян поднял от чашки чая голову и увидел в нескольких шагах араба, шейха-Эль-Абнода. Он стоял, скрестив руки, и слушал Марсана.

На станциях — арабы в серых бурнуссах...

Дюкро не мог усидеть на месте. Он проходил по поезду из конца в конец, останавливаясь порой в большом вагоне-салоне. Отсюда было хорошо видно, как во все стороны раскинулась Сахара. Поезд мчался от оазиса к оазису. Эти оазисы, точно нанизанные четки, преимущество пути от Орана. Солнце сверкало на небе, но в вагонах с цветными стеклами, тщательно защищенными от пыли, великолепно проветриваемых автоматическими вентиляторами, дышалось легко, как в оазисе.

Дюкро принадлежал к категории краснобаев. Он останавливался возле знакомых пассажирок и объяснял им, что слово Сахара означает «суровая равнина» или же по другой версии — «песочное поле». Между тем, ничто менее Сахары не похоже на песочную равнину. И он говорил, что знаменитая пустыня является на самом деле огромным плато, закругленным от северозапада к югу, вокруг которого местность образует как бы впадины. Отсюда — низкие и сухие равнины, полугористые области, гранитные или известковые скалы. Полковник рассказывал о трудностях постройки железной дороги.

Поезд, между тем, приближался к Туату, останавливаясь у каждого оазиса. Полковник сел в бар с профессором Мартром, чтобы выпить чашечку арабского кофе. Много njih прошел шейх Эль-Абиода и обменялся с ними поклоном.

Мартр обратился к полковнику:

— Мне кажется, что вы несправедливы к этому шейху или эмиру, как вы его там называете.

— Вы думаете? — возразил Дюкро. — Во время постройки этой линии у меня были с ним кое-какие недоразумения. Мне казалось, что этот араб, — человек очень культурный, он служил в нашей армии и получил Почетный Легион, — мне казалось, что он враждебен нам. Вот почему я так сдержан с ним. Может быть, я и ошибаюсь.

— Вы, наверное, ошибаетесь, — сказал профессор. — Я познакомился с шейхом в Алжире, где он очень интересовался нашим факультетом. Вы меня простите, я очень уважаю нашу армию, но считаю, что военные не умеют подойти к туземцам. Ведь, эти люди ужасно подозрительны. Такой человек, как шейх Эль-Абиода, понимает наше интеллектуальное превосходство, но, жгите его на медленном огне, и он не признается в этом... Они хотят, чтобы на них смотрели, как на равных. Они такие гордые!

Профессор замолк. Наступило молчание. Дюкро прервал его, указывая в окно на низкие стены из цемента, обрамляющие с двух сторон железнодорожный путь.

— Защита от песка? — спросил профессор.

— Да, эти стены защищают посадки специальной травы. Она растет в дюнах и укрепляет пески.

Снова наступило молчание. Потом Дюкро заговорил, точно высказывая преследовавшую его мысль:

— А вы знаете человека, сопровождающего шейха? Это мальтиец, некий Амаду, я теперь вспомнил его имя. Это печальная фигура, ростовщик и все дальнейшее, что следует отсюда. Я встречал его в Бискре.

В это мгновение поезд остановился. Показались цементные стены крошечного вокзала.

— Десять минут остановки, — сказал Дюкро.

В бар вошел начальник поезда и обратился к Дюкро.

— Полковник, с вами желают говорить.

— Пожалуйста, — Дюкро встал.

В дверях стоял молодой офицер. Он держал руку у кепи.

— Это вы, Ришар, — полковник протянул ему руку. — Что нового?

— Мне нужно было бы поговорить с вами наедине.

Профессор и начальник поезда слышали разговор Дюкро с молодым человеком и тотчас же покинули бар. Дюкро сделал офицеру знак, чтобы он сел. Конверт официального пакета был тотчас же вскрыт полковником. Он закнул несколько строк от командующего африканскими войсками, генерала Лефран. Дюкро сдвинул брови.

Лефран сообщал ему, что среди туземцев вот уже две недели идет глухое брожение.

— Скажите, Ришар, обратился полковник к молодому человеку, — генерал не говорил, что может быть придется вернуть поезд назад? Какое бы это произвело впечатление во Франции! Первый транссахарский поезд и — такая неудача! Но с нами едут женщины. Я не задумываясь повернул бы назад, если бы считал, что нам грозит опасность.

— Об этом не может быть и речи, — сказал Ришар. — Генерал настаивает, чтобы поезд шел дальше.

— Спасибо, Ришар. Передайте генералу, что все, что нужно, будет сделано... До свиданья!

Начальник поезда подошел к полковнику. Пора было двигаться дальше. Дюкро смотрел на поезд, смотрел на пассажиров и хмурил лоб. В нем происходила какая-то борьба. Потом Дюкро резко обернулся к начальнику поезда.

— Ориоль, — сказал он очень громко, чтобы все слышали, — наш поезд — люкс, и я знаю, что вы должны брать и соответствующих пассажиров, но необходимо немедленно переслать на соседний пост унтер-офицера и восемь солдат. Завтра есть балластный поезд, но в нем несчастные изжарятся. Нельзя ли было бы как-нибудь разместить их в последнем вагоне.

Дюкро говорил шутивым тоном, но Ориоль понял с полуслова, что полковник хотел дать поезду охрану.

— Конечно, полковник, — с готовностью отозвался он, — и я беру это на свою ответственность.

Четверть часа спустя восемь саги, восемь смуглых красавцев-арабов, с саблями на боку и ружьями на плече, пришли со старым унтер-офицером.

— Это вы, Фор, — встретил его полковник и пошел с ним вдоль поезда.

Если бы пассажиры прислушались к их разговору, они услышали бы, как Дюкро говорил унтер-офицеру:

— Фор, зарядите ружья ваших людей. Вот вам приказ.

Был вечер, светлый под усыпанным звездами небом. Рожэ пошел пройти вдоль коридоров. На переходе за четвертым вагоном он встретил Дюкро. Рядом с ним стоял унтер-офицер. Оба, прислонившись к поручням, устремили взгляд на западный горизонт. Валентэн остановился и, не думая быть нескромным, услышал:

— Вы ничего не видите, Фор?

— Ничего, полковник... Нужно быть уж очень отчаянными, чтобы напасть на нас.

— Отчаянности у них хватит. Вы обедали?

— Нет еще.

— Так идите к Ориолю, он займется вами. Я останусь здесь до полуночи. До

тех пор отдохните, и пусть ваши люди поспят. С полночи до утра вы будете в каравле.

— Будьте спокойны, полковник.

Унтер-офицер откладывал по-военному и повернулся на каблучках. Валентэн подошел к полковнику и сказал ему, что слышал разговор.

— В таком случае, дорогой мой, — сказал Дюкро, — вы останетесь со мной до полуночи.

— К вашим услугам.

И Валентэн встал рядом с Дюкро.

Разговоры в вагонах понемногу умолкли. День был жаркий и утомительный. К десяти часам все пассажиры уже улеглись

спать, и только Орноль обходил мерным шагом поезд из конца в конец. На площадке между двумя вагонами полковник и Валентэн тщетно пытались взглянуть во мрак.

— Быть может, лучше, что мы продолжим путь, — говорил Дюкро. — Разве знаешь, где нас может подстеречь опасность, впереди или в тылу? И как прекращать путешествие, основываясь только на одних слухах?

Время шло, и в полночь на смену полковнику явился Фор. Ночь была душная. Рожэ не мог заснуть. Он встал со своей кушетки и прижался лицом к оконному стеклу. Поезд шел со значительной быстротой. Какие-то светящиеся точки обратили внимание Валентэна. Справа, по направлению хода поезда, было зажжено три огня. Конечно, лагерные огни. И все же? Валентэну казалось, что огни эти были расположены с известной симметрией. Ему захотелось пойти и разбудить полковника. Но он пожалел усталого человека. Ведь это просто были какие-нибудь огни караванов, может быть, бивуачные огни. Но на каком они могут быть расстоянии? Ведь, ночью малейший свет виден издалека.

Рожэ услышал какой-то разговор. Он обернулся и увидел, что Амаду стоял перед кабинкой шейха и разговаривал с ним по-арабски. Потом Амаду вышел на площадку вагона.

Рожэ продолжал рассуждать про себя. Разве возможно нападение на транссахарский поезд? Кто рискнет? Поезд, делающий километров шестьдесят в час, нельзя остановить так же просто, как когда-то останавливали дилижансы в Абрудцких горах...

Раздался сухой треск выстрела, за ним еще два и все замолкло.

Поезд бежал поирежнему. Вдруг он стал замедлять ход. Валентэн бросился к двери на площадку, но не успел он добежать до нее, как дверь раскрылась и Валентэн очутился лицом к лицу с тремя огромными маврами в красных тюрбанах. Его схватили и вытолкнули с площадки ва путь.

Поднялись крики, раздался еще выстрел.

Один из кондукторов упал со ступенек второго вагона и скатился на балласт. Он лежал неподвижно и лицо его было в крови.

Вдоль остановившегося поезда стояли группами верблюды и лошади. Рядом с ними мавры с угрюмыми лицами, вооруженные ружьями и револьверами.

Между тем, пассажиров выводили на путь. Им давали только возможность накинуть платье. Тиксадор с поднятым кулаком стал наступать на группу арабов. Дюкро его остановил:

— Стойте смирно, — сказал он, — эти бандиты убьют вас, не задумываясь.

Появился шейх. Его вели два араба и у него были связаны руки.

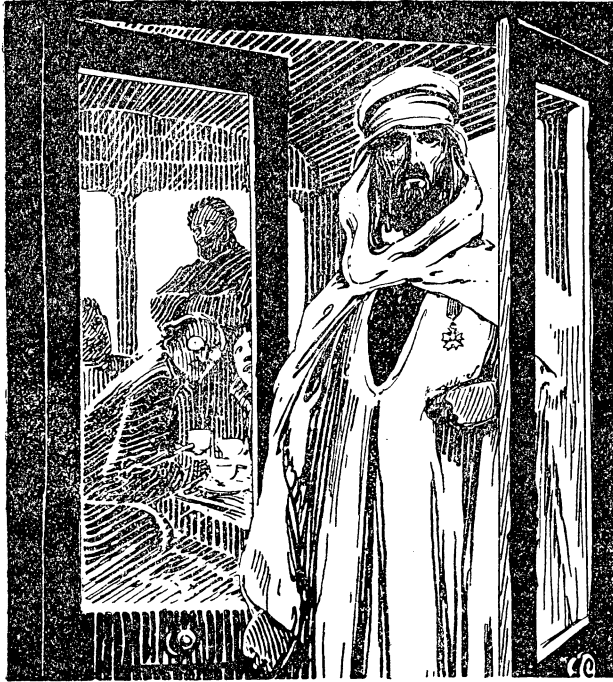
Рожэ оглянулся вокруг. Справа базальтовая игла поднималась ввысь точно гигантская стрелка.

Тиксадор стоял рядом с полковником. Тут же был и Марсан. Ему разрешили взять с собой свой огромный портфель. У него был вид человека, которому безразлично, где бы ни находиться, тут или в вагоне.

Пассажиров обыскали и отняли у них оружие. Дюкро стоял молча, скрестив руки. Рядом с ним была его дочь.

— Что произошло? — спросил Валентэн.

— Не знаю, — ответил полковник и сухо добавил, — когда я не знаю, я стараюсь не делать предположений.

Мимо них прошел шейх Эль-Аббод.

Наружная невозмутимость плохо прикрывала его нервное состояние.

Подождал Орполь, слышавший разговор. — А я знаю, полковник. Эти негодяи взорвали столб с проводами, электрический ток прервался, поезд катился еще километра два по инерции, потом остановился. Когда мавры это увидели, они залезли на площадки. Один из моих служащих выстрелил, они его убили.

— А что же с нашими солдатами? Они в полминуты могли бы смести эту шайку, — недоумевал Дюкро.

— Невозможно подойти к поезду, — ответил Орполь, — мавры охраняют входы.

Среди мавров были и туареги, которых можно было узнать по черноте покрывала на нижней части лица. Началась какая-то сортировка пассажиров. Одних разрешали вернуться в вагоны, другие поняли, что их оставят пленниками. Увозили не всех, потому что число верблюдов и лошадей было ограниченное. Дюкро с дочерью, Марсан, шейх, профессор Мартр, Валентэн, мадам де Трезани, Тиксадор и еще две семьи состоятельных — Дугадос и Одиэ получили приказание готовиться к отъезду. Бандиты выбирали с толком.

Дюкро подошел к начальнику мавров:

— Что ты хочешь сделать с нами? — спросил он. — Что вам нужно? Выкуп?

— Не спрашивай меня. Я ничего не могу тебе сказать.

Дюкро повернулся к своим спутникам.

— Я думаю, — сказал он, — что мы попали в руки бандитов, которые хотят получить за нас выкуп. Обычай разбойников не изменился со времен средневековья. Но со своими верблюдами и лошадьми они нас далеко не увезут. Авиаторы и мотористы быстро найдут нас.

Женщин посадили в паланкины на верблюдов, мужчин — на лошадей и мулов. Мавры окружили пленников и караван тронулся в путь.

Первое время двигались без всяких приключений. Алина и мадам де Трезани сели в одну и тот же паланкин. Ружье верхом на лошади держался возле их верблюда. Он обменивался словами с обеими женщинами, ободрял их и даже шутил, уверяя, что это путешествие кончится хорошо и очень скоро.

Мосье Марсан вмешивался в их разговор. Он указывал рукой на сопровождавших их бандитов:

— Наемники Аннибала, — произнес он.

— Как, Аннибала? — прервал его Валентэн.

— Меня учили, что войско Аннибала, участвовавшее во второй пунической войне, состояло главным образом из карфагенян.

— Плохо истолковывали Полибия, — ответил ученый. — Карфагеняне, или, вернее, финикийцы составляли только ядро этой армии. Я в восторге от гипотезы, что Аннибал вел через Испанию свои легионы бerberов, бокаринов, мавров и абиссинцев, потом предоставил им «наслаждения Капуи». На университетской скамье вам плохо объяснили причины, делавшие разрушение Карфагена необходимою для римлян. Се-

годня, когда мы пленники африканцев, начинаете ли вы понимать ушорство старого Катона?

Среди этих разговоров путь продолжался на юго-запад. Скоро жара стала мучительной. Караван остановился. Верблюды улеглись, лошадей стреножили. Путешественники растянулись под холщевыми тряпками, кое-как защищавшими их от жгучего солнца. Казалось, что лагеря спит... пролетел аэроплан... очень далеко на северном горизонте.

— Нас ищут, — подумал Дюкро.

Около четырех часов дня снова отравились в путь. Шли всю ночь. И люди, и животные выбились из сил. На рассвете раскинули лагерь и не двигались дальше до ночи. Или тепловатую воду из бурдюков, из мешков достали провизию. Когда солнце село, караван продолжал путь. В течение ночи несколько раз вдали слышали шум пропеллера, больше ничего...

Скоро пришли в область дюн. Дюкро узнал дюны Игиди, страну жажды, страну движущихся песков, которую тщателью избегали караваны. Тайный ужас напал на Дюкро. Он боялся не за себя, но за своих спутников. Никто никогда не выходил из дюн Игиди. На сотни километров тянутся песочные горы, очертание и направление которых постоянно меняются ветром. Это движущееся море. Ни кустарника, ни травки, ни ручейка, ни живого зверя, один песок. Даже авиаторы избегают этой проклятой области.

Алина сняла шляпу, сжимавшую ей виски. Ветер развевал ее волосы, она откидывала голову, прислушиваясь к звукам пустыни. Эти звуки не были ей неприятны. В них точно был какой-то скрытый смысл, находивший в девушке отклик. Наконец, она заснула...

Теперь во главе каравана шли туареги. Тиксадор как-то заметил полковнику:

— Смотрите, лошади ржут, верблюды ускоряют шаг, их инстинкт говорит им, что они подходят к дому.

— Это верно, — ответил Дюкро, — но какую «конюшню» они чувствуют?

К середине этой ночи караван остановился на огромной песочной волне. Потом началась бесконечный спуск.

Когда караван спустился вниз, полковнику стала понятна разгадка этой тайны. Перед ними было нечто вроде огромных скалистых ворот. В эти ворота стали входить верблюды и лошади с их наездниками.

У входа горело три факела. Подошел мавр. Тонкие губы, орлиный нос. Он проделал салам, потом положил руку на амулеты, покрывавшие его костлявую грудь. Худые ноги напоминали скелет большой птицы. На сухих руках болтались браслеты из кварца.

Примечание переводчицы: Катон, о чем бы ни говорил в сенате, заканчивал свою речь неизменно одной и той же фразой: «praeterea censeo Carthagem delendam esse», — «кроме того я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен».

Путешественники имели большой успех. Целый чернокожий народ, украшенный травяем, топтался в пыли, среди ревущих и ржущих животных. Потом караван вошел в обширную галерею. Плиты зенели под копытами верблюдов. Дали приказание остановиться. Все сошли на землю. Дюкро оглянулся кругом. Поднимались высокие мраморные колонны, на большом камне была какая-то полустертая надпись. Путешественники осматривались в недоумении.

Неожиданно раздался крик, крик ужаса или крик радости, крик человека, которого душат... Марсан стоял перед какой-то надписью. Он ощупывал камень руками, склоняясь к нему, точно готовый поцеловать его.

Вдруг Марсан выпрямился, подошел к предводителю мавров и взял обеими руками его руку.

— Дорогой мосье, — сказал он, — спасибо. Я этого никогда не забуду. Я хочу сказать, наука никогда не забудет. От имени Французской Академии, от имени Академии надписей и ученых обществ благодарю вас еще раз, мосье. Ваш поступок даст нам новое и бесценное сокровище!

Путешественники так устали, что мало внимания обратили на крики Марсана. Мавры загнали лошадей и верблюдов в стойла. У входа в пещеру была поставлена стража. Каждый устроился, как мог, и скоро все спали.

На следующий день пленники проснулись поздно. Через большие ворота вливался яркий свет дня. Сели за утреннюю трапезу. Хлеба не было. За то было множество жестянок с консервами и... свежая вода. Путешественники почувствовали прилив сил.

Шейха Эль-Абюда не было больше среди них. Исчез и спутник его, Амаду.

Не видно было и Марсана. Но скоро он появился, и в каком виде! Платье его было разорвано, руки в крови.

— Где вы были? — спросил его Дюкро.

— Я осматривал город. Разве вы не знаете, где мы находимся? Когда эти господа, — он указал на мавров, — повезли нас в эту экскурсию...

— Хороша экскурсия, — проворчал Тиксадор.

— Я продолжаю. Когда мы поехали с ними, я не знал цели нашей прогулки, я не мог знать, какое меня ждет счастье. Африка — римская, чисто римская и только римская. Конечно, финикийцы колонизовали ее раньше римлян, но римляне сформировали, образовали ее. Обычно считают, что римское владычество не перешло границы Сахары. Римляне не решились двинуться в пустыню. Но не все ученые придерживались такого мнения. Они не могли забыть, что Марцеллин рассказывает нам, что третье царствование послало посты далеко в пустыню. Эти посты основали настоящий город, который называется Городом Песков, Urbs Agena по-латыни. Этот город был климатической станцией, как говорят сегодня. В нем было множество библиотек.

Валентен увидел три огня справа по направлению хода поезда.

Его напрасно искали, но не находили и следов. Одни стали оспаривать текст знаменитого историка, другие уверяли, что говорится о простом укрепленном poste, а не о городе. Это мнение Петрарки в его знаменитой поэме об Африке. Я смотрел не так. Когда я сел в транссахарский поезд, я надеялся, что какая-нибудь мелочь да укажет мне дорогу в Город Песков. И вот, господа, вы в Городе Песков. Что именно произошло? Я не знаю. Но вот мое первое предположение. Город был покинут, когда римское владычество в Африке расшаталось после вторжений. Римляне защищали каким-то способом город от движущихся песков. Может быть, с помощью стен, или каких-нибудь насаждений. Я придерживаюсь этой гипотезы, вы увидите почему. Эти насаждения без ухода гнили и пески засыпали город. Насколько я себе отдаю отчет, в городе было много улиц со сводами. Эти своды устояли. Может быть, в те времена тут чаще бывали дожди. Словом, под действием сырости, песок образовал твердые корки. Город покрылся толстой, защищающей его корой. Века проходили. Теперь древний римский город спит больше, чем под ста метрами песку... Вы знаете, как песок все сохраняет. Поэтому я надеюсь найти тут библиотеки и рукописи.

В это время к путешественникам подошел туарег и обратился к Дюкро: — Следуй за мной, — сказал он ему, — начальник хочет с тобой говорить.

Туарег ввел Дюкро в довольно хорошо освещенное помещение, стены которого были покрыты фресками и окрашены в красный помпейский цвет. На полу была тонкая мозаичная надпись: Ave. Вглубине сидел какой-то человек. Он указал полковнику рукой на ковер. Дюкро сел и не без удивления увидел, что находится лицом к лицу с шейхом Эль-Абюда.

— Это ты устроил это похищение? — начал полковник разговор, приступая прямо к делу.

— Откуда ты знаешь? — засмеялся шейх.

— Но не для того же ты нас похитил, чтобы обворовать? — продолжал Дюкро. — И ты, конечно, не собираешься бороться с Францией? Я ничего не понимаю.

— Ты поймешь, — ответил эмир. — Вы, европейцы, не умеете видеть. Сейчас поднимается Мавритания. Вас изгонят из Сахары, транссахарская дорога будет разрушена и мы победно пойдем на Алжир.

— Скажи, эмир, — спросил Дюкро, — что ты тут можешь выиграть? Ты ведь потеряешь в этом восстании и свое положение, и свои средства. Подумай хорошенько.

Эмир встал.

— С вами здесь будут хорошо обращаться. Только не пытайтесь бежать... и ждите, как я жду.

Дюкро и эмир шли теперь рядом, точно приятели, и обменивались взглядами, полными вражды.

Марсан чувствовал себя в своей сфере. Он переживал античную жизнь. Когда он нашел библиотеку города, «радость его была глубже моря», если воспользоваться сильным выражением греческого поэта; это несомненно были книги, эти трубки из пергамента, покрытые удивительной каллиграфией.

Все было в целости: песочная корка сохранила все. Марсан бегал по тихим мраморным залам, где спали тысячи аккуратно закатанных папирусов. Были галереи, переполненные различными научными приборами, обширные анатомические кабинеты. На длинных столах заржавленные скальпели и доски с выгравированными надписями. С первого же взгляда ученый понял, что в древности знали анатомировать. Тогда этот серьезный человек принялся танцовать вокруг столов нечто в роде «танца скальпов», описанного Фенимором Купером, или что-то вроде современного «чарльстона».

Потом нашлись водяные часы, изобретенные Аполлиносом, металлические шары, изображающие сферы Гиппарха и Эратосфена.

Марсан вместе с Тиксадором вошли в темный и длинный перистиль. Среди колонн выделялись галереи для упражнения атлетов. Галереи следовали за галереями, залы за залами, улицы за улицами...

Потом они оба вернулись к своим спутникам. Пленники убивали время, как могли. Рассматривали фрески, дремали, пили мятный чай, тушивший огонь в горле и во рту и удивительно оживлявший людей.

Симфориен, слуга Тиксадора, подошел к своему хозяину и шепнул ему что-то на ухо.

Тиксадор встал и ушел вместе с ним. Когда он вернулся, он подошел к Дюкро.

— Полковник, уделите мне несколько минут. — Потом он обратился к Валентэну:

— Дорогой друг, вы не будете лишним.

Трое мужчин уединились и Тиксадор начал:

— Вот, коротко, в чем дело. Среди мавров есть один, когда-то служивший у меня. Извините меня, я должен вспомнить одно доброе дело... обстоятельства требуют, чтобы я забыл всякий ложный стыд. Я нашел этого беднягу в конце войны, истощенного туберкулезом, скитавшегося

из лазарета в лазарет. Мне нужны были работники в Люнеде и я нанял его. Я дал ему легкую работу, лечил его, хорошо кормил. В конце концов он выздоровел и выказывал мне величайшую благодарность. Потом, в один прекрасный день, он почувствовал тоску по родине и уехал в Алжир. Как он попал к этим разбойникам? Это для меня тайна! Короче говоря, он узнал Симфориена и послал его за мной. Мы только что разговаривали с ним.

— Ну, так что же? — произнес Дюкро.

— То, что я прощентал ему несколько раз на ухо: «тысяча». Словом, он берет ночью вывести отсюда одного из нас до места, где стоят несколько верблюдов. Трудностью будет только выйти из пещеры. Но раз выбравшись, этот славный Мусса проводит до первого французского поста того из нас, кто рискнет пуститься в такое приключение.

— Я еду с вашим Муссой — сказал Дюкро.

Тиксадор покачал головой.

— Полковник, я поеду. Мысль пришла мне и...

Роже протянул руку:

— Господа, это я должен ехать с арабом. Я самый молодой, а значит и самый сильный.

— Пусть будет так, — коротко сказал Дюкро. — Теперь обсудим все подробнее.

Роже думал одеться арабом и выскользнуть в ворота вместе с Муссой. Но Дюкро находил, что такой план рискован. Он отвел в сторону Марсана и спросил его:

— Скажите, нет ли другого выхода, кроме этих охраняемых дверей.

Марсан пожал плечами:

— Есть не один выход, а десять.

Дюкро, стараясь овладеть вниманием знаменитого ученого, открыл ему план бегства Роже и Марсан пообещал вывести его из города так, что никто и подозревать не будет.

Поздним вечером Дюкро и Тиксадор углубились в Город Песков. За ними не следили, потому что там не было никаких выходов. Тиксадор держал лампу. После бесчисленных поворотов, они пришли в маленький круглый храм, наполовину засыпанный песком. Перед ними был Марсан в своем рваном черном костюме.

— Храм Весты, — сказал он, — обращаю внимание, господа...

— Марсан, время не терпит, — прервал Тиксадор, — вы расскажете в другой раз. Вот Мусса, мой старый приятель, мы можем вполне ему довериться.

Араб склонил голову.

— А вот и наш молодой друг.

Валентэн поднялся в темном углу. Он был одет в костюм туземца и из него получился сносный араб.

— Они вооружены? — спросил Дюкро.

Мусса показал свое ружье. Это было его единственным оружием.

Дюкро молча пожал обе руки Валентэна и передал ему карту, где был обозначен «Город Песков».

— Лучше будет, если вы вернетесь к вашим товарищам, полковник, — сказал Тиксадор, — ваше отсутствие могут заметить. Я провожу Валентана до выхода, потом мы вернемся вместе с Марсаном. Дюкро согласился и ушел, не оборачиваясь.

Марсан сделал знак и все трое последовали за ним. Дорогой он просвещал Тиксадора: — вот — лавка булочника... Эти колонны обозначают перистиль дома богатых людей...

После улик начались переулки. На пути встретилось нечто вроде погребка. Марсан спустился на три ступени.

— Это тут, — сказал он. — Видите... точно щель в песке. В нее может пролезть человек.

Тиксадор и Марсан пожали Рожэ и Муссе руку и прошли за ними несколько шагов. Они были за городом. Ночь была темная, Мусса и Валентан исчезли во мраке.

Несколько минут спустя, Марсан и Тиксадор вернулись к своим товарищам. Тиксадор самым безразличным образом стал разговаривать с Дюкро.

Черная ночь. До горизонта песочные дюны, гигантский океан с мертвыми волнами. Неутомимо шагают верблюды. Двое людей в бурнусках склоняются на шею животных.

— Ты уверен в дороге, Мусса?

— Да, совершенно уверен.

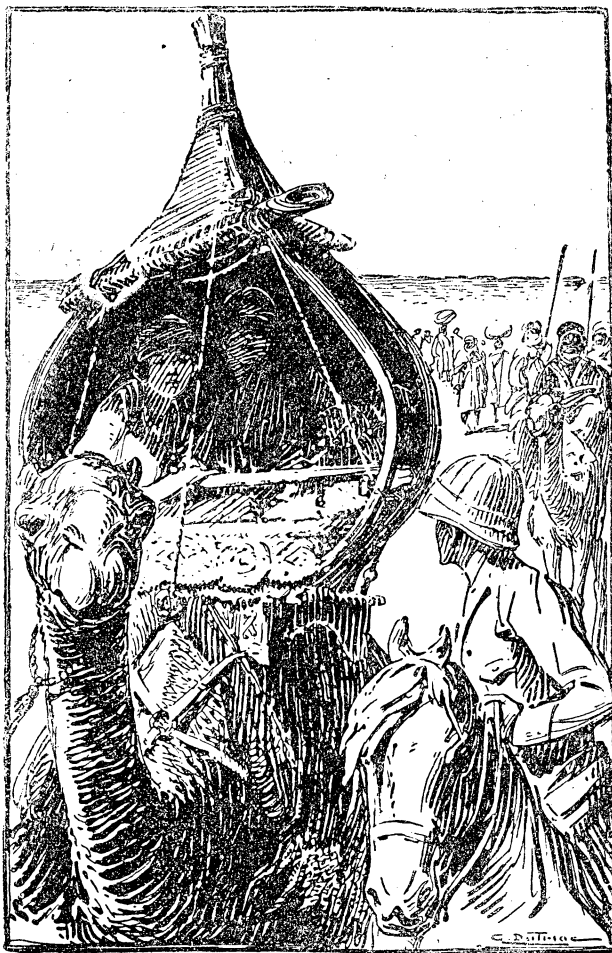
Они едут так всю ночь, они едут утро, потому что боится погони. В пылающий час полдня они останавливаются с пересохшим горлом. Верблюды ложатся, люди пьют воду, которая скоро станет гнилой, жуют какую-то пищу. Потом засыпают до вечера.

Ночью продолжается путь на юго-восток. Дюны следуют за дюнами. Валентану кажется, что в его черепе вертится колесо, в висках его стучит, его лихорадит, он качается на своем высоком верблюде. А мертвецкая огромная пустыня раскинула вокруг бесконечность своего сурового уединения.

Рожэ уже больше не знает, где он, и автоматически следует за своим проводником. Мусса выказывает признаки беспомощности. Теперь он прямо берет направление на восток. Сильный ветер изменил вид местности и Мусса не узнает дороги. Этот Мусса не сын пустыни, он слишком много жил у европейцев.

И они едут прямо вперед, все на восток, на удачу. Зной солнца мучает их, когда они просыпаются после тяжелого сна. От отсутствия питья их рты пересыхают. Что за ведьма щиплет стальными ногтями опухшие губы? Усталость как свинцом наливает все члены, отягощает веки.

Потом как-то, около полудня, верблюды падают. У Муссы хватает сил расстелить кусок холста, под защитой которого они спасаются от солнца. У них нет больше

Алина и мадам де Трезанн ехали в паланкине. Рожэ держался волею их верблюда.

ни воды, ни провизии. Остается убить одно из животных, чтобы пить его кровь. На это у них не хватает духу. Они ложатся и свинцовый сон находит на них.

Тимбукту! Магическое название, легендарное прошлое, Черная столица, основанная в XII веке на месте лагеря беглецов. В былые времена туареги отправлялись отсюда ежегодно на разбой.

Тимбукту, город серый и тусклый под ярким светом, город, построенный из кирпичей, сделанных из сырой земли и высохших на солнце. Свет тропиков окутывает его каким-то золотистым туманом, пронзанным пурпурными и перламутровыми отблесками. Архитектура домов напоминает архитектуру древнего Египта. На севере

города высится самая прекрасная из его мечетей, Джамэ Сан Кора. Потом в центре города мечеть Сиди Иайа, потом мечеть Джиджубер, которая черным силуэтом вырисовывается на светлом фоне неба.

В этом городе пестрая толпа: туареги, арабы, негры. На площади Жоффра, в первом этаже дворца государственного управления, зал, увешенный картами. За маленьким столиком сидят два унтер-офицера. Между ними пишущая машинка. В глубине комнаты три дежурных офицера. Посреди крупными шагами ходит взад и вперед генерал Лефран, главнокомандующий французскими войсками в Африке.

Генерал в отчаянии. В лице Дюкро он потерял своего лучшего сотрудника, свою правую руку. Лефран останавливается и спрашивает одного из дежурных офицеров:

— Ничего нового, Марсаль?

— Ничего, генерал.

Лефран снова начинает шагать по комнате. Несколько минут спустя Марсаль смотрит на часы:

— Время, генерал.

— Автомобиль подан?

— Да, генерал.

Едва приехав в Тимбукту, генерал уже снова уезжал. Он вышел из дома крупными шагами и сел в ожидавший его автомобиль.

Транссахарский поезд шел по заросшей травой равнине Судана, которая полого поднимается до колодца Тин Заутена. У этого знаменитого колодца кончается суданская равнина и начинается Танезруфт, настоящая Сахара, пустыня без границ, без воды, без травы, без деревца, страна жажды, куда самые смелые люди не заходят без того, чтобы у них не защемило сердце.

Лефран сидел в своем вагоне за столом, на котором была разложена карта Сахары. Против него, с телефоном под рукой, ждал приказаний своего начальника Марсаль. Благодаря особому аппарату, железнодорожный путь служил и телефонной линией, так что Лефран мог телефонировать, не покидая своего вагона.

Эту враждебную и смертоносную Сахару генерал считает своим почти другом. В этой унылой пустыне родилась его слава.

Поезд идет всю ночь по негостеприимному песочному морю. Тяжелые вагоны бегут по стальным рельсам, буксируемые могучим электрическим паровозом, ночь прорезают голубоватые молнии. Ни станций, ни вокзалов. После каждых тридцати километров охраняемый колодец, где поезд должен остановиться только в случае сигнала. Подвигаются малой скоростью; большая скорость берет слишком много электричества. Поезд — военный. Сам генерал Лефран озабочен, кругом него все молчат. Если хорошенько вдуматься — положение серьезное. Сколько людей во Франции были против транссахарской дороги! Фантазия колонистов, — говорили они. Сколько Кассандр предсказывали нападение мавров!

Поезд остановился. Довольно значительная станция: Таудени. Это город с шестью тысячами населения, главное занятие которых добыча каменной соли.

Капитан Марсаль стучится в дверь к генералу. Лефран отворяет:

— Генерал, лейтенант Джелли, из автомобилистов, на вчерашней рекогносцировке в юго-восточной области дюн, нашел европейца и араба, умиравших от жажды. Оба несчастных были в бреду. По тому, что они говорили в бреду, они, повидному, принадлежат к группе путешественников, увезенных в плен арабами.

— Они в госпитале? — спросил Лефран. — Так отправляемся туда сейчас же...

Госпиталь — современная постройка в мавританском стиле. Внутри красивый дворик с аркадами и фонтаном посредине. Сахарская лихорадка дает главную клиентуру этого лазарета.

— Как поживаете, Джелли? — начальник протягивает ему руку.

Джелли рапортует.

— Они умерли бы, если бы вы их не нашли? — говорит Лефран.

— О, конечно, умерли бы от жажды.

— Вы знали, какой им был нужен уход?

Я применял сахарский метод: не давал им воды, а только алкоголь. Мы положили их на дно автомобилей, и они не слишком мучились.

— Вы говорили, что европеец бредит?

— Он несколько раз повторял женское имя. Я записал: Алина. И еще другое имя: Тиксадор.

В это время офицер передал Лефрану бумагу, переписанную на машинке.

Лефран прочел и обратился к присутствующим:

— По бумагам, найденным на этом путешественнике, оказывается, что это мосье Валентэн, сын известного промышленника. Уже телеграфировал в Оран. Валентэн ехал транссахарским поездом.

Лефран направился теперь в дом. В белой палате со сводами лежит на кровати бледный, обескровленный Рожэ Валентэн. На столике рядом с ним успокоительное питье.

Лефран берет стул и садится у постели.

— Лежите спокойно, мосье, — говорит он, — и если вы в состоянии, расскажите мне коротко ваше приключение. Вы понимаете важность каждого вашего слова? Ваши спутники живы?

— Да, все.

Лефран медленно, отчетливо задает вопросы. Он узнает все. Когда Валентэн доходит до древнего города, уже много веков засыпанного песком, один из сопровождавших генерала, полковник Мейер, не может удержаться от восклицания. Дело в том, что Мейер — историк и археолог. Он никогда не сомневался в существовании *Urbs Agha* и всегда считал текст Марцеллина аутентичным.

Лефран угадывает его мысли:

— Что делать, Мейер, не каждым ударом биваешь муху. В прошлом году вы открыли этот храм и статую Трояна возле Тугу, та. Нужно же, чтобы и другие работали, чорт возьми!

В вагоне военного поезда Лефран и Мейер склоняются над картой, где обозначен древний город, Urbs Aenea.

— Произвести быструю атаку нашими аэропланами, — произносит генерал, точно говоря сам с собой. — Нет, шум моторов обратит их внимание, надо искать что-то другое. «Монтейль» все еще тут? — обратился он к Мейеру.

— Всегда на своем посту.

— Отлично, едем.

Автомобиль Лефрана въезжает на самую середину аэродрома. В лучах заходящего солнца «Монтейль», огромный и неподвижный, вырисовывается на лазоревом небе. Оболочка баллона отливает огнями пожара. Это настоящее воздушное чудовище. Триста метров в длину, сорок метров в диаметре. Наполненный гелием, он может поднять больше ста человек.

Лефрану представляется капитан Симиар, маленький, загорелый, бритый.

— Вы готовы, Симиар? — спрашивает Лефран.

— Когда прикажете, генерал.

— Симиар, завтра ровно в десять часов вы отправитесь и я буду с вами в качестве пассажира. Приходите ко мне в вагон, нам с вами нужно поговорить.

В автомобиле Лефран сообщает свой план Мейеру.

Дирижабль направится ночью к Urbs Aenea, аэропланы будут следовать издала. Дирижабль остановит свои моторы, чтобы ветром его принесло к городу. Все это может быть сделано беззвучно. Сто вооруженных людей смогут освободить пленных путешественников. Затем по сигналу подойдут двадцать пять вооруженных бомбами аэропланов.

Старший врач навестил Валентана и нашел его совершенно здоровым.

— Воздержание в еде и питье — это весь ваш режим, — сказал он и затем посвятил Валентана в то, что знал о проекте генерала.

— Дирижабль отправляется почему-то на двадцать четыре часа позднее, чем предполагалось, — добавил он.

— В таком случае, я попрошу Лефрана взять меня на борт воздушного корабля.

Доктор подумал и затем сказал:

— С моей стороны я не вижу препятствий. Этот полет окончательно исцелит вас. Вечером того же дня Валентан был у Лефрана. С какой радостью принял тот предложение Валентана!

— Доктор вам разрешает?

— Да, генерал.

— Отлично. Ваше присутствие упростит дело. Пойдите к Симиару. Он предоставит вам место и экипирует вас.

В чистом и холодном воздухе планировал огромный дирижабль. Наполненный гелием, он не боялся пожара. Он был одновременно и аэростатом, наполненным газом, и монгольфьером. Он поднимался и спускался нагретием и охлаждением своей газовой массы. Размер гондолы был во всю длину корпуса. Это было чудо изобретательности. Построенная из алюминия и красного дерева гондола была достаточно обширной для экипажа и для кают офицеров. Одна из трудностей воздушной навигации заклю-

Зной солнца мучает их, когда они просыпаются от тяжелого сна.

чается в том, что если сопротивление увеличивается только пропорционально квадрату диаметра, то подъемная сила — пропорционально кубу диаметра. Поэтому легче оперировать большими аэростатами, чем маленькими. Но такими огромными кораблями, как этот, чрезвычайно трудно управлять. Строители попытались свести экипаж до минимума, все делалось механически. Достаточно было человек пятнадцать специалистов.

Во главе этих избранных было двое механиков и три офицера. Симиар был один из этих искателей приключений воздуха, и жил полной жизнью только на высоте трех или четырех тысяч метров. Мечта всей его жизни исполнилась, когда он стал командовать этим единственным в своем роде огромным воздушным кораблем.

В настоящий момент Симиар показывал его Лефрану.

— Я мечтал о воздухоплавании, когда был еще мальчуганом — говорил он. — Я знал наизусть «Пять недель на воздушном шаре» Жюль Верна. Позднее, в политехнической школе, я часами рисовал аэростаты. А вот теперь, благодаря этому воздушному крейсеру, я вас перенесу к Городу Песков вместе со ста людьми, с пулеметами, с бомбами. И в самой большой тишине.

— Я вас переберю, — сказал Лефран, — ваши моторы менее шумны, чем моторы аэропланов, но все же производят шум.

— Для ночных атак у нас моторы со сжатым воздухом и они не дают ни малейшего шума. Только я пользуюсь ими в крайнем случае, потому что через час сжатый воздух, который я распадаю, весь выходит.

— Очень остроумно. Но как вы получаете сжатый воздух?

— Во время нашего движения, вот в этот самый момент, электрические моторы гонят воздух в резервуары ad hoc, до нужной степени сгущения.

— А бури? — спросил генерал.

— Прежде всего их можно предвидеть. Кроме аппаратов на борту мы связаны беспроводными телеграфом со всеми метеорологическими станциями. Наша скорость — двести пятьдесят километров в час, — позволяет нам бежать от урагана, уйти из опасной зоны. Наконец, у нас есть преимущество, которого нет у авиатора. Мы остаемся нависаем машины и отдаемся на волю ветра. Мы несемся вместе с ним, пока погода не изменится. Вот настоящая воздушная навигация. Корабль — устойчивый, комфортабельный, быстроходный. Он покинет Марсель после завтрака и пассажиры его придут в Алжир к обеду. Что я говорю? За два часа до обеда. Они успеют переодеться и пофландрить по улице Баб-Азун.

Лефран молчал, и Симиар продолжал, углубляя тревожащую его мысль.

— Что транссахарскую дорогу построили, — это хорошо. Воздушная навигация слишком дорога для товаров. Не можем мы пока еще перевозить и войска, особенно эскадры и батареи.

Капитан Симиар показывал Лефрану автоматические пушки маленького калибра.

Дирижабль теперь на высоте пяти тысяч метров. Сахара кажется огромным пестрым ковром. Зеленые пятна — оазисы. По временам внизу, на земле, поднимаются вихри, но тут, наверху, нечего бояться. Плынешь в полной безопасности, и дирижабль неуклонно держит направление на запад — северо-запад.

Шейх Эль-Абнода отдавал приказания. Стража у ворот усилена; пленники уведены дальше, вглубь Города Песков. На полузасыпанных песком улицах колеблется бледное пламя глиняных ламп.

Шейх размышляет. Все прошлое встает перед ним. До войны дела его шли хорошо, он приобрел большие владения. Потом участие в войне и в 1918 году горькое разочарование. Он надеялся остаться после демобилизации полковником, а был только капитаном. Это озлобило его. Потом большие финансовые удачи — земли его очень сильно поднялись в цене. Тогда он отправился путешествовать. Поехал в Европу. Это было сплошным праздником. Приемы, обеды, визиты, театры. Закутанный в белую одежду, с большой черной бородой, шейх появлялся точно принц из Тысячи и Одной Ночи.

Его обуяла страсть к игре. Амаду, его секретарь — мальчишка завлек его к зеленому столу, где рушились самые солидные состояния. И деньги шейха быстро испарились. Он продал свои драгоценности, продал земли, другие земли заложил. От его богатства остались крохи, слишком незначительные для человека его розмаха. Тогда он вступил в переговоры с недовольными Мавританиями. Осторожно и ловко подготовил он восстание, которое должно было разразиться совершенно неожиданно. И тогда он, глава восстания, поторгует с французами. Он предложит полную покорность, требуя взамен кое-каких преимуществ, чисто номинальных для своих партизанов, и крупного положения для себя самого. Не в первый раз государство, владеющее колониями, будет вести переговоры с предводителем восставших и перекиннет ему золотой мост, чтобы избежать затрат на экспедицию.

А тут еще обстоятельства сложились так благоприятно. С большой шумихой было объявлено отправление первого транссахарского поезда. Газеты сообщали имена пассажиров и даже помещали их фотографии. Если шейх сможет захватить поезд, в его руках окажется великолепный залог и он почувствует себя тогда сильным.

Во время своих поездок в Мавританию, шейх узнал Город Песков, таинственное убежище каких-нибудь разбойников — туарегов. Из этого подземного города шейх сделал себе главную квартиру. Его повстанцы раскинули свой лагерь там, где когда-то стояли римские легионеры.

Сначала все шло хорошо. Слиторное средство обезвредило стражу, сопровождавшую

поезд. В намеченном месте поезд остановили и очень удачно отвезли путешественников в Город Песков.

Дальше дело пошло хуже. На восстание соглашались большая часть племен, но выступило едва ли одно племя из десяти. В конце концов, за шейхом пошли только искатели приключений и разбойники. О его похождениях в Европе шли темные слухи и он не пользовался авторитетом среди соплеменников. Теперь все расчеты шейха были на заложников. Надо было их хорошо оберегать, ведь они — его спасение. И вот, в отсутствие шейха исчез один из пленников, молодой человек, друг полковника Докро. Исчез и один туземец и два верблюда. Простое ли это совпадение? Не бежал ли этот француз с помощью туземца? Шейх боится этого. Конечно, в этой части Сахары трудно путешествовать, и очень возможно, что беглецы погибли. А французы не рискнут отправиться в эти проклятые места. Самое большее, что они могут сделать, это поручить своим авантюрам наблюдение за этой местностью. Но вот уже несколько дней, как не слышно звуков аэропланных моторов. Шейх напрягает слух, но не слышно ничего.

Ничего? А, между тем, если бы вместо того, чтобы напрягать слух, шейх поднял глаза, он заметил бы, может быть, во мраке ночи что-то большое и черное, нечто в роде продолговатой тучи, вынырнувшее из глубины пространства и поемному приближающееся к земле. Это нечто черное — был дирижабль.

Шейх тихими шагами расхаживает по скату большой дюны, голова его опущена. Тысячи мыслей копошатся в его мозгу.

Воображение ли это? Ему кажется, что за его спиной скрипит песок. Он всматривается. Во мраке вырисовывается какой-то силуэт. Амаду, конечно? На плечо шейха опускается рука. Кто позволил себе? Шейх оборачивается. Ночь темная. Шейх с трудом может разглядеть, что перед ним солдат-спаги. В то же мгновение шейху затыкают рот и несколько человек бросаются на него, скручивают, завязывают ему глаза.

Шейх чувствует, что его несут по дюнам.

С ним, таким невозмутимым, уравновешенным, делается нервный припадок.

Когда он приходит в себя, он сидит на кожаном диване в маленькой, белой каюте. При свете электрической лампы, шейх видит перед собой Лефрана. Спасения нет, и шейх отдается во власть своего восточного фатализма.

— Я побежден, — говорит он. — Ты оказался сильнее.

— Где пленники? — спрашивает Лефран.

— Не знаю.

— Не ты же их взял в плен?

— Я потерял их с тех пор из виду.

Допрос шел вяло. Лефран отчаялся узнать что-нибудь от шейха и распорядился взять его под стражу и увести.

И тут шейх увидел, что он находится на дирижабле.

Несколько месяцев назад он видел «Монтейль» над Алжиром... Безумная мысль пронеслась в мозгу шейха. Лефран, очевидно, ожидал для атаки расвета. Но на заре к эмиру подойдет банда его сторонников. За ней другие, словом, возможно, что соберется около тысячи вооруженных и энергичных людей. Им ничего не стоит напасть на дирижабль и

взять в плен Лефрана. Но для всего этого необходимо выиграть время. Он обратился к одному из сопровождавших его:

— Скажи генералу, что мне нужно с ним поговорить.

Лефран отдавал последние указания относительно атаки.

— Вы поняли, Фавр? Вы с вашими людьми подползете к воротам. Если вас окликнут, отвечайте по-арабски. Вы повстанцы, ищите убежища. При вашем свистке, Симнар освещает прожектором вход. Свет падает повстанцам прямо в лицо и они будут плохо стрелять. Вы броситесь на них и свяжете их. Затем освободите пленников и приведете их сюда. К этому времени придут наши легчики.

— Я должен заметить, — сказал Симнар, — что аэропланы не смогут снизиться в дюнах до рассвета. Это было бы слишком опасно. Лефран задумался:

— Знать, что эти несчастные пленники так близко от нас, — произнес он, — и до

Мавры бегут...

сих пор ничего не сделать, чтобы их спасти!

Вошел Марсаль и передал Лефрану, что шейх жаждет с ним говорить.

— Пусть его приведут, — ответил Лефран.

Шейх Эль-Абиода выигрывал время. Он подробно рассказывал о восстании, о приготовлениях к нему, и его слушали, забывая о времени. Наконец, шейх предложил привести Лефрану пленников, если его отпустят за ними.

— Но какая у меня гарантия? — спросил Лефран.

— Мое честное слово.

— Но ты так часто давал и не сдерживал его.

— Тогда я не вижу выхода, — сказал эмир.

Лефран хорошо знал шейха и не доверял ему, но в то же время ему хотелось спасти жизни, которые, несомненно, погибнут в атаке, и получить пленников без единого выстрела.

— Позовите мне Али — провнес он.

Али был унтер офицер, двадцать лет уже служивший в армии. Когда Али пришел, Лефран объяснил ему положение дел и закончил словами:

— Ты пойдешь за ним следом. Ты будешь слышать все, что он скажет, и если что-нибудь покажется подозрительным, ты развесишь ему череп.

Шейх невозмутимо слушал. Он встал и смотрел в окно. Наступил рассвет. В воздухе пронесся какой-то свист. Марсаль насторожился:

— Это лисица песков, — улыбнулся Фавр, — наше присутствие ее не стесняет.

— Лисица песков выходит на охоту ночью, — возразил Лефран, — я впервые слышу ее призывный крик на рассвете.

Шейх прикрыл веками глаза, чтобы никто не мог видеть блеска его взгляда. В призывном крике лисицы песков он узнал условный знак маврских племен.

В то время, как шейх в сопровождении Али направился к воротам города, вокруг дирижабля началась какая-то суетня. Солдаты-спаги образовали на дюнах маленькие посты. В наступающем дне раздавались жалобные свистки, треск выстрелов. Со всех сторон стали появляться мавры. Началась бой.

Дирижабль поднялся на высоту около трехсот метров. Он призывает на помощь аэропланы; его пушки, минометы неистовствуют. Мавры бегут, но снова сформировываются за прикрытием дюн и открывают огонь.

Лефрана терзает мысль: что делается теперь в Городе Песков? Дирижабль медленно подплывает к тому месту, где находятся монументальные ворота. Там кишат мавры. Симар сбросил бомбу. Она упала со свистом и разорвалась ввысь, поднимая песочные вихри.

Через четверть часа придут аэропланы, и бой кончится. Мавров спасает только

отчаянное бегство. Но что произойдет за это время с пленниками? И какова во всем этом роль шейха?...—Тысячи мыслей роятся в голове Лефрана.

Когда бой начался, шейх затрепетал от радости. Если бы следом за ним не шел Али, он бросился бы к Городу Песков и спасся бы там. Но унтер-офицер, шедший за ним по пятам, связывал его движения и шейх притворялся равнодушным ко всему.

Вдруг за спиной его раздался крик. Али упал на песок. Он был ранен, но шейх решил, что он убит, скинул бурнус, чтобы он не стеснял движений, и бросился бежать. В тишине пустыни выстрелы артиллерии казались особенно оглушительными. Несколько раз шейх принужден был ложиться на песок, спасаясь от выстрела. Наконец, он скрылся в воротах.

Мавры были в смятении. Они бросались по всем направлениям, как застигнутые ливнем муравьи. Предводитель мавров сделал шейху доклад. Положение было ужасное. Когда начался бой, пленники углубились в город, за ними не последовали и теперь их не могут найти.

Между тем Urbs Aгeна была окружена. Полосепишие аэропланы свисали, на каждом было по трое людей, не считая пилота, и два пулемета. Установленные на подвижных треножниках, пулеметы сверкали на гребнях дюн. В лазури кружились другие летчики, бдительные стражи.

Появилась цепь броневых гусеничных автомобилей, вооруженных пулеметами. Они добрались сюда, искусно избегнув движущихся песков.

Вокруг дирижабля, зорко охранявшегося, оживленно беседовали спасшиеся из этого кровавого приключения путешественники. Дюкро в подробностях рассказывал Лефрану все, пережитое им и его спутниками. Она спаслись благодаря Марсану. Арабы плохо знали подземный город. Но Марсан, кое-как питааясь, отдавая сну всего несколько часов, без усталости обегал улицы, легко ориентируясь в странном лабиринте. Он нашел несколько выходов и через один из них вывел путешественников, как до этого вывел Валентина.

— Теперь нужно взять в плен этих бандитов, — сказал Лефран, — Дюкро, поручаю вам эту операцию.

Дюкро создал командиров отдельных частей и отдал распоряжения.

Дело было простое. Отряд с газами пройдет через вход, неизвестный маврам, и осажденным останется только сложить оружие.

— Я атакую, когда прикажете, — сказал Дюкро Лефрану.

— Через десять минут, — ответил тот.

Дюкро стоял на гребне дюны и в бинокль смотрел на ворота города.

— Каково положение, Дюкро? — спросил Лефран.— Все выходы охраняются?

— Все. Мавры в мышеловке. Время идет. Дюкро посматривает на часы. Лефран спрашивает взглядом:

— Что же, Дюкро?

Два часа спустя Лефран был вне себя от гнева. Газовая атака осталась безрезультатной. Во всем Городе Песков не оказалось ни одного туземца. В полузасыпанном храме, служившем конюшней, нашли верблюдов и мулов, люди же все бесследно исчезли. Даже Марсан растерялся и заявил, что он тут бессилен.

В то время, как Лефран отдавал приказание, чтобы путешественников отвезли в автомобилях на ближайшую станцию транссахарской дороги, к нему подошел Тиксадор.

— Сделайте честь меня выслушать, — сказал он, — и не пройдет двух дней, как эти разбойники будут в ваших руках. Я сам не прочь сказать наедине несколько слов этому негодяю-шейху. Так вот, это очень просто...

Шейх Эль-Абиода, скрывшись за одной из колонн монументальных ворот, видел все приготовления к атаке. Пулеметы расставлялись методически на гребнях дюн. Вдали, на спинах солдат он видел аппараты для газовой атаки. Шейх участвовал в европейской войне и понял. Но что же делать? Броситься на противника и умереть смертью храбрых или же ждать, ждать приговора судьбы?

Вдруг шейх увидел рядом с собой негра Мабруки. Этот человек, еще в детстве приведенный юда с Нигера, уже много лет жил в Городе Песков. Он ходил за верблюдами, поднимал воду из колодца и был в своем роде как бы сторожем города.

— Что ты будешь делать, шейх? — спросил негр.

— Умру, — ответил араб. — Все кончено.

— Но можно бежать.

— Каким путем?

— А «Мать вод»?

Араб пристально смотрел на негра. Неужели опасность повлила на его мозг? Но Мабруки все улыбался своей странной улыбкой.

— Нойдем, — сказал он, — время не ждет.

Мабруки с глиняной лампой в руке шел по улицам подземного города. Он проходил под арками, перелезал через колонны. Дальнейший путь ему преградила гранитная стена.

— «Мать вод», — сказал он шейху.

Шейх взгляделся. Это была полузасыпанная геском арка римского акведука. Негр

Около дюржабля, зорко охранявшегося, беседовали путешественники.

указал ему зияющее отверстие на высоте человеческого роста и объяснил, что оно ведет в древний акведук.

— Этим путем, — сказал негр, — можно дойти до большой пещеры, половина которой в тени, половина — на свету.

Это значило, что это была открытая пещера.

— На каком расстоянии она отсюда? — спросил шейх. Но для Мабруки не существовало понятия о пространстве. Да в сущности это было и безразлично шейху: там ждало спасение.

Войны, в числе ста десяти человек, захватив оружие, провиант и лампы, двинулись по улицам, стараясь не оставлять следов. Один за другим они вошли в канал акведука и с Мабруки во главе двинулся молчаливый отряд. Дорога была трудная. Приходилось то сгибаться, то ползти на четвереньках. Амаду шел последним и стонал.

Ширина канала была приблизительно метра в полтора, но высота его достигала человеческого роста. Акведук был так со-

лидно выстроен, что устоял против натиска песков пустыни.

Шейх торжествовал. Лефран теперь потерял их следы. Они, — шейх взглянул на свой маленький компас, — если им немного повезет, скроются в направлении Рио-де-Оро, а там война начнется снова...

Так прошли ночь и день. Тяжкие часы, даже для выносливых мавров. Наконец, Мабруки сделал знак: они были у цели.

Шейх поднял лампу. Полувыгоревший фитиль давал слабый свет. Пещера, несомненно, была очень большая и служила римлянам, повидимому, резервуаром для воды. Шейх взглянул на часы: была полночь. Вокруг все было погружено во мрак, только в глубине мерцал какой-то слабый свет. За выходом из пещеры была ночь Сахары.

Вдруг яркий свет залил всю пещеру. Лучи четырех прожекторов били шейху и его спутникам прямо в глаза. За прожекторами, в их отблеске, стояли солдаты с ружьями.

Пораженный шейх остановился. Лицом к лицу с ним стоял Тиксадор, улыбающийся, со шляпой в руках. Шейх оглянулся. Он был в стальном круг

Арабам было приказано сложить оружие. Они тотчас же покорились. Только шейх вдруг выхватил кинжал и бросился на Тиксадора.

Раздался выстрел... Вспышка пламени... Немного дыму... Шейх с пробитой пулей грудью упал ничком на землю. Выстрел Валентэна, стоявшего за спиной Тиксадора, убил его наповал.

Некоторое время спустя, когда все само собой успокоилось после неудачной авантюры шейха, широкая публика узнала следующее.

Тиксадор заметил, что у одного из автомобилистов было с собой несколько собак-ищеек. Почему не воспользоваться их удивительным инстинктом?

Им дали понюхать одежду и сбрую, брошенную маврами, и они пошли по следу. Они привели Тиксадора, Лефрана, Дюкро и Марсана к отверстию в акведуке.

Дюкро точно осенило:

— Это вход в акведук, — сказал он, а километрах в пятидесяти о сюда, если не ошибаюсь, большая пещера. Ее когда-то осматривал Мейер и нашел, что это выход из акведука.

— В таком случае, — сказал Тиксадор, — я хотел бы быть в первом ряду при встрече шейха.

Мавры один за другим вошли в капаз акведука

Путешественники выказали замечательную энергию. Никто из них не захотел возвращаться в Алжир. Они отодвинули несколько дней в Тимбукту и затем продолжили путешествие по транссахарской железной дороге.

За день до Форта-Лами они проезжали мимо озера Чад. Берега озера заросли папирусом удивительного бледно-зеленого тона, небо было однообразно — голубого цвета, поверхность озера сверкала матовым блеском.

Роже и Алина так были поглощены друг другом, что когда к ним подходил Марсан и начинал излагать свои исторические теории, они едва ему отвечали.

— Да оставьте же их в покое, — говорил Тиксадор, — разве вы не видите, что ваша наука их интересует не больше, чем пустой орех.

Лес прекратился, поезд бежал среди песков с редкими деревьями. Он достиг берегов широкого Конго. Вдоль берегов группы туземцев шли к станциям и несли на головах продукты своих деревень: маниоку, или просыпаную муку в больших корзинах, прикрытых листьями.

Затем началось первое расставание. Одни из путешественников ехали назад тем же путем, другие плыли домой морем. Начались пожатия рук, обещания свидеться снова. На вопрос Тиксадора о его планах, Валентэн ответил:

— Я возвращаюсь в Тимбукту вместе с Дюкро. Он обещал, что сам покажет мне плантации хлопка на Нигере. Вы знаете, это, ведь, главная цель моего путешествия.

Несколько месяцев спустя в Тимбукту состоялся брак Аллы Дюкро с Рожэ Валентэном. Счастью молодых людей не хватало одного: присутствия их спутников по путешествию. Сначала они надеялись было на приезд Марсана, так как Urbs Aenea стала центром современной археологии. Весь ученый мир был раскален добела

этим открытием. Марсан же единогласно был избран охранителем раскопок.

Когда свадебное шествие тронулось, на улице началась какая-то суета, поднялись крики. Показался огромный автомобиль, вероятно не меньше, чем в сорок лошадиных сил, на шести колесах, очень высокий и закрытый. Такой автомобиль годился бы и для пустыни, и для зарослей. Из него вышел Тиксадор в дорожном костюме.

Шествие остановилось, потому что Тиксадор должен был всех переделывать.

— Вы думали,—обратился он к Алле и Рожэ,—что я допущу, чтобы вы поженились, не получив от меня маленького подарка?

По знаку Тиксадора автомобиль остановился перед молодой парой, и Тиксадор указал им на него:

— Садитесь в него, дети мои, это мой свадебный подарок...

И шествие двинулось дальше...

ПРИГОВОР И ПОВЕШЕНИИ

Мистер Партридж вызвал ближайшее полицейское отделение.

Рассказ
ФРЭНСИСА БИДИНГА.

Иллюстрации
Д. ФОКСА.

за него замуж и по любви. Ведь, любовь была такой таинственной и непостижимой вещью. Во всяком случае, Гертруд очень хорошо к нему относилась. И дети тоже. Что ж,

он всю жизнь делал для них все возможное, никогда не думал ни о чем другом... Что же касается Гертруд, то он никогда в жизни не взглянул на другую женщину.

Но какая-то мысль задерживалась в его мозгу и беспокоила его. Что это было такое? Ах, да, говорят, Гертруд вышла за

него замуж из-за денег. Откуда у него вдруг такое странное чувство чего-то неприятного? Он приехал к семье на субботу и воскресенье, и в эти дни своего отдыха он никогда не думал о некоторых вещах. Например, эти румынские нефтяные акции. Фирма купила их по 81; вчера они были 73, а сегодня утром котировались по 69³/₈. Но это были дела, а тут у окна стоял Дерек и весело улыбался ему.

Вместе с сыном и дочерью он сел в автомобиль и воздух ободрил его. Он во всяком случае был свободен от деловых забот до понедельника, а тут была его семья, так радовавшаяся его приезду. Как он любил их всех: Дерек, Молли, Джона и последнего из всех, Дика, их малютку, «Веннамина», родившегося много времени спустя после первых детей.

Автомобиль сделал резкий поворот направо, так что Партридж крепко ухватился за боковую стенку. Они подъезжали к дому. Вот в дверях стоит Гертруд, его жена, стройная и нежная. Восемнадцать лет супружеской жизни и ни одной ссоры... восемнадцать лет любви, преданности, счастья.

Мистер Партридж сложил ранний выпуск «Вечерних Новостей» с привычной ему механической точностью и встал, слегка покачиваясь, когда поезд в 12.35 из Ватерло начал замедлять ход у платформы. Когда поезд остановился, он взял с соседнего сиденья свою шляпу и приготовился выйти из купе.

В окне появилось смеющееся лицо. Дерек и за его спиной Молли ожидали на платформе. Какой у него был великолепный старший сын—на голову выше отца и притом широкоплечий! А пятнадцатилетняя Молли, стройная, как дриада! Конечно, они в мать и, уж если на то пошло, так и ум у них ее. Он никогда не мог понять, что нашла в нем Гертруд, когда решилась выйти за него замуж. Его родственники всегда выражались по этому поводу совершенно откровенно. Она вышла за него замуж,—говорили они,—из-за денег.

Может быть, и не только из-за денег, потому что Гертруд не была мелочной женщиной. Может быть, она все же вышла

И годы как будто не касались ее. Она была все та же, больше похожая на дочь, чем на жену, в своей короткой юбке и с подстриженными волосами.

II

Да, конечно, все было в порядке. Совершенно не о чем было беспокоиться. Румынские акции были так же прочны, как дом, хотя, конечно, никогда не знаешь, как пойдут дела в этих странах; где у политика была способность неожиданно переплетаться с коммерческими делами.

Вечером того же дня пришла телеграмма от компаньона Партриджа. Он дважды внимательно перечитал ее. Так, значит, румынский министр умер. А этот молодчик был человек с характером, знал чего он хочет.

— Плохо дело,—сказал себе Партридж.

Но только в понедельник, приехав к себе в контору, Партридж узнал, что он разорен.

III

Два дня спустя мистер Партридж сидел один в своей конторе. Давно прошел час, когда он обычно уезжал домой. Он пропустил все поезды и теперь уж нет ни одного, который привез бы его домой во время к обеду. Гертруд будет в недоумении спрашивать себя, что же случилось. Ему придется объяснить ей, а он не говорил ей о крахе еще ни слова. Он ни разу не

опаздывал за двадцать лет к обеду, не предупредив семью по телефону. Это показывало, как теперь серьезно было положение.

Он все еще не хотел верить худшему. Сегодня была среда, и с понедельника, когда так ужасно пали румынские нефтяные акции, он жил в каком то тумане. Он ничего не видел ясно, не хотел видеть ясно. Он боялся фактов, боялся всех, кто мог заставить его обратить на них внимание. Пугал его, например, Уокер, конторщик, тридцать лет служивший в фирме. Уокер попытался сказать несколько неловких утешительных слов, но они не утешили, а привели в ужас мистера Партриджа. Вид Уокера сказал ему, что все, может быть, еще хуже, чем он думает.

Потом был еще его компаньон Бентхэм, который пугал еще больше, чем Уокер. Тон у Бентхэма был беспечный, и в то же время в нем было что-то фальшивое. Золотая цепь, протянутая через его жилет, вдруг стала казаться неприличной. Бентхэм продолжал говорить о спасении положения, но Партридж знал, что он сам не верит тому, что говорит.

Партридж всегда всецело доверял Бентхэму. Он, быть может, слишком много предоставлял своему компаньону. Бентхэм делал деньги для них обоих, но большая часть денег, которые он делал, как будто перестала фигурировать в делах фирмы «Партридж и Бентхэм». И Бентхэм стал поговаривать о выводе из дела.

Уокер дал Партриджу книги, и один в конторе, Партридж пытался понять их, как поймет официальное лицо, знакомясь с делами обанкротившейся фирмы.

Все, наконец, было ясно: Бентхэм обобрал своего компаньона и обесчестил фирму.

Но Партридж уже забыл Бентхэма. Что значит теперь Бентхэм? Всему пришел конец. Гертруд останется теперь без гроша. Что будет с детьми? Он всю свою жизнь посвятил служению семье и привык смотреть на

себя, только как на средство для добывания им всего, что им нужно.

А теперь... Они были вправе проклинать его. Хотя бы Гертруд. Он взял ее молодость и красоту и всегда чувствовал себя перед ней в долгу. Всю свою жизнь он посвятил выплачиванию этого долга. А теперь он был нищий, и ему было уже за пятьдесят лет. Теперь уж она не могла его больше любить, он был недостойн ее любви. Он легкомысленно разбил всю будущность детей, и она никогда больше не захочет и взглянуть на него.

Да, она никогда больше не захочет и взглянуть на него, если он как нибудь не спасет семью от несчастья. Он должен взять себя в руки. Ведь он еще может что-то сделать, только надо найти, что именно. Разве не было никаких возможностей для отчаявшегося человека, не заботившегося о том, что будет с ним самим, для человека, который никому уже не был больше нужен. Он должен придумать что-то.

Партридж наклонился и отпер нижний ящик своей конторки. Там он хранил свои личные бумаги, которых не должен был видеть даже его доверенный секретарь. Он нашел и развернул свое завещание и горько рассмеялся, просматривая его. Оно теперь не стоило даже той бумаги, на которой было написано. Рядом с ним лежал другой, большой конверт. Партридж раскрыл его дрожащими руками. Все было в порядке, а в маленьком отделении в ящике конторки были спрятаны квитанции на уплаченные премии.

Это было единственное, что у него осталось. Это представляло 30.000 фунтов, большую сумму. Он никогда не откладывал денег, а предпочитал помещать деньги таким способом: выплачивать большую премию и иметь большой страховой полис. Это было вполне верное дело, и вот его результат, — 30.000, маленькое состояние. Этого было бы совершенно достаточно, чтобы обеспечить жизнь его семьи.

Да, но для того, чтобы они получили эти деньги, ему нужно умереть. Единственное, что он мог теперь для них сделать, это — умереть. Так вот к чему пришло мертвый — он значит для своей семьи больше, чем живой. У него началось сердцебиение... Гертруд получила бы деньги. Ей не пришлось бы резко менять жизнь.

Партридж открыл другой ящик и вынул из него револьвер, лежавший там уже много лет. Он купил его когда-то по совету Уокера, считавшего благоразумным иметь на всякий случай под рукой оружие. Это было после сенсационного ограбления на Грэсчерч Стрит, когда старик Хансон был захвачен в собственной конторе несколькими грабителями. Как он тогда посмеялся над Уокером! Но револьвер был куплен, и вот он лежит рядом с коробочкой с патронами. Партридж проверил револьвер, и он оказался заряженным. Но, ведь, он был заряжен уже десять лет тому назад, и патроны могли отсыреть. Лучше убедиться.

Он торопливо вытряс все шесть патронов на ладонь и положил их на стол. Потом он выбрал шесть новых патронов, снова зарядил револьвер и положил его перед собой.

Револьвер лежал на страховом полисе с повернутым вниз по листу дулом.

Партридж механически прочитал слова, на которые револьвер указывал. Он прочитал их раз, потом еще и еще. И в то время, как он читал, надежда умирала в его сердце. Черным по белому значилось: этот полис недействителен в случае самоубийства застрахованного.

Так он не мог себя убить! Если бы он это сделал, полис потерял бы всякую цену. Он мог умереть только естественной смертью или вследствие несчастного случая. Естественная смерть исключалась. Его хватит еще по крайней мере на десять лет. Несчастный случай было трудно организовать так, чтобы он не походил на самоубийство.

И тут его вдруг осенила мысль. Он ухватился за ручки кресла и откинулся назад. Капли пота выступили на его лбу, но он не заметил их. Он нашел... И как это ему раньше не пришло в голову.

Он взял в руки полис и внимательно перечитал его с начала до конца. Да, конечно, выход найден.

Мистер Партридж засмеялся. В душе его почти было торжество. Что можно было сказать против этого? Опозоренное имя? Но они потом легко могли переменить имя. 30 000 фунтов были бы деньгами Гертруд, на них не могли бы наложить ареста, или перечислить их в актив его имущества. Как странно, что он давно уже позаботился об этом.

Партридж с внезапной решимостью снял телефонную трубку. Бентхэм сначала, конечно, отказался снова вернуться в контору. Но мистер Партридж сообщил своему компаньону, что только что сейчас ему невероятно посчастливилось. Он, конечно, не мог всего объяснить по телефону, но положение было спасено. «Партридж и Бентхэм» снова живут! Он продолжал объяснять Бентхэму, что совершенно неожиданно нашел способ получить в свое распоряжение 30 000 фунтов.

— Больше, чем нужно, — смеялся он сухим смешком, — больше, чем нужно, не правда ли? — чтобы вывести вас из затруднений.

Ожидая компаньона, мистер Партридж сидел очень тихо. Он весь ушел в воспоминания. Он снова переживал свой медовый месяц в Амальфи. Он видел улыбающееся море и мягкие очертания скал, увенчанных оливковыми деревьями. Как они с Гертруд улыбались над этой мозаикой изображающей Иону и кита в той древней и прекрасной дерквы...

Вдруг раздались шаги.

— Ну, что? — спросил с порога голос.

Партридж встал.

— Это вы, Бентхэм? — спросил он.

Да, в дверях стоял Бентхэм. Вот его золотая цепь, с трудом стягивающая по жи-

вогу расстояние между карманами его жилета.

Партридж спокойно подошел к нему, поднял револьвер и прострелил голову своему компаньону.

Потом он подошел к своей конторке, взял в руки телефонную трубку и вызвал ближайшее полицейское отделение.

IV.

Партридж был очень сбеспокосен поведением своего адвоката. Прежде всего он не желал никакого адвоката. Он даже отказался от каких бы то ни было шагов и просто признал свою вину. Но ему, конечно, назначили адвоката. Здесь было уголовное преступление и

ридж тотчас же застрелил его и затем отдался в руки полиции.

Что могло быть проще этого? Закону оставалось только возможно скорее дать ход этому делу...

А вот теперь этот молодой нахал уже в суде настаивает на выяснении дела. Какая у него цель? Заключение признал себя виновным и не искал оправданий. Он хладнокровно и обдуманно совершил преступление. Он готов к приговору.

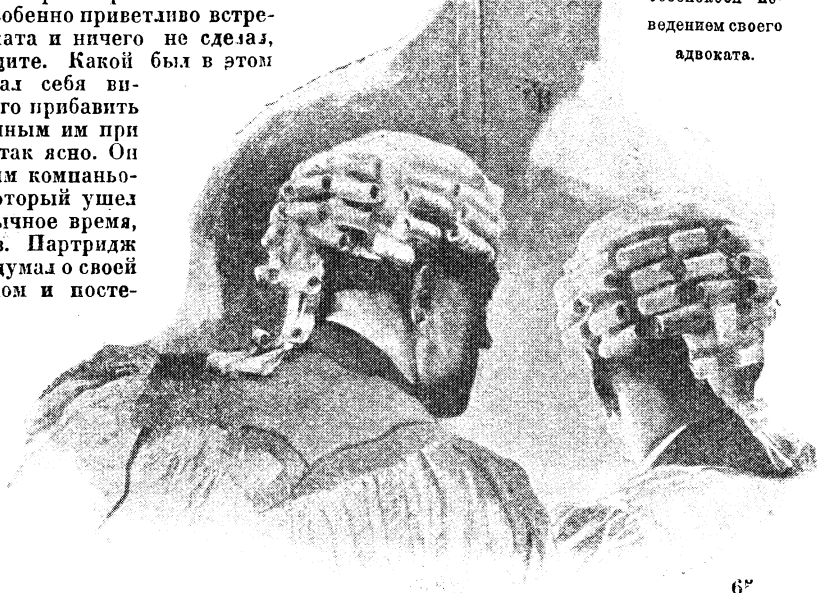
Но что это такое? Адвокат упорно отстаивается на характеристике Бентхэма и его злодеяниях. «Мне жаль, что мне приходится так резко говорить про мертвого,

ему полагался адвокат. Некий молодой человек, Томлинсон, должен был выступать за него. Томлинсон приходил в камеру к Партриджу, чтобы переговорить с ним.

Партридж не особенно приветливо встретил своего адвоката и ничего не сделал, чтобы помочь защите. Какой был в этом смысл? Он признал себя виновным и ему нечего прибавить к показаниям, данным им при аресте. Все было так ясно. Он поссорился со своим компаньоном Бентхэмом, который ушел из конторы в обычное время, около пяти часов. Партридж остался в конторе, думал о своей ссоре с компаньоном и постепенно пришел к решению разделиться с ним. В 7 ч. 10 м. он позвонил Бентхэму и обманом заманил того снова вернуться в контору. Когда Бентхэм пришел, Парт-

Партридж был
обеспокосен по-
ведением своего
адвоката.

но факты неопровержимо доказывают, что Бентхэм обманул своего компаньона, обобрал его и его семью... Я допускаю, что мой клиент действовал в величайшем возбуждении».

Откуда мог адвокат извлечь все это про Бентхэма? Он сам ничего такого не говорил. Не говорила ли ему Гертруд? Гертруд! Сердце его застучало. Он видел ее только раз со времени ареста.

Но это же было невыносимо. Нужно как-то заставить этого дурака замолчать!

Партридж торопливо нацарапал записочку. Адвокат прочитал ее, но продолжал говорить, как будто бы в этой записке ничего и не было написано.

Наконец-то он замолчал. Он говорил почти полчаса, просто на просто терял понапрасно время. Но суду, ведь, все равно не было выбора. Ови должны будут признать его виновным и судье придется применить закон. Можно было быть вполне спокойным, что дело кончится, как он ожидает, но все же Партридж был встревожен.

Теперь председатель в своем резюме подводил итоги. Это не могло долго тянуться. Умный, деловой человек этот председатель... не терял ни времени, ни слов. Да, все шло хорошо. Председатель предлагал вынести обвинительный приговор. Это был следующий шаг вперед.

Партридж облегченно вздохнул.

— Подсудимый, имеете ли вы сказать что-нибудь, что спасло бы вас от смертного приговора?

Один из стражников, между которыми стоял Партридж, толкнул его локтем. Была минута полной тишины.

— Ничего не имею, — сказал Партридж со странной улыбкой.

И он все еще улыбался, когда его вели вниз после того, как был вынесен смертный приговор.

V.

Первую неделю в камере приговоренных Партридж чувствовал себя хорошо, на третий день к нему пришел юрист по делу его банкротства.

Все его имущество было теперь реализовано и он будет, повидимому, в состоянии заплатить по крайней мере восемнадцать шиллингов за фунт¹. Это некоторым образом было утешительно, очень утешительно. Конечно, Гертруд и дети оставались нищими, но, слава богу, ненадолго, всего на несколько дней. Исполнение приговора не могло быть отложено надолго, потому что он отказался апеллировать, а это, конечно, значительно ускорило дело. На следующий же день после исполнения приговора семья получит 30 000 фунтов. Тут уж не могло быть другого исхода.

Да, он устроил все очень умно. А друзья его, все те, что еще считали возможным признавать его, — думали, что он сошел с ума. Партридж снисходительно улыбнулся

¹ Прим. пер.: в фунте двадцать шиллингов.

и продолжал улыбаться к удивлению тюремщика, охранявшего его камеру. За ним, как за смертником, следили день и ночь. Это было тяжело, но это было частью того, с чем он должен был мириться, как с последствиями собственного свободного выбора. Он понял это и покорился. Все это он делал для своей семьи.

Смерти он не боялся несколько. Собственно беспокоило его теперь только одно. Наступал день, когда ему придется проститься с Гертруд. Это будет ужасно. Он с каждым днем все больше и больше боялся этого. Ей будет лучше, когда она избавится от него, но она, может быть, не сразу это поймет. На это потребуется время и, во всяком случае, каждой жене тяжело проститься с мужем, которого повесят. Ему-то, конечно, будет ужасно тяжело. Он увидит, как она уйдет из камеры и потом уж никогда больше не увидит ее. Это была ужасная мысль.

Как она с ним поздоровается? Единственный раз, когда они встретились после ареста, она казалась совсем пришибленной. Она была очень спокойна и единственным признаком ее волнения было то, что она поцеловала его теплее, чем обычно. Если бы она также вела себя и во время последнего прощанья! Иначе он не знает, что будет с ним.

Он, конечно, никогда не сможет ни сказать, ни даже намекнуть ей на истинную причину его преступления. Пусть она останется совершенно невинной, он не хочет делать ее своей сообщницей. Пусть она думает, что он либо был выведен из равновесия низостью компаньона или же — что он действовал в припадке внезапного безумия.

VI.

Прощание было не так тяжело, как он думал.

Начальник тюрьмы пришел к нему в девять часов утра и спокойно объявил, что Партриджа повесят на следующий день в 8 часов утра.

Партридж добродушно улыбнулся своему надзирателю, который удивленно смотрел на него, покачивая головой. Но Партриджа не смущало поведение надзирателя. Этот человек, как и многие другие люди, конечно, думал, что он сошел с ума. По мнению надзирателя было невероятно, что приговоренный улыбается, когда ему прямо говорят, что его повесят через двадцать четыре часа. Но, ведь, он, Партридж, имел все основания улыбаться. Его план удался. Сообщение начальника тюрьмы ставило точку, и ему больше не о чем было беспокоиться. Вот, например, этот Томкинсон, или, как его там, Томкинсон, доставил ему несколько неприятных минут своими «смягчающими обстоятельствами». К счастью, суд был вполне благоразумен и вел себя отлично. А теперь был назначен и час приведения в исполнение приговора.

Партридж сидел на краю кровати или ходил взад и вперед по камере. По времени он обращался к надзирателю:

— Скажите мне, я думаю, что завтра все будет в порядке? Никаких ошибок быть не может?

— Этого нечего бояться,—говорил надзиратель.—Никогда никаких задержек не бывает. Об этом вам нечего беспокоиться.

— Я хочу сказать,—продолжал Партридж,—что если веревка оборвется или упадут бревна или, вообще, случится что-нибудь такое, а человек все еще жив, должны отсрочить приведение приговора в исполнение...

— Об этом не беспокойтесь,—успокоительно сказал надзиратель,—это случилось не чаще, чем два раза за последнее столетие.

— Отлично,—сказал Партридж и снова улыбнулся.

Забавный старик,—подумал про себя надзиратель.

— Помнится,—продолжал разговаривать Партридж,—я где-то читал про повешение одного плотника. Перед казнью он сказал начальнику тюрьмы: «я думаю, вы понимаете, что мой профессиональный долг требует, чтобы я сказал вам, что эти подмокотки ненадежны». Очень забавно, не правда ли?

Надзиратель не ответил, потому что не знал собственно, что ему сказать. Но раздался стук в дверь камеры, и затем дверь распахнулась.

Партридж обернулся и увидел Гертруду, пришедшую проститься.

Мгновение он стоял совсем тихо и в голове его была полная пустота. Он мог только смотреть на нее, заполняя ею свое зрение. Как она была прекрасна, как она стояла всего того, что он делал ради нее, и еще больше этого. Ей всегда был так к лицу серый цвет.

Они стояли и смотрели друг на друга. Наконец, Партридж заметил, что Гертруда плачет. Это было совсем нехорошо. Он обнял ее и попытался успокоить.

— Ты не должна плакать,—было все, что он мог сказать.

Через ее плечо он увидел, что надзиратель повернулся к ним спиной.—Это очень деликатно с его стороны,—подумал Партридж.

— Постарайся вообразить, дорогая, что я уезжаю в далекое путешествие,—сказал Партридж, хотя и сам не знал, зачем говорит такие неподходящие слова.

Но жена его могла только проговорить:

— Мой дорогой, я люблю тебя!

Это было очень хорошо с ее стороны, в особенности потому, что она говорила искренно. Он, наконец, совершенно убедился в том, что Гертруда его любит, и это тем более было причиной сделать все, что он мог, чтобы спасти ее от разорения по его же небрежности. Он никогда не мог бы отплатить ей за ее любовь, которую она так щедро отдавала ему, даже если бы прожил еще сто лет. Но ему осталось прожить всего несколько часов, и он умрет

для нее, если не может жить для нее, умрет ради ее счастья и спокойствия, ради будущего детей, которых они так нежно любят.

VII.

Его подняли в шесть часов утра. Он хорошо спал и проснулся с трудом. Шесть часов—был варварский час для того, чтобы брать человека. Разве они не могли в более удобное время приводить в исполнение приговор? Он тихонько ворчал, одеваясь и улыбаясь.

Он надел собственное платье и отказался от завтрака. Так рано утром ему только и нужно было чашку чая.

Он был готов и уже ждал некоторое время, когда вдоль по коридору раздались шаги.

— Это, вероятно, священник,—сказал надзиратель. Но надзиратель, повидимому, ошибался, потому что, когда открылась дверь, на пороге стоял начальник тюрьмы, за ним доктор и уже после всех пришел священник.

Надзиратель отступил в сторону, когда они вошли, и Партридж стал искать глазами кого-то еще. Как будто отсутствовало самое важное лицо. Где же был палач?

Но времени оставалось еще достаточно для его прихода. Было всего половина седьмого и, может быть, нужно сначала пройти через какие-нибудь формальности.

Да, он был прав относительно этих формальностей. Теперь все смотрели на начальника тюрьмы, который с очень торжественным лицом читал принесенную им бумагу.

Эта бумага, вероятно, важная, потому что все были очень серьезные, и начальник тюрьмы время от времени поглядывал через край листа, как будто бы для того, чтобы убедиться, что смысл бумаги понятен человеку, которого она касается.

Партридж собрался с мыслями. Он должен слушать, что читает начальник тюрьмы. Что означали эти слова? И где он их прежде слышал?

«...преступление, совершенное под влиянием величайшего возбуждения... смягчающие обстоятельства... Смертный приговор заменяется пожизненной каторгой...»

Партридж тупо смотрел перед собой.

— Мне очень жаль, Партридж,—сказал начальник тюрьмы,—что я не мог вам раньше сообщить об облегчении вашей участи. Я узнал это только полчаса тому назад.

Партридж продолжал тупо смотреть перед собой.

— Вы можете подать прошение...—сказал священник, в то время, как начальник тюрьмы повернулся, чтобы уйти.

Партридж поднял голову. В глазах его вдруг загорелась надежда.

— Подать прошение?...—повторил он.

— Да,—еще ласковее продолжал священник,—вы можете в случае хорошего поведения подать прошение о помиловании через тринадцать лет.

ПОЛОСАТЫЕ

ИЗ ЖИЗНИ ПРИМОРЬЯ

Рассказ Г. ДАУРОВА

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

Тигр на Амуре — бытовое явление, настолько частое, привычное и заурядное для старожилов, что дивиться и подчас ужасаться обилию этого зверя может лишь свежий, непривычный человек. Старожил только рукой махнет, когда заходит речь о тигре или «полосатом» — по амурской его кличке.

Обилие тигров в Приморье создало не только специально тигровый промысел, но и целую кучу рассказов, былей, анекдотов как о самих полосатых хищниках приморской тайги, их нравах, обычаях и повадках, так и об охотах на них. Любой бывалый охотник-уссуриец с удовольствием порасскажет их вам сколько угодно. Ни одна охота ведь не дает столько острых, захватывающих впечатлений и рискованных моментов, как охота на грозного полосатого владыку приморской тайги. Он силен, смел, свиреп и хитер почти человеческой хитростью, когда выскальзывает из подстроенных ему ловушек и сам их подстраивает преследующему его охотнику. Смертью или тяжкими увечьями на тигровых охотах поплатилось не мало опытных уссурийцев-таежников: — дешево этот зверь почти никогда не дается в руки...

Два рассказа, приводимые здесь, совсем не выдумка автора — это подлинные тигровые были, переданные мне или самим участником, или очевидцем этих случаев. Таких повествований можно было бы привести еще целые десятки...

С ТОПОРОМ НА ТИГРА.

— Завтра распорядитесь сделать наряд на заготовку дров в урочище Чумар, как обыкновенно...

— Слушаю-сь...

— Да не забудьте: — красноармейцам кроме инструмента и продовольствия захватить с собой винтовки и боевые патроны. Чем чорт не шутит — в здешних местах тигры не редкость...

— Слушаю-сь. Будет исполнено, тов. командир.

Н-ский погранпост расположен в глубине бухты св. Ольги. Подковой вдается в берег бухта и ширигся далее густосинья морская гладь; грузными лесистыми громадами вплотную к берегу сползают дикие горные хребты — отроги Сихота-Ашния. Кучка бревенчатых барачных поста приткнулась у их подножий, утонув в колючих пышных хвоях вековых кедров и лиственниц; вплотную к барачкам надвинулась уссурийская нехоженная тайга. Нелегко на Н-ском посту его обитателям — на десятки верст кругом по побережью лесистого хребта непроходимая, кипшащая зверем и птицею тайга — обиталище медведей, изюбрей, рыси и полосатого красавца-тигра, глухомань, безлюдье, дикая пустыня. Ближайшее жилое место в пятидесяти верстах далее по побережью и раз в неделю оттуда морем прибегает пограничный катер с почтой, продовольствием и последними известиями. Ждут на посту катер, как манну небесную...

С давних времен на Н-ском посту повелось заготавливать дрова на зиму силами красноармейцев. Топором валят в тайге красноармейцы вековые матерые сосны, кедры и лиственницы, пилят, аккуратно выкладывают на таежном порубе свежеспавнувшие, аппетитные штабеля дров — подсыхать до осени. В зимние штормовые вечера так жарко и весело пылают в барачных печах сухие кедровые или лиственничные поленья. Тайга кругом такая — десять лет руби — не вырубишь и в половину...

Красноармейцы на заготовку дров идут охотно и весело. И обычно от желающих попасть «на дрова» — отбою нет.

Так и теперь... Два десятка красноармейцев с комзвездом во главе с топорами, пилами и винтовками выступили на очередную заготовку дров в глубокой лесной пади,

Несколько человек разом кинулись к нему, крича, маша руками. Испуганный Федорчук инстинктивно обернулся, и в ту же минуту страшный рев почти оглушил его. Перед глазами мелькнула огромная полосатая масса, оскаленная клыкостая пасть, широколобая голова с прижатыми ушами и желтыми, янтарными глазами. Страшная тяжесть обрушилась на него, сшибла с ног, притиснула к земле. Когтистая лапа тигра глубоко взбороздила грудь и плечо обеспамятвшего красноармейца и, прежде чем успели опомниться зрители неожиданной драмы, страшный зверь схватил Федорчука за бедро и, держа в пасти, одним прыжком скрылся со своей добычей в кустах... Поруба огласилась отчаянным криком, воем, гиканьем; с топорами, с сульдами, с наскоро схваченной винтовкой, пограничники, как один, кинулись в погоню за тигром.

Оглушенный падением, от тряски и страшной боли в бедре, Федорчук быстро пришел в себя. Открыл глаза и чуть не сошел с ума от ужаса: легко, как ребенка, за бедро волочил его тайгой огромный уссурийский тигр; лобастая, опущенная седыми баками голова была рукой достать от Федорчука. Красноармеец чуть не обеспамятел снова, но ужас смерти придавал ему и силу, и образительность. При падении он не выронил топора и судорожно сжал его; топорнице и теперь было стиснуто в руке, а страшная лобастая голова зверя была так близка... И почти не сознавая, что делает, собрав все силы, красноармеец изловчился и накоротке извернувшись, ударил топором меж желтых немигающих глаз тигра. Глубоко, с хрустом, увязло в чем-то отточенное, острое лезвие топора. В ту же минуту разжались страшные тиски, сдавливавшие бедро Федорчука. Точно в тумане он увидел, как с глухим ревом споткнулась и рухнула рядом громадная полосатая масса, обливая кровью траву. Он потерял сознание...

Через несколько минут, ломая кусты, по свежему следу, толпой добежали красноармейцы. И остановившись в ошолобении: на траве в глубоком обмороке валялся ободраный и обливающий кровью Федорчук, а рядом с ним во всю длину своего громадного полосатого тела распростерся мертвый тигр. В черепе хищника, по самый обух, увязло лезвие федорчуковского топора...

Рассказавший мне эту историю braveйший комзвод пограничник не без удовольствия добавил:

— Выжила, парень-то. Дешево отделался, помял его полосатый, руку да бедро истерзал, и только. Главное — не слыховал парень, а то бы... сожрать его тигр не сожрал бы: ребята наши помешали б, а расветрошить-бы успел начисто, да!

И ухмыльнувшись, не без зависти добавил еще:

— Пятьсот рублей на этом ударе заработал...

— Как так? Какие пятьсот рублей?

— А за тигра-то... За шкуру, да еще премия, вместе рублей пятьсот набежало, обогател, можно сказать, парень. Пофартило... ида...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ТИГРОМ.

Эту захватывающую историю мне рассказал ее непосредственный участник, пожилой, уже седеющий человек, старожил-уссуриец, агроном по специальности, и ярый, запойный охотник по страсти.

Я привожу ее здесь по ли языком самого участника.

— Было это в Приморьи, в окрестностях Никольска-Уссурийского. По служебным делам пришлось мне надолго застрять в этом городишке, заброшенном среди сопок и полудикой, уссурийской тайги. Ладно... Выкроилась пара свободных и лишних деньков, и вот, в компании с добрыми моими знакомыми и приятелями-никольчанами, решил я использовать эти деньки: съездить в сопки на охоту за тетеревами. В окрестностях городка их было сколько угодно и битую птицу на базаре отдавали почти за гроши. Мы отправились в сопки делой компанией, вшестером, на двух телегах. Тетеревов оказалось немало — влет с телеги удалось подстрелить одного, вылетевшего чуть не из-под самых колес.

Расположились лагерем верстах в двадцати. Переночевали и ранним утром, по одиночке, разбрелись по окрестностям с ружьем и собакой испытывать свой охотничий фарт.

Я, откровенно говоря, не любитель охоты с компаньоном и поэтому нарочно выбрал такое направление, где меньше всего было шансов встретить кого-либо из товарищей. Охотник я был старый и опытный, с отличной бельгийской двухстволкой, Лебеде; мой пойнтер «Тайга» была хорошо натаскана на летнюю дичь. Я рассчитывал настроелять больше, чем другие. А на случай чего... кроме дробовых патронов в патронташ я сунул с десяток крупных разрывных жаканов: в тайге без этой предосторожности и на белку не ходят...

Охота по утреннему холодку была очень удачна: тетеревиное бормотание и чужаканье слышалось почти на каждом шагу, и чем дальше в тайгу, тем чаще и громче. Неупуганная птица подпускала к себе почти вплотную, и часа через два в моей сетке болталась куча трофеев.

Уже давно рассвело и солнце припекало; день обещал быть жарким и безоблачным. Птица притихла и стала осторожнее. Я решил отдохнуть, ушел в тень молодого дубка и, скручивая напросу, впервые огляделся по сторонам.

Незаметно для себя, в охотничьем азарте, я, очевидно, забрел в тайгу дальше, чем думал. Отдаленных выстрелов моих товарищей уже не было слышно, как я ни прислушивался. Редкая тайга кругом отсвечивала на солнце блеклым золотом хвой и стволов. Нишина зеленая лиственных деревьев там и сям врзалась в хвойноедесье.

я узнал ее, и пышные седые бакены, опущившие ее, и желтые как янтарь, круглые, немигающие глаза. В упор столкнулись они с моими и под их взглядом я, помню, вдруг почувствовал себя не бывалым, видавшим виды, закаленным охотником, а беспомощным и жалким мышенком, увидевшим перед собой кота.

Я замер, как стоял, сжимая в руках двустовку, мгновенно с головы до пят облившийся холодным потом и не спуская расширенных, остолбеневших глаз со страшной кошачьей головы. Это был «он», «полосатый» — гроза приморской тайги... Как он мог очутиться здесь, вдали от излюбленных тигровых мест? Переключившись сюда или забрел мимоходом, случайно, — не знаю. Я знал теперь только, кто выслеживал меня в тайге. И вот я стоял лицом к лицу одинокий, почти безоружный, перед страшным хищником. С мгновенной, ослепительной ясностью вспомнилось: — моя двустовка заряжена дробью! Не успел, не догадался переменить патроны, и вот — стою с дробовиком перед тигром... Я опешел... Впервые почувствовал, как много волос на голове под фуражкой. Все они стали туги и жестки, как проволока. Почти перестало биться сердце и в ногах разлилась противная, ноющая слабость. Все окружающее, казалось, исчезло, растаяло, ушло из поля зрения. С жуткой ясностью я видел лишь свирепую лобастую голову и немигающие, желтые, светящиеся фосфорическим светом глаза тигра. Они гипнотизировали, обесценивали, лишали воли... Смутно я видел, как вытянулось из кустов все огромное полосатое тело, прилегло к земле, сдвинулось... видел, что полосатый великан ползет ко мне, не спуская глаз, судорожно играя откинутым назад хвостом; видел и понимал грозящую неотвратимую смерть и — не мог шевельнуться, отряхнуть одевание, понудить себя отчаянно бороться за жизнь... Рассказываю я долго, а это были в действительности — секунды.

Не более сажени — полторы разделяло нас. Тигр остановился, прильнул к земле, подбирая лапы, собирая все тело в огромную полосатую массу. Желтые глаза мигнули, дрогнули... — Сейчас прыгнет! — точно это со стороны кто-то крикнул мне, и мгновенно спало одевание. Двустовка сама собой метнулась в руках, влегла в плечо... Дробь? Да, дробь, пускай!.. Все произошло почти во мгновение ока, пожа-

луй, даже меньше. Как раз в широколобую голову легла прицельная мушка, палец точно сам собой рванул курки — оба сразу, — и двойной оглушительный грохот раскатом грома отдался в тайге.

С каким-то пушечным, захлебнувшимся, из самого нутра ревом, точно лошадь, взвилась на дыбы предо мной огромная полосатая масса, разодрала лапами воздух, точно лоя что-то, зашаталась и рухнула. Я еле успел отскочить... С пронзительным ревом, воем, визгом тигр покатился по земле, ломая кусты, мотая окровавленной головой. Опять поднялся на дыбы, заревел, дарапая морду, и, рухнув снова, стал кататься и метаться по земле, целыми пластами выдирая дерн и траву. Он был слеп... Двойной заряд дробы, пушенный с близкого расстояния, лег кучно в самые глаза полосатого, ослепил его, и теперь тигр был не страшнее обыкновенного кабана.

Делом одного мгновения было выкинуть из ружья расстрелянные гильзы и всунуть в стволы пулевые патроны. И как раз вовремя: даже ослепленный, беспомощный, потерявший возможность видеть врага, тигр по чутью, с глухим ревом, пополз в мою сторону. И с пяти шагов расстояния, почти в упор, я грянул левым стволом по подползавшему зверю. Судорожно, точно пружинной, его подбросило. Вскинулся было на лапах тигр и грузно ткнулся мордой и землю. Второй выстрел!.. Я видел, как из лобастой, свирепой головы брызнули кровавые ключья и, обливаясь кровью, сразу рухнул и распластался на боку тигр. Огромное, полосатое тело вздрогнуло раз другой и вытянулось во всю свою длину. Мертво завалилась на сторону развороченная пулей голова хищника и из оскаленной пасти вместе с хлынувшей кровью вывалился красный тряпкой язык... Полосатый был мертв...

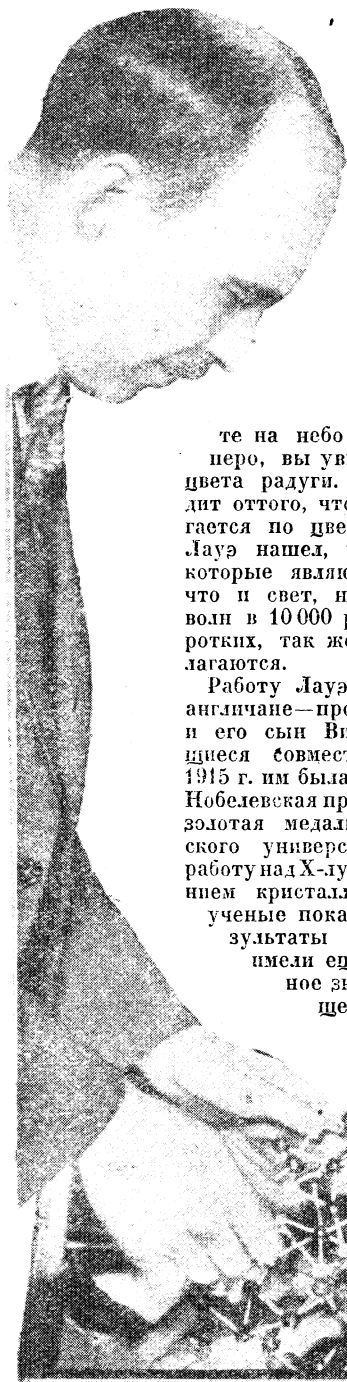
Силы и самообладание сразу покинули меня. Наступила реакция, и пошатываясь, отойдя на пару шагов, я скорее упал, чем присел на пенек, весь облитый холодным потом, с еще неизжитым недавним ужасом и слабостью во всем теле.

Дробь, да... она, да шальное охотничье счастье спасли меня, не дав промахнуться по тигру, иначе.. тогда бы не тигр, а я валялся бы на поляне безобразной, распотрошенной окровавленной тушей, и мои кости трещали бы на зубах полосатого хищника приморской тайги...

ЛУЧИ, КОТОРЫЕ ВИДЯТ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗРЕНИЯ.

О черк.

Германский физик Лауэ недавно сделал открытие, что X-лучи обладают такими же свойствами, как и солнечные лучи. Если вы посмотрите

на небо через птичье перо, вы увидите слабые цвета радуги. Это происходит оттого, что свет разлагается по цветам спектра. Лауэ нашел, что X-лучи, которые являются тем же, что и свет, но состоят из волн в 10 000 раз более коротких, так же точно разлагаются.

Работу Лауэ продолжили англичане — профессор Брег и его сын Вильям, трудившиеся совместно. Еще в 1915 г. им была присуждена Нобелевская премия, а затем золотая медаль Колумбийского университета за их работу над X-лучами и строением кристаллов. Оба эти ученые показали, что результаты работ Лауэ имели еще одно важное значение, упущенное самим Лауэ: откры-

тие Лауэ дало возможность обнаружить, как расположены в кристаллах атомы.

Чтобы продолжать исследования, Вильяму Брегу понадобился аппарат для анализа X-лучей. Отец Вильяма Брега, профессор Брег, изобрел такой аппарат, первый спектрометр для X-лучей, аппарат, который несомненно имеет большое значение для науки.

Отец и сын Брег продолжили свою работу. Для них открылось новое поле зрения. Они пропускали X-лучи через кристаллы, состоящие из рядов атомов и молекул. Проходя сквозь эти ряды, X-лучи разлагаются, как разлагается свет, проходящий сквозь перо. Лучи затем падают на фотографическую пластинку и, рассмотрев результаты, можно сделать вычисления, указывающие положение атомов и молекул, образующих кристалл. Как известно, атомы и молекулы никогда не могут быть видны непосредственно через микроскоп, так как они меньше, чем световые волны.

Лауэ употреблял X-лучи всевозможной длины, аппарат же Брега пользовался этими лучами только одной длины, и это сделало возможным измерение атомов и молекул.

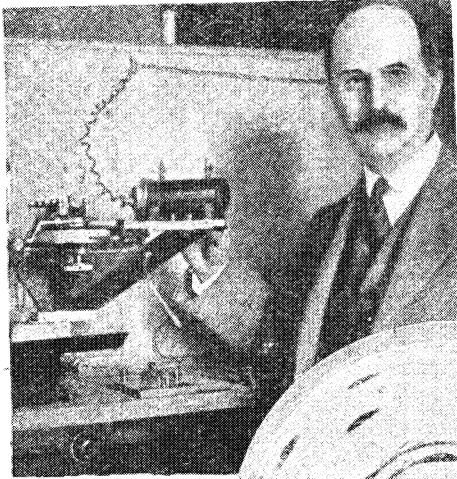
— Исследование кристаллов с помощью X-лучей, — пишет Вильям Брег, — соответствует химическому анализу, но ведет еще глубже. Химический анализ говорит нам, какие элементы присутствуют в веществе, которое мы исследуем, и в каких пропорциях. X-лучи идут дальше: они говорят нам, как расположены атомы в элементах и показывают, какие имеются вещества, не разлагая их при этом на элементы, как это делает химия.

При изготовлении и использовании аккумуляторов, например, не могли прежде сказать, какие изменения происходят на пластинках аккумуляторов, потому что химический анализ просто показывал присут-

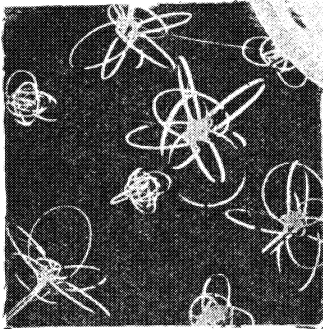
Профессор Вильям Брег с моделью, показывающей расположение атомов при увеличении в двести миллионов раз.

ствующие элементы. X лучи же обнаруживают, какие имеются налицо составные части в каждый момент происходящего изменения.

Это одно из промышленных значений X-лучей. Другим еще более важным исполь-

Профессор Берг со своим изобретением, спектрометром X-лучей, который приводит переворот в науке.

Расположение атомов в чудовищно увеличенной крупинке соли.

и изменений при растяжении их. Все это зависит от расположения кристаллов вещества. Когда металл растягивается в проволоку, кристаллы вещества стремятся повернуться так, что лежат вдоль длины проволоки. И мы убеждаемся теперь, что почти все вещества состоят из кристаллов.

— Мы,—пишет в своей последней статье проф. Берг,—теперь заняты усовершенствованием техники для разрешения проблем сложных твердых тел, а также стремимся определить точно форму и размер атомов.

В то время как профессор Берг — старший и его ассистент работают над минералами, Вильям Берг с ассистентом иссле-

дуют органические тела — то, что живет или жило когда-либо.

— Наша последняя работа,—пишет Вильям Берг,—настоящий роман, потому что мы обязаны успехом простому счастливому случаю. При исследовании органических веществ для нас является большой трудностью получить достаточно чистые кристаллы. Мы рассматривали много образцов растительных масел и должны были удовольствоваться только более или менее чистыми кристаллами. И вот недавно один из наших ассистентов нашел образец масла. Это был именно такой кристалл, какой нам нужен.

— После этого открытия работа наша пошла очень успешно. Нам удалось открыть, что молекулы веществ «цепи», которые заключают алкоголь и сахар, имеют форму зигзагов и мы смогли вымерить расстояние между концами зигзага у

большого количества веществ. В конце этих зигзагов находятся атомы, образующие голову и хвост.

У вас под руками может быть яд, и все, что вам нужно сделать, это переместить голову и хвост атомов, и у вас получается... эссенция для широкого.

— Мы теперь направили наше внимание на вещества «бензинового кольца», которые заключают яды и взрывчатые вещества.

Эта новая работа открывает широкое поле для научных исследований и ее значение для промышленности заключается в том, что если мы знаем из чего состоят вещества, мы будем также знать, как их создавать и как ими пользоваться.

Промышленность уже применяет новый способ исследования при посредстве X-лучей и скоро, вероятно, при многих фабриках будут организованы соответствующие лаборатории. Когда люди узнают сущность различных веществ, кто скажет, какие новые и дешевые пути найдутся для того, чтобы производить эти вещества! Мы сможем найти для этих веществ и совсем новое применение. А когда мы точно установим, почему различная пища поддерживает нашу жизнь — что тогда? Какой переворот в системе питания, какие великие достижения человечества!

* * *

В настоящее время параллельно с Англией больших успехов в работе над новыми лучами достиг в Америке профессор Вильям Кулидж.

Как известно, электроны — частички электричества, которые вертятся вокруг ядра, образующего атом. И вот профессор Кулидж, трубки которого имеются в госпи-

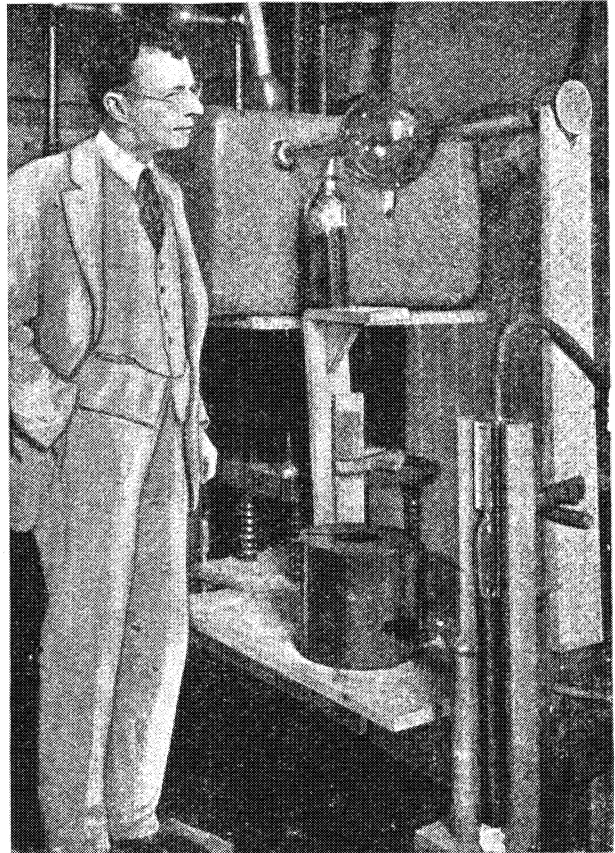
талях в каждом помещении с X-лучами, изобрел новую большую трубку, так называемую «пушку Кулиджа», выбрасывающую электроны лучом, который заставляет накаляться холодные каменные глыбы, превращает жидкие тела в твердые; убивает бактерии, эквивалентен тонне радия.

Понятно важное значение последнего обстоятельства, когда знаешь, что во всем мире имеется только фунт выделенного радия и что, по вычислениям, унция радия привела бы в движение океанский пароход.

В шаре и трубке, которые вы видите на фотографии, профессор Кулидж образует пустоту. Внутри подвешен кусок металла вольфрама. Электрический заряд проводится через трубку и электроны, освободившись от атомов вольфрама, устремляются вниз по трубке напрова и потоком выходят через «окно» — пластинку, состоящую из смеси металлов, — в конце трубки. Когда электроны покидают вольфрам, они путешествуют со скоростью мили в секунду, но перед тем, как они проходят через «окно», скорость их увеличивается до 150 000 миль в секунду.

Когда электроны ударяются в предметы в комнате, отделяются X-лучи, и они вредно действовали бы на попадавшихся на их пути людей. Поэтому профессор Кулидж и его ассистенты следят за действиями своих лучей из свинцовой камеры с окном из свинцового стекла.

Много предметов пробовали помещать как раз перед концом трубки и подвергали их действию потока электронов. В то время, как масло приобретает неприятный вкус, с табаком не происходит никаких перемен. Кинематографические пленки становятся ломкими, как стекло. Столовая соль приобретает коричневый цвет. Из семян, под-

Профессор Кулидж у своей знаменитой «пушки».

вергавшихся действию лучей, вырастают растения с искривленными стеблями.

— Не лучи ли это смерти, о которых так много фантазируют? — спросит кто-нибудь.

Нет, они обожгут человека, но не принесут ему серьезного вреда. Это, вернее, лучи жизни. Физиологи делали опыты с новой трубкой профессора Кулиджа и надеются, что поток электронов будет исцелять недуги, на которые не может повлиять более слабый радий.

СОВЕРШЕННЫ ЛИ

Испытание чувства вкуса. Легкий удар стеклянной палочкой по кончику языка должен вызвать ощущение сладости.

О черк.

Очень важно иметь все пять главных чувств:—зрение, слух, обоняние, вкус и осязание,—в полном порядке. Но у всех ли они в порядке? Вот ответ: сделайте следующие опыты и проверьте ими ваши чувства.

Прежде всего—уши. Для этого достаточно взять обыкновенные карманные часы. Одни из тикающих ударов всегда громче, другие тише, но большую их часть вы должны слышать совершенно явственно на расстоянии метра.

Это один опыт, старый, но надежный. Затем нужно решить следующее: ваш слух может быть нормален в отношении улавливания густоты звука, но достаточно ли он тонок, чтобы различать разные звуки. Можете ли вы назвать хотя бы три раза без затруднения, что делает ваш знакомый, когда вы не видите его движений? Пусть он проведет пальцами по стеклу, зажжет спичку, сыграет на гребенке, перелистает страницы книги, постучит на пишущей машинке. Попробуйте, и вас удивит, как чужды вам звуки, разобранные от их обычной связи со зрением.

Возьмем затем другое чувство, кажущееся таким незначительным — чувство

вкуса. Только очень немногие—химики, специалисты, пробующие различные питательные вещества, и аптекари знают, как важно иметь тонкий вкус. Они одни знают что органы вкуса должны быть вполне развиты, чтобы человек мог оценить вкус чего бы то ни было.

Но чувство вкуса само по себе не есть вкус. Хотя различные вкусовые сосочки во рту и дают особые ощущения вкуса, но прежде, чем почувствовать вкус, нужно **п о н ю х а т ь** то, что пробуешь.

Вот опыт, который это подтверждает. Спросите курильщика: разнятся ли между собой во вкусе папиросы. Он непременно скажет, что его любимый сорт совершенно отличен от других сортов папирос. Но завяжите этому знатоку курильщику глаза, пусть он зажмет нос, и давайте ему делать неравные затяжки то закуреной папиросой, то совсем незажженой. Через две минуты он не сможет отличить затягивается ли он закуреной или незажженой папиросой. Ему недостаточно одного чувства вкуса. Только в соединении с чувством обоняния курильщик действительно может отличить свою любимую папиросу.

Так же трудно различить по вкусу сырую картофелину от яблока, если чувство обоняния исключено.

Но чувство вкуса можно испытать следующим образом: возьмите чистую стеклянную палочку и ударьте ею слегка по кончику языка. Нормальный язык сейчас же ощутит чувство сладости, потому что приведены в действие сосочки на конце языка. Но если человек ест слишком много сладостей, ощущение

нибудь восьмую дюйма. Для того же чтобы почувствовать два отдельных укола на спине, вы должны раскрыть ножницы дюйма на два. Другой опыт делается с мраморным или даже с хлебным шариком. Скрестите первый и второй палец и катайте ими шарик. Обыкновенно получается ощущение двух шариков, а не одного.

ние это или ослаблено, или совсем отсутствует. Если этой же стеклянной палочкой слегка ударить сбоку языка, во рту должен появиться горьковато - кислый вкус.

Чувство обоняния можно проверить, завязав глаза и нюхая различные знакомые запахи. Из десяти запахов вы должны узнать пять, если у вас нормально развито чувство обоняния. Это не так легко, как кажется. Без помощи изображения предмета, виденного глазами, чувство обоняния может грубо ощутить разницу в запахах, но не может определить все пять раз, какие именно это запахи.

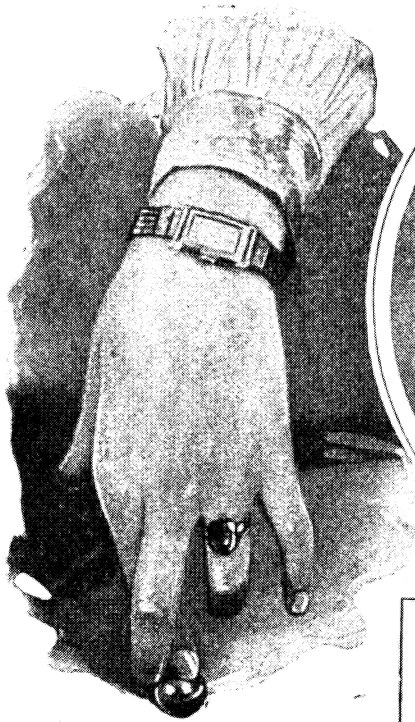
Очень важно чувство осязания. Но обычно оно бывает у людей или совершенно нормально, или же наоборот—никуда не годится. На конце пальцев и языка чувство это гораздо тоньше, чем, например, на спине. Вы отчетливо почувствуете два укола на конце пальца, если слегка уколете его ножницами, раскрытыми на какую-

Курильщик не может по одному только вкусу различить закуренную папиросу от незажженной.

Наконец возьмем чувство зрения. Это самое важное из всех чувств, его больше всех изучают, но, как это ни странно, к нему относятся очень небрежно.

Тут являются три вопроса: можете ли вы видеть на расстоянии? можете ли вы

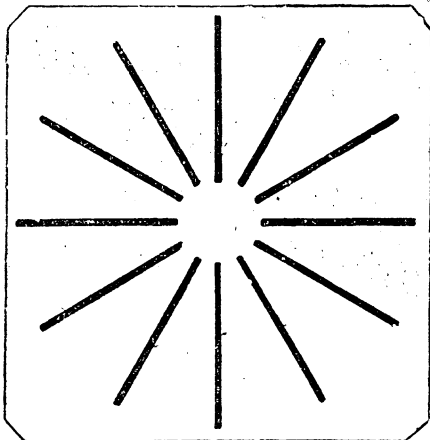
Один шарик дает ощущение двух шариков

Испытание чувства осязания на спине и на кончиках пальцев.

видеть вблизи? и не страдает ли
ваше зрение астигматизмом?

Все знают, как пробуют силу

Испытание астигматизма. Если черные линии
однотонны на расстоянии десяти футов, астигматизм отсутствует.

зрения у глазных врачей или в оптических
магазинах, подбирая очки.

Астигматизм можно испытать с помощью карты, на которой обозначены черные линейки. Такая карта изображена на нашем рисунке. Поставьте ее на расстоянии трех метров и взгляните в эти линейки. Если они покажутся вам одного и того же черного цвета, астигматизм отсутствует. Если же одни линии покажутся вам чернее других, ваше зрение несомненно страдает астигматизмом. Нормально, большинство глаз слегка астигматично.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА.

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 7.

Надо решить три помещенных здесь задачи №№ 27, 28 и 29. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще $\frac{1}{2}$ очка дополнительно может быть прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, — при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием);

1-я премия. Художественное иллюстрированное издание «Демон» М. Лермонтова.

2-я премия. Бесплатное получение в течение 1929 года журнала «Вестник Знания».

3-я и 4-я премии. «Гений и творчество» — проф. Грузенберга. — Основы теории и психологии творчества.

5-я—10-я премии. По выбору премированных одно из следующих изданий: «Наука в вопросах и ответах», «Общественная медицина и социальная гигиена» — проф. З. Г. Френкель, «Пылающие бездны» — фантастический роман Н. Муханова или шесть №№ «Мира Приключений» за 1926 или 1927 гг.

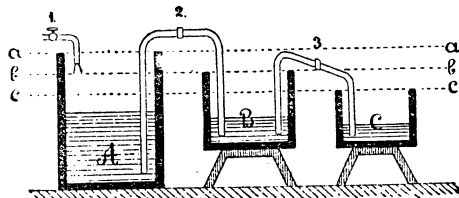
Все решения по конкурсу должны быть изложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте нужно сделать надпись «В отдел задач».

Срок присылки решений — 5 декабря с. г.

Как польется?

Задача № 27 — 4 очка.

Три сосуда А, В и С расположены так, как указано на рисунке. Вода льется из трубки (крана) — 1 в сосуд А, отсюда переходит по трубке 2 в сосуд В, а из последнего, по трубке 3, в сосуд С. Трубки 2 и 3 снабжены зажимными кранами, которые могут быть открыты либо больше, либо меньше; это регулирует

по разному количеству воды, поступающей в сосуд А и переливающейся в сосуды В и С. Понятно, что в результате, при установлении в каждом случае постоянного режима, вода будет устанавливаться в сосудах на различных уровнях (буквами а, в и с соответственно обозначены уровни краев данных сосудов). Просмотрите состояние воды во всех сосудах при всех возможных случаях разной относительной пропускной способности трех кранов и укажите результаты в отдельной табличке

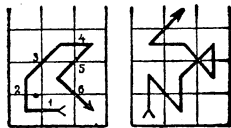
Обойдите чередом.

Задача № 28 — 3 очка.

Надо обойти квадрат из 5×5 клеток системой прямых и косых ходов. — Прямым ходом назовем движение на одну клетку вперед, назад или влево, вправо (все по прямым рядам).

Косым ходом назовем движение на одну из четырех тоже соседних клеток, находящихся в косых, диагональных направлениях (так ходят вперед в шашках). Но в требуемом обходе оба рода движения должны обязательно все время чередоваться. И таким обходом надо покрыть все 25 клеток взятого квадрата. Искомых способов, конечно, не один; найдите их побольше.

Для ясности на схемах приведены примеры правильных (справа) и неправильных (слева) обходов „чередом“.

Ловкие ножницы.

Задача № 29 — 2 очка.

Вырежьте из бумаги прямоугольную полоску, в которой длина будет в 3 раза больше ширины. Надо накрошить из этой полоски 12 квадратиков в точности равных между собой. Но для такой операции можно сделать всего два разреза ножницами. Скажите, как?

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 3.

Подобно конкурсу № 2 и по тем же самым причинам, число участников и здесь оказалось очень большим — 19 человек. Из решений в оценке получили: 1—12 очков, 8—11 очков, 4—10 очков и остальные — менее 10 очков (в том числе у большинства и дополнительные очки за выполнение решений).

ПРЕМИИ РАСПРЕДЕЛЕНА ТАК: —

1-я премия. Народоведение — Ратцеля (ценность издания—15 руб.). — В. В. Замбржцкий (Ленинград).—2-я премия. Альбом художеств. произведений К. А. Сомова (ценность—10 руб.).—Н. М. Русанов (Москва). 3-я премия. Происхождение животного мира—Гааке (ценность—7 руб.).—Е. А. Соколов

(Иваново-Вознесенск). — 4-я премия. „Гений и творчество“—проф. С. О. Грузенберга — В. И. Введенский (Ленинград).—5-я—10-я премии. Одно из изданий указанных в условиях конкурса¹: 5) П. Б. Горцев (Ростов н/Д.); 6) С. Н. Полетаев (Москва); 7) Е. И. Кляшко (Харьков); 8) Б. В. Смирнов (Одесса); 9) Н. Н. Бартельс (Ленинград); 10) В. А. Климушин (В.-Волочек). В жеребьевке на последнюю премию еще принимали участие: 11) В. И. Лапин (Новгород); 12) Х. Ш. Файфман (Киев); 13) Н. Ф. Докучаева (Детское Село).

¹ Необходимо немедленно сделать заявку о желаемой премии.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 3.

Задача Региомонтануса.

Задача № 10.

		5×5			4×4				
А									
	2×2				6×6				
А									

Первый вопрос имеет такой ответ: $9^2 = 6^2 + 5^2 + 4^2 + 2^2$ ($81 = 36 + 25 + 16 + 4$). Следующими по величине числами с теми же свойствами будут 11 и 13 ($11^2 = 10^2 + 4^2 + 2^2 + 1^2$; $13^2 = 10^2 + 8^2 + 2^2 + 1^2$). — Попытки некоторых читателей доказать решение анализом вышли неудачными (кроме Х. Файфмана).

Второй вопрос решается несколькими способами при наименьшем числе долей большего квадрата, равном шести.

Из восьми букв.

Задача № 11.

Из представленных на конкурс анаграмм наибольшее число слов составляет из букв: а, о, н, л, р, с, т при восьмой букве либо в, либо и (расотне или простани)—до 350 слов (не считая специальных терминов и малоупотребляемых слов, требующих для большинства подстрочника).—Такие решения получили в оценке полное число очков, а наборы менее 250 слов—по 3 и 2 очка.

Аппарат для сбора фруктов.

Задача № 12.

1) Основное условие, при котором аппарат в целом может исправно выполнять контрольные функции, заключается в том, чтобы блок, через который перекидута веревка, имеющая на одном конце груз г, а на другом конце корзину, — чтобы этот блок был укреплен не на конце коромысла, а на дереве (совершенно

независимо от коромысла). С уравновешением сборщика в люлке постоянным грузом б при горизонтальном положении коромысла, надо добавить еще дополнительный груз в, под действием которого люлька поднимается. И тогда колокольный сигнал будет подаваться, если нагрузка в люлке возрастет на величину, меньшую груза в во столько раз, во сколько раз расстояние от точки подвески люльки до оси вращения коромысла больше расстояния от той же оси до груза в (напр., при последнем отношении, равном 4, и при грузе в = 2 кг, аппарат будет сигнализировать, если сборщик заберет в люльку или съест $\frac{1}{2}$ кг фруктов).

2) Непрактично в аппарате то, что при неизменной длине длинного плеча коромысла и при закреплении оси у земли сборщик может снимать фрукты лишь с очень ограниченного района, после чего весь аппарат придется переносить в другое место. Было бы много удобнее иметь подвижную установку коромысла как относительно земли (напр. на колесах), так и относительно оси (с целой серией готовых отверстий). Ссылка некоторых читателей на необходимость иметь помощника внизу для опораживания корзины неосновательна, так как после автоматического опускания корзины на землю она может быть опрокинута особой веревкой самим сборщиком сверху.

3) Но и при хорошо приспособленном аппарате сборщик может заниматься хищением фруктов, без обнаружения этого сигнализацией, если он догадается забрать с собой до подъема вверх какой-нибудь балласт (песок, камни): постепенно набирая фрукты лично себе, он должен, конечно, одновременно скидывать балласт, чтобы не нарушить прежнего равновесия системы.

Примечание. Здесь оценивается лишь целесообразность действия контрольного аппарата, а не целесообразность устройства самого контроля, как такового. В хозяйствах и предприятиях с пищевыми продуктами обычно считается более целесообразным разрешать свободное поедание (конечно, безо всякого утеса).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, набело, чернилами, а не карандашом (а еще лучше—напечатаны на машинке), подписаны автором и снабжены его точным адресом. Переводчики должны прилагать иностранный оригинал. В случае необходимости, рукописи подлежат сокращениям и исправлениям. Рукописи, присылаемые без обозначения условий, оплачиваются по норме Редакции. Письменные ответы для Редакции не обязательны. На возврат рукописей необходимо прилагать чеки. Непринятые рукописи хранятся 3 месяца и потом уничтожаются. Личный прием в Редакции по понедельникам от 2—5 ч. дня.

ПРИНЯТЫ К ПЕЧАТИ РАССКАЗЫ: „За полтинник“ и „Медвежья охота“.

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Жизнь умирает“ (2 рассказа под общим заголовком).—„Доля женская“ (стихотворение).—„Бандиты“.—„Невероятно, но факт“.—„Офтра“.—„Васька-Гром“.—„Последняя победа Лени Месяца“.—„Багровая шалаанда“.—„Под гипнозом“.—„Морское путешествие в страну Артиколов“.—„Дедал и Икар“.—„Возвращение Гербен-Ойрота“.—„Возникновение мира“.—„Их было пятеро“.—„Пират, цыгана“.—„Что говорит в тебе“.—„Смерть Асуара“.—„Коммунист“.—„Два“.—„Охотники за ладном“.—„Дитя полей“.—„На кабана“.—„Сандро“.—„Сверхлюбовь“.—„Энергия“.—„Обида“.—„В горах“.—„Друг“.—„Месть китайца“.—„Остров смерти“.—„Две сестры“.—„Алименты вучке“.—„Долина ужаса“.—„Регрессист“.—„Двое“.—„Пропущенный случай прославиться“.—„Озеро и река“.—„Кладбище морских гигантов“.—„Дамочка с собачкой“.—„Невеста Батырхана“.—„Изумительной“.—„Картофельный бунт“.—„Небольшая ошибка полковника Перегидалова“.—„Кыз-Куле“.—„Страх“.—„Соболь“.—„На волосок от смерти или водяная крыса“.

Я. и др. авторам.—На Ваш вопрос, имеет ли автор право после напечатания рассказа в „Мире Приключений“ или вообще в одном из журналов, продать это произведение для издания его отдельной брошюрой, отвечаю: да, имеет, если противное не предусмотрено особым договором с издательством журнала.

А. В. С. (Запорожье).—Тут какое-то недоразумение. Мы не печатали и не могли печатать объявления о том, что не принимаем подписки на „Мир Приключений“. Наша контора каждый день принимает такую подписку. Мы сообщали только, что если подписка сдана в почтовом учреждении, т. е. если деньги не посланы непосредственно в Издательство, то за всеми справками по журналу надлежит обращаться в то учреждение, где принята подписка. В видах удобства читателей мы поэтому и предпочитаем непосредственную пересылку денег в Издательство.

И. Д. Шрайбману (Житомир).—Мы все, граждане СССР, стремимся к культурной революции. Авторы-литераторы не должны быть в числе отсталых. Культура требует вежливости всегда, а когда человек обращается с просьбой, то еще обязательно. Редакция не может отвечать на все письма, и если она это делает, то это ее любезность, о которой нужно просить. После Вашей рукописи прибавлена фраза: „ответить не в Почтовом ящике а в прилагаемой открытке“. Нужно было написать: „прошу ответить“. На открытке мы Вам, все-таки, ответили.

<p>Я. И. ПЕРЕЛЬМАН</p> <p>ТЕНЬ ТЯГОТЕНИЯ И ЕЕ СВОЙСТВА</p> <p>Цена 30 к., с перес. 40 к.</p>	<p>ГЕРБЕРТ УЭЛЬС</p> <p>БОРЬБА МИРОВ</p> <p>НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН</p> <p>в 2-х частях.</p> <p>Часть I. Прибытие марсиан. Часть II. Земля под властью марсиан.</p> <p>Цена 50 к., с перес. 70 к.</p>	<p>Н. И. МУХАНОВ</p> <p>ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ</p> <p>НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН</p> <p>в 3-х частях, с иллюстр. М. Я. МИЗЕРНОНА.</p> <p>Цена 1 р., с перес. 1 р. 20 к.</p>
--	--	--

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ А. ЭЙНШТЕЙНА И НОВОЕ МИРОПОНИМАНИЕ. Проф. О. Д. ХВОЛЬСОН.

Содержание: 1. Введение. 2. Понятие об относительности. 3. Движущаяся система. Принцип относительности Ньютона. 4. О той среде, в которой происходят явления. Воздух и эфир. 5. Специальная теория относительности. Ученые о времени. 6. Новое в учении о размерах и форме тел. 7. Вопрос об эфире. Относительная скорость двух систем. 8. Масса и энергия. 9. Введение в общую теорию относительности. Новое учение об инерции или косности. 10. О конечности пространства. 11. Основы общей теории относительности. 12. Выводы общей теории относительности. 13. Проверка выводов общей теории относительности. Заключение.

Цена 50 коп.

С требованиями на книги обращаться в Изд-во «П. П. С О Й К И Н», Ленинград, 25, Стремянная, 8.

Мелкие суммы можно высылать почтовыми марками в заказном письме.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

**ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО**

**ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.**

**ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»**

**ЖУРНАЛ «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» ЗА ПРЕЖНИЕ ГОДЫ ДО 1924 Г. РАСПРОДАН
ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА:**

За 1924 г. (вышло 3 номера №№ 1—3)	Цена 2 р.	} в переплете 6 р.
„ 1925 „ („ 6 „ „ 1—6) „ 3 „		
„ 1926 „ („ 9 „ „ 1—9) „ 5 „		
„ 1927 „ („ 12 „ „ 1—12) „ 6 „		

№ 1-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ВОЙНА ЗЕМЛИ С МАРСОМ В 2423 ГОДУ, фантастический роман Н. Муханова, с рис. худ. Мизерюка. — 25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА, юмористический рассказ В. С. с рис. худ. Владимиропа. — ТЕНЬ НАД ПАРИЖЕМ, С. А. Тимошенко, с рис. И. С. — ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ЗЕМЛЯНИКЕ, БЕТХОВЕНЕ И БОА-КОНСТРИКТОРЕ, рассказ И. Доллина, с рис. худ. С. Конского. — КОНКУРС МИСТЕРА ГОШКИНСА, рассказ Л. Арабескова.

№ 2-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ПЛЕННИКИ МАРСА, фантастический роман Н. Муханова, с рис. худ. Мизерюка. — БУДДЫ МА-СЕНИ, рассказ Френсис Ноульс-Фостер, с рис. С. Писо. — БЕГСТВО АНРИ РОШФОРА, исторический рассказ М. К. Губера, с рис. Мишо. — СЛУЧАЙ В КИНЕМАТОГРАФЕ, рассказ А. П. Горш, с рис. М. И. Мизерюка. — РУКА МУММИ, рассказ Дюффа Аландского, с рис. М. М.

№ 3-й за 1924 год. Содержание: ПЫЛАЮЩИЕ БЕЗДНЫ. ТОТ, В ЧЬИХ РУКАХ СУДЬБЫ МИРОВ, фантастический роман Н. Муханова, с рис. Мизерюка. — ЕЖОВАЯ ЛАПКА МАРБУТА, рассказ П. Хитченса, с иллюстрациями П. Василеко. — ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ, рассказ Роберта Леммона, с рис. А. Михайлова. — СУНДУК С ПРУЖИНОЙ, американский рассказ Марка Троекурова, иллюстр. Н. Кочергина.

№ 1-й за 1925 год. Содержание: ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА, рассказ Д. Коллина. — БИТТ-ВОЙ, ПРИНОСЯЩИЙ СЧАСТЬЕ, рассказ А. С. Грина. — РАМЗЕС XVII, рассказ Отто Рунг. — Шведск. иллюстр. Мишо. — ОПЫТ, рассказ В. Богословского. — СКВОЗЬ ОГНЕННЫЙ БАРЬЕР, рассказ Джорджа Глендона. — ОСТРОВ СИРЕН, рассказ М. Каргачевой. — ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА ФИККИНСА, рассказ Коутс Бристен. Иллюстр. М. Я. Мизерюка. — ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ, восточная сказка В. Розеншильда-Пауллина. — ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ, рассказ Вас. Левашева. — ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЧЕСТЬ, рассказ Ф. Б. Бейли. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

№ 2-й за 1925 год. Содержание: ТАК ПОГИБЛА КУЛЬТУРА, фантастический рассказ П. А. Рымкевича. — НА МАЙКЕ, рассказ Б. Г. Островского. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ: — I. ТАЙНА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ, рассказ К. Фезандие. — СЫН МИСТЕРА САМУЭЛЯ БРАУНА, рассказ Джекобса. Иллюстр. Мишо. — ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ, повесть Рэй Кеммингса. С рис. — НЕМНОЖКО ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА, рассказ Э. П. Бетлера. Иллюстр. М. Я. Мизерюка. — БЕЗГРАНИЧНОЕ ВИДЕНИЕ, рассказ Чарльза Уин. — КАК БРОСИТЬ КУРИТЬ, психологическая юмореска на злобу дня Г. Маазеревского. — НОВООБРАЩЕННЫЙ, юмористический рассказ В. Джекобса. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.

№ 3-й за 1925 год. Содержание: КРОВАВЫЕ КОРАЛЛИ ПРОФ. ОЛЬДЕНА, рассказ П. Аландского. — НА ФРАНЦУЗСКОЙ КАТОРЕ В ГВИАНАЕ, рассказ Луи Мерлиэ. — ПРОКАЖЕННЫЙ, П. — КОЛОКОЛЬНЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ АКУЛ. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ: — II. МАШИНА СНОВИДЕНИЙ, рассказ К. Фезандие. — КОЛЕСО, фантастический рассказ А. Ульдинского. С иллюстр. — ЗАДАЧА № 1, ЛАБИРИНТ, сост. П. В. Мелентьев. — ПОРТРЕТ, рассказ Н. Ивановича. — НАД БЕЗДНОЙ, рассказ В. Г. Левашева. — ПИАНИНО, рассказ В. Вильямса. — ЕГО ТАЙНА, рассказ Сигурда, со шведского. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. ИСКУССТВЕННЫЕ КЛЕТКИ, статья акад. проф. В. Л. Омельникова.

№ 4-й за 1925 год. Содержание: ГОЛУБЫЕ ЛУЧИ, рассказ Н. Квинтова, иллюстр. А. Порет. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ: Задача № 3 и 4. — ПРИЛИВ, рассказ Ф. Пирса. — 4, 4, 4, рассказ Н. Москвина и В. Фефера. — НОВЫЕ ВИДЫ СПОРТА, с иллюстр. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ: — III. ТАЙНА РОСТА, рассказ К. Фезандие. — В ДОМЕ КРИВОГО ФЕРМЕРА, рассказ А. Гербертсона. Иллюстр. М. Михайлова. — ПАТЮРЕН И КОЛЛИНЭ (Эксплоататор солнца), рассказ Б. Никонова. — ПРАВДА ИЛИ НЕПРАВДА, восточная сказка В. Розеншильда-Пауллина. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ: Задача № 5. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. Окровения науки и чудеса техники: МИР ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И МИР ВИДИМЫЙ, статья проф. Н. А. Морозова (Шлиссельбуржца).

№ 5-й за 1925 год. Содержание: ЧОРТОВА ДОЛИНА, рассказ В. Д. Никольского. — НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ: Задача № 6. — НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ, рассказы Н. А. Ловцова: — ЗА СОБОЛЕМ. — ЧЕТЫРЕ ГОЛОВЫ. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ: — IV. ТАЙНА СИРЕНИ. — МАЙК, рассказ М. Комарова. С рис. — ВЛАСТЬ ПРИВЫЧКИ, рассказ Джекобса. — ШУТКА, повесть Гуго Крицковского. — ДРАГОЦЕННОСТИ, очерк О. С. — СЕАНС ЧТЕНИЯ МЫСЛЕЙ. — ВОРОВСКОЙ ОБКОЛ, рассказ Гаральда Ственса. — ПОЯС, рассказ Рихарда Кноффа, со шведского. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ. Окровения науки и чудеса техники: О РАДИИ И ОБ ЕГО РУДАХ, статья проф. М. И. Новорусского (Шлиссельбуржца).

№ 6-й за 1925 год. Содержание: АТЛАНТИДА, научная фантазия Р. Девиана. Введение проф. Г. Гелькеля. Иллюстр. М. Мизерюка. — ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА, рассказ К. К. Серебрякова. — ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ: — V. ТАЙНА ВЫМЕРШЕГО МИКРОБА, рассказ К. Фезандие. — ОТЧАЯННЫЙ КАПИТАН, рассказ В. Розеншильда-Пауллина. — ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО КОРОЛЯ, очерк В. Шевгорской. — СО ДНА, рассказ Оскара Глута. — ПОСЛЕ АВАРИИ, рассказ Георга Габеленца. — В МАСЛЕНИЧНОМ УГАРЕ, рассказ Гергарта Гаутмана. — ПЕРЧАТКИ УИЛЬЯМА ФИРКИНСА, рассказ В. Фефера и Н. Москвина. — ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СКАЛИСТОМ УЩЕЛЬЕ, рассказ Эвс. Шведера. — ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ.